

Федеральное агентство по образованию
Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия
(СибАДИ)

Н.В. Кабакова

ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНЫХ
УЕЗДОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Монография

Омск
Издательство СибАДИ
2008

УДК 94(57):314
ББК 63.3(2Р53):60.7
К 12

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. В.Д. Полканов
(Омский государственный технический университет);
канд. ист. наук, доц. М.Л. Бережнова
(Омский государственный университет им. Достоевского)

Монография одобрена редакционно-издательским советом СибАДИ.

Кабакова Н.В.

К 12 Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Монография. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2008. – 216 с.

ISBN 978 – 5 – 93204 – 435 – 3

Монография посвящена рассмотрению вопросов формирования населения южных уездов Тобольской губернии – Тарского, Ишимского и Омского – в конце XVIII – первой половине XIX вв.: механического движения (прибытие ссыльных и жителей из Европейской России), внутриуездных миграций, естественного прироста.

Для историков, этнографов и всех, кто интересуется историей Сибири.

Табл. 41. Библ.: 146 назв.

ISBN 978 – 5 – 93204 – 435 – 3

© Н.В. Кабакова, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Западная Сибирь – связующее звено Европейской и Азиатской России. Проникновение русских землепроходцев за Урал, в эти свободные или малозаселенные просторы, началось более четырех столетий назад. При этом на долю русских выпал значительный и трудный период истории, когда они сумели укорениться на огромных просторах восточной окраины. Но колоссальные расстояния и пространственная оторванность не привели к отпочкованию сибиряков в отдельную нацию. Они остались частью русского народа, составив абсолютное большинство населения региона. Все это придает изучению процессов жизнедеятельности населения, протекавших на территориях Западной Сибири, особое значение.

Любое историческое исследование не может считаться полным, если в нем не используются данные о численности и воспроизводстве населения. Без подобных материалов невозможно изучение прошлого как в общенациональном, так и в региональном масштабе. Такие сведения необходимы также при рассмотрении отдельных исторических вопросов, проблем социально-экономической и политической истории.

Сегодня Россия вновь переживает один из сложных периодов своей истории, поэтому пристальный интерес к прошлому нашей страны особенно актуален. Одним из важнейших аспектов развития последних десятилетий является демографический вопрос. Данная проблема имеет широкий общественный резонанс, поскольку в результате общего направления демографического развития, а также социально-экономического кризиса, поразившего Россию в конце XX – начале XXI вв., наша страна оказалась и остается ныне на грани демографической катастрофы. Несмотря на то, что в последнее время предпринимаются попытки исправить ситуацию, изменяется она мало. Да и существующие прогнозы далеки от оптимистических.

Итоги всероссийской переписи населения, осуществленной в октябре 2002 г., показали весьма неутешительные результаты. Общее сокращение постоянного населения Российской Федерации составило за 1989 – 2002 гг. 1840 тыс. чел. или 1,3%.¹ При этом из-за естественной убыли оно уменьшилось на 7399,8 тыс. чел., что

¹ Предварительные итоги всероссийской переписи населения 2002 года // Вопросы статистики. – 2003. – № 5. – С. 3.

составило сокращение на 5% по сравнению с населением 1989 г. Не принесли позитивных изменений демографического плана и последующие годы. Так, численность постоянного населения России сократилась за январь-август 2007 г. на 196,6 тыс. человек, а в процентном отношении на 0,14%, и на 1 сентября 2007 г. составляла 142 млн. человек.²

Перепись зафиксировала отсутствие прироста жителей практически во всех федеральных округах. На территории только Сибирского федерального округа произошло его сокращение на 4,8%, что обусловлено как естественной убылью, так и миграционным оттоком населения (в центральные и южные районы страны, в Поволжье). По данным переписи 2002 г., в Сибири сохранилось характерное для послевоенных лет преобладание женского населения над мужским (на 1000 мужчин приходится 1133 женщины).³

Все это, несомненно, крайне негативно сказывается на развитии региона. В настоящее время Сибирь потеряла былую привлекательность для переселенцев, а общий уровень и качество жизни в стране привели к сокращению естественного прироста жителей в результате снижения рождаемости и роста смертности. Именно поэтому изучение процессов развития населения на территории Сибири представляет интерес не только с точки зрения полноты исторических знаний. Постигание богатого опыта предков дает возможность найти ответы на многие насущные вопросы современности.

Историографический обзор

Вопросы, касающиеся формирования населения разных регионов, издавна находились и остаются в поле внимания многих исследователей. Почему, откуда появлялись жители в тех или иных местностях, как они обосновывались на новых землях и как складывалась их жизнь в новых условиях – вот далеко не полный перечень наиболее важных вопросов, поставленных в подобных работах. При этом каждая территория имеет свою интересную и непохожую на другие историю освоения. Иногда процесс освоения региона начинался еще в незапамятные времена, в других случаях –

² <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/03007/index.php>.

³ Предварительные итоги всероссийской переписи населения 2002 года. – С. 4 – 5.

сравнительно недавно. Порой на смену исчезнувшим либо сменившим «место прописки» народам приходили новые.

В течение длительного времени историография заселения Сибири накопила богатый материал. При этом его собирание началось вскоре после начала присоединения зауральского региона к России. Важное место в изучении истории края составили труды участников многочисленных сибирских экспедиций, в описаниях которых отразились естественно-географические условия, система управления, облик сибирской деревни и образ жизни местных жителей.⁴

Однако изучение вопросов, непосредственно связанных с формированием народонаселения, началось в XIX в. В исследованиях историков этого времени более всего внимания уделялось ссылке и переселениям из других губерний. Так, в трудах Ю.А. Гагемейстера, И. Завалишина, Г.Н. Потанина содержались сведения, касающиеся различных сторон социально-экономической жизни, естественно-географических условий и численности населения Тобольской губернии.⁵ Выделяя различные формы колонизации Сибири (вольнонародную, принудительную и смешанную), дореволюционные историки П.А. Словцов и Н.М. Ядринцев считали, что на протяжении всего времени край являлся пристанищем беглых крепостных и бродяг, а ссылка сыграла негативную роль, поскольку не способствовала развитию региона, отрицательно сказывалась на его экономике и нравственном состоянии жителей.⁶ В трудах В.К. Андриевича и П. Буцинского, посвященных развитию Сибири в XVII – XIX вв., также был сделан акцент на роли правительственной миграции в заселении края, показано тяжелое положение ссыльных, впервые осуществлена попытка определить колонизационно-хозяйственное значение ссылки и ее влияние на формирование

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. – М. – Л., 1937 – 1941; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1856; Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. – М., 1946; Степанов П. Путевые записи, веденные во время поездки летом 1885 года в верховьях рек Тартаса и Тары // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (Далее – Зап. ЗСО РГО). – 1886. – Кн. 8. – Вып. 1. – С. 1 – 24; Фальк И.П. Записки // Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб., 1824. – Т. 6.

⁵ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч.1,2; Завалишин И. Описание Западной Сибири. – М., 1862. – Т.1; Потанин Г.Н. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в половине XVIII столетия // Вестник Российского географического общества. – 1860. – № 8. – С. 201 – 220.

⁶ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск, 1995; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – Тюмень, 2000.

населения Сибири.⁷ Помимо прочего, в конце XIX в. появились исследования социально-экономического характера, способствовавшие углублению представлений о развитии отдельных регионов Тобольской губернии.⁸

В целом же работы, опубликованные в дореволюционный период, носили описательный характер, игнорировался вопрос естественного движения населения, а полученные выводы нередко оказывались противоречивыми. При этом в обзоре «Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868 – 1869 гг.» сообщалось: «Приращение населения в губернии совершается двумя способами: перевесом рождаемости над смертностью и переселением из других губерний».⁹ Здесь приводились данные за 9 лет – с 1860 по 1869 гг., в соответствии с которыми естественный прирост по всем округам составил 73 688 чел., т.е. ежегодно в среднем около 8 тыс. человек. Наиболее высоким он оказался в южных земледельческих округах – Ишимском, Омском и Тарском.

В советский период сибиреведами был подробно обследован первый этап освоения Сибири, датируемый концом XVI – началом XVIII вв., подведены итоги земледельческого освоения, определены факторы, повлиявшие на состав первоначального населения, выработаны приемы изучения локальных районов. С.В. Бахрушин, отказавшись от тезиса о «завоевании Сибири», выдвинул новое положение об ее «присоединении», поставив вопрос о необходимости детального изучения форм колонизации, выяснения истории осевших в Сибири новопроходцев.¹⁰ В.И. Шунков впервые рассматривал земледелие как стержень всей экономической жизни Сибири практически с самого начала ее заселения. Большое внимание он уделял изучению количественного и социального состава земледельческого населения, темпов заселения районов Сибири. Ученый установил, что уже с середины XVII в. в районах первоначального заселения стал ощущаться относительный

⁷ Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. – СПб., 1889. – Ч. 1 – 2; Буцинский П. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Харьков, 1889.

⁸ Беликов Д.Н. Первые русские крестьяне-насельники Томского края. – Томск, 1898; Кауфман А.А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. – Томск, 1894; Морозов А. Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 г. // Зап. ЗСО РГО. – 1900. – Кн. 27. – С. 1 – 27; Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. – СПб., 1893.

⁹ Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868 – 1869 гг. – СПб., 1871. – С. 121.

¹⁰ Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1955. – Т. 3, ч. 2.

недостаток сельскохозяйственных угодий, возникло «стремление к разуплотнению» населения, начался процесс «сползания земледелия к югу»,¹¹ а следовательно, расширение ареала расселения жителей.

С начала 1960-х гг. народонаселение Сибири стало объектом специального изучения. Прежде всего, это монография В.А. Александрова,¹² в которой автор показал сложный процесс создания постоянного русского населения на Енисее. Принципиально новые выводы о процессах передвижения жителей в пределах Урала и Западной Сибири в XVI – начале XVIII вв. сделаны А.А. Преображенским, установившим, что на данном этапе дальнейшие переезды отступают на задний план, а им на смену приходят переселения в пределах смежных районов.¹³ В общем, выделилась группа ученых, считавших, что уже на первом этапе освоения Сибири сформировался костяк первоначального русского населения, а процесс его дальнейшего роста происходил, главным образом, за счет естественного внутреннего развития.

В то же время появилось иное положение, основанное на утверждении, что главной причиной увеличения численности сибирского населения была вольная крестьянская колонизация (работы В.М. Кабузана, С.М. Троицкого, М.М. Громыко).¹⁴ Подобные расхождения в оценке источников роста численности жителей Сибири были вызваны слабой изученностью истории народонаселения. Полученные выводы часто опирались на разрозненные показатели, не учитывались административно-территориальные изменения, происходившие в регионе.

В 1960 – 70-е гг. стал интенсивнее исследоваться последующий этап истории освоения Сибири – 20 – 80-е гг. XVIII в. Заметный вклад

¹¹ Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). – М., 1956.

¹² Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). – М., 1964.

¹³ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII вв. – М., 1956.

¹⁴ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск, 1965; Она же. Динамика земледельческого освоения Западной Сибири в 60 – 80-е гг. XVIII века // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск, 1965. – Вып. 2. – С. 164 – 176; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Движение населения Сибири в XVIII веке // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск, 1962. – Вып. 1; Они же. Численность и состав населения Сибири в 1 пол. XIX века // Русское население Поморья и Сибири. – М., 1973. – С. 261 – 277; Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. (1795 – 1917 гг.) // История СССР. – 1979. – № 3. – С. 24 – 38.

внесли авторы работ, рассматривавшие миграционные процессы, территориально ограниченные отдельными районами Сибири, была конкретизирована схема освоения региона.¹⁵ Историки, характеризуя отдельные источники пополнения населения, уделяли внимание различным сторонам жизни ссыльных на территории Сибири, приводили некоторые данные об их размещении.¹⁶

В эти десятилетия появились также работы, посвященные переселенческому движению государственных крестьян периода реформы П.Д. Киселева. Прежде всего, это монография Н.М. Дружинина, способствовавшая активизации интереса исследователей к данной теме и получившая не только огромное научное, но и общественно-политическое значение.¹⁷ Впоследствии были опубликованы исследования, связанные с отдельными вопросами переселенческой политики правительства в первой половине XIX в., выявлением численности переселившихся в многоземельные районы страны и, в частности, в Тобольскую губернию.¹⁸

¹⁵ Бояршинова З.Я. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи // Проблемы истории советского общества Сибири. – Новосибирск, 1970. – Вып. 2. – С. 74 – 84; Она же. Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX вв. // Итоги и задачи изучения Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1971. – С. 40 – 56; Булыгин Ю.С. Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Аля // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1964. – Вып. 1, т. 177. – С. 16 – 32; Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – нач. XX вв.). – Новосибирск, 1984; Устюгов Н.В. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII веке // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1961. – С. 64 – 74; Водарский Я.Е. Численность русского населения Сибири в XVII – XVIII вв. – Русское население Поморья и Сибири. – С. 194 – 213; Колесников А.Д. Миграции русского населения в Западной Сибири в XVIII – нач. XIX вв. – Там же. – С. 229 – 248; Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «Смуты» (конец XVI – нач. XVII вв. – Там же. – С. 37 – 59; Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII веке и тунгусские племена. – Там же. – С. 106 – 124.

¹⁶ Дергачев Ю.А. Английские историки о роли ссылки в хозяйственном освоении Сибири в XVI – нач. XX вв. // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1989. – С. 209 – 220; Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Вопросы истории. – Томск, 1964. – Вып. 1. – Т. 177. – С. 44 – 55; Миненко Н.А. О влиянии ссылки на жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – нач. XX вв. – Новосибирск, 1978. – С. 282 – 293.

¹⁷ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – М., Л., 1946 – 1958. – Т. 1 – 2.

¹⁸ Колесников А.Д. Переселение крестьян в Западную Сибирь в середине XIX века // Вопросы истории Сибири. – 1976. – № 9. – С. 36 – 48; Пундани В.В. Государственная

В середине 1960-х гг. появились обобщающие работы по истории Сибири, в которых предпринимались попытки подвести итоги изучения вопросов освоения края. В монографии М.М. Громыко раскрывались миграционные процессы, происходившие на территории Западной Сибири, и подчеркивалось, что стимулом переселений служил поиск удобных для распространения хлебопашества земель. Автор доказывала приоритет промышленной колонизации над естественным приростом населения и движением крестьян из европейских районов России в формировании населения Колывано-Воскресенского горно-металлургического комплекса.¹⁹

Обобщением достижений исторической науки о восточной окраине России явился выход пятитомного академического издания «История Сибири». Ученые, создававшие его, включили в число сведений о развитии края информацию о формировании населения края в XVIII – первой половине XIX вв.: об увеличении числа жителей, влиянии ссылки.²⁰ В то же время было отмечено, что данный труд выявил наличие «белых пятен», поскольку ряд вопросов так до конца и не был исследован, а значит, требовал дальнейшей научной разработки. Так, в этом издании зафиксировано прибытие большого числа переселенцев, высокие темпы роста количества жителей Сибири. Но как осевшее население развивалось в дальнейшем, какие демографические процессы происходили в старожильческих районах, каково было соотношение внешнего притока и естественного прироста, как протекали внутрисибирские миграции – все эти проблемы оказались за пределами данного труда.

В 1970-е гг. В.М. Кабузан обратился к исследованию вопросов о росте численности населения Сибири в составе Российской империи.²¹ Однако в основу вывода о преобладании механического прироста по сравнению с естественным автор положил материалы не первичного учета жителей, а менее достоверные данные окладных

деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. – Челябинск, 1984; Секретов А.А. Переселение государственных крестьян в Тобольскую губернию в 40 – 50-х гг. XIX века: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Омск, 2000.

¹⁹ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение.

²⁰ История Сибири. – Л., 1968.

²¹ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. – М., 1971; Он же. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. – М., 1990; Он же. Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. – М., 1992.

книг и губернаторских отчетов. При этом В.М. Кабузан ссылался на отсутствие данных об естественном движении населения.

Позитивное значение в исследование заселения Сибири внесли труды А.Д. Колесникова, в которых приводились данные о численности и росте населения, изучались миграционные процессы, происходившие на территории Западной Сибири, выяснялись места выхода и оседания переселенцев.²² Большое внимание уделялось ссылке и ее роли в заселении Сибири, устанавливалось общее количество прибывших ссыльных. Выводы А.Д. Колесникова опирались на анализ значительного числа источников, что позволило сделать ему важный вывод о приоритете естественного прироста русского населения в общем увеличении численности жителей Западной Сибири на протяжении XVIII – начала XIX вв.

Положения о преобладании в Сибири в XVIII в. внутрирегиональных перемещений над притоком переселенцев извне, о решающей роли естественного прироста в увеличении населения были подтверждены на материалах северо-западных районов и Прииртышья в работах Н.А. Миненко и Н.Г. Аполловой.²³

В 1970 – 90-е гг. возрос интерес к вопросам развития семейных отношений населения Сибири. Большой вклад в исследование этих проблем внесли Н.А. Миненко, изучающая состав крестьянской семьи, влияние общины и ссылки на ее развитие, роль законодательства, церкви и обычая в жизни сибиряков, и З.Я. Бояршинова, определившая изменения в размере семьи, происходившие в XVIII в. в Томском уезде.²⁴

²² Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – нач. XIX вв. – Омск, 1973; Он же. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII веке // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – 1964. – Вып. 6 (13). – С. 67 - 85; Он же. Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – 1965. – Вып. 7(14). – С. 133 – 156; Он же. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII – XIX вв. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII – XIX вв.). – Новосибирск, 1968. – С. 225 – 238; Он же. Географические знания и землепроходческая роль сибирских крестьян XVIII века // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX вв. – Новосибирск, 1975. – С. 50 – 63.

²³ Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976; Миненко Н.А. Источники пополнения и сословный состав населения западно-сибирской деревни в начале XVIII века // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск, 1987.

²⁴ Бояршинова З.Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1967. – Вып. 3, т. 190. – С. 3 – 19; Миненко Н.А. К

В 80-е – конце 90-х гг. XX в. появились новые исследования историографического плана, обобщающие изучение истории Сибири, а также статьи, посвященные рассмотрению различных сторон жизни сибирских городов, административно-территориальных преобразований, хозяйственного развития региона, особенностей развития сибирского населения в пореформенный период и во второй половине XIX в.²⁵

В течение последних лет опубликованы научно-публицистическая работа А.Д. Колесникова, посвященная истории заселения и хозяйственного освоения Прииртышья в XVI – начале XX вв., а также его новая монография «Омский и Тарский уезды в

изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII века // Крестьянство Сибири XVIII – нач. XX вв. – Новосибирск, 1975. – С. 75 – 85; Она же. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX вв. // Бахрушинские чтения. – Новосибирск, 1971. – С. 41 – 59; Она же. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). – Новосибирск, 1979; Она же. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – нач. XX вв. – Новосибирск, 1978. – С. 282 – 293; Она же. Община и русская крестьянская семья в юго-западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.) // Крестьянская община в Сибири XVII – нач. XX вв. – Новосибирск, 1977. – С. 104 – 125.

²⁵ Зубов В.Е., Рабцевич В.В. Крестьянский аспект демографического поведения представителей дореформенной сибирской бюрократии // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск, 1987. – С. 32 – 44; Ивонин А.Р. Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. – Новосибирск, 1991. – С. 115 – 136; Мамсик Т.С. Сибирская аграрная буржуазия дореформенного периода: опыт социально-демографического анализа. – Там же. – С. 105 – 114; Резун Д.Я. Городское население Тобольской губернии на рубеже XIX века. – Там же. – С. 154 – 162; Рутц М.Г. Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX века. – Там же. – С. 91 – 104; Рабцевич В.В. Административно-территориальное деление Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1980. – С. 3 – 26; Шпалтаков В.П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX века. – Омск, 1997; Зверев В.А. Особенности движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX – нач. XX вв.) // Город и деревня Сибири в досоветский период. – Новосибирск, 1984. – С. 103 – 113; Он же. Особенности демографического поведения крестьян-новоселов в Сибири (конец XIX – нач. XX вв.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск, 1987. – С. 67 – 77 и др.; Пронин В.И. Город и сельское население Сибири в конце XIX – нач. XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. – Новосибирск, 1984. – С. 88 – 102; Он же. Демографические и профессиональные изменения в сельском населении Сибири пореформенного периода // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – С. 90 – 107.

топографическом, историческом и экономическом описании 1788 года»,²⁶ содержащая ценнейшие сведения о природе и экономическом развитии края. Появление этих трудов способствовало не только заполнению неисследованных страниц истории Прииртышья конца XVI – начала XIX вв., но и популяризации прошлого Сибири.

Следует подчеркнуть, что в ходе изучения процессов освоения Сибири историки использовали множество источников.²⁷ При этом выяснилось, что практически по всем проблемам документальные данные имеют расхождения, а это нередко приводило к различным обобщениям и выводам по одним и тем же вопросам.

Неослабное внимание к истории сибирских крестьян прослеживается и сейчас в работах этнографического характера, авторы которых обращаются к истории фамильно-родовых кланов, изучению структуры семьи, брачных связей крестьян представителей различных народов.²⁸ Ученые сделали выводы о заселении края на основе анализа топонимов.²⁹ В демографических исследованиях предлагаются новые методики изучения семьи, построенные на сопоставлении возраста ее членов.³⁰ О том, что интерес к процессам заселения Сибири, формированию его населения не ослабевает и в

²⁶ Колесников А.Д. Омская пашня. Заселение и сельскохозяйственное освоение Прииртышья в XVI – начале XX вв. – Омск, 1999; Он же. Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 года. – Омск, 2002.

²⁷ Зольникова Н.Д. Ставленнические дела как исторический источник по социальным проблемам XVIII века // Источниковедение и археография Сибири. – Новосибирск, 1977. – С. 14 – 41; Она же. Экстракты из ведомостей церковного учета населения в Тарском заказе в XVIII веке // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – нач. XX вв.). – Новосибирск, 1992. – С. 34 – 39; Резун Д.Я. Ставленнические дела как источник по истории русской колонизации Западной Сибири во второй половине XVIII века // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988. – С. 154 – 162; Он же. Словари XVIII – нач. XIX вв. как источник по торговле городов Сибири // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. – Новосибирск, 1990. – С. 149 – 158.

²⁸ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – нач. XVIII вв. – Новосибирск, 1992; Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX вв.). – Омск, 2002.

²⁹ Жидин О.Н. Фамильный фонд русских крестьян-старожилов Тарского Прииртышья (XVIII – XIX вв.) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2000. – С. 204 – 207; Никонов В.А. Русское заселение Зауралья по данным ономастики // Проблемы исторической демографии СССР. – Томск, 1980. – С. 170 – 175.

³⁰ Бахметова Г.Ш. Методы демографического прогнозирования. – М., 1982; Голикова С.В. О методике изучения семьи по материалам ревизий второй половины XVIII века // Всесоюзная конференция по исторической демографии. – М., 1991. – С. 4 – 5.

наши дни, свидетельствуют научные конференции,³¹ которые собираются прежде всего в сибирских городах, появляющиеся в последние годы исторические научные сборники, в которых публикуют результаты своих исследований ученые-сибиреведы.³²

В целом воссоздание полной картины формирования населения в Сибири еще далеко до своего завершения. Отсутствие специальных исследований о размещении жителей, естественного и механического прироста на отдельных территориях, существующие противоречия в оценке источников и темпов роста, о времени заселения некоторых районов края свидетельствуют о недостаточной изученности истории освоения Сибири. Именно поэтому целью данной монографии является исследование формирования населения и процессов его увеличения на территории южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. на основе изучения материалов государственного и церковного учета населения.

Территориальные и хронологические рамки исследования

Тобольская губерния традиционно подразделяется на две зоны – северную, включавшую приполярные уезды (Сургутский, Березовский и по большей части Тобольский), где было сосредоточено коренное население и переселенцы из Европейской России, и южную, заселенную главным образом русскими. Южная зона в свою очередь дробилась на западные (Туринский, Тюменский и Курганский) и восточные уезды (Тарский, Ишимский, Омский, впоследствии – Тюкалинский). Ялуторовский уезд занимал промежуточное положение, и его включали в состав как западных,

³¹ Всероссийские научно-практические Интернет-конференции в Красноярске; Емельяновские чтения в Кургане; Всероссийские научно-практические конференции «Русский вопрос: история и современность» в ОмГУ им. Достоевского; Международные научно-практические конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» в ОмГАУ; Сибирские симпозиумы «Культурное наследие народов Западной Сибири» в Тобольске и др.

³² Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – Омск, 2007; Мультикультуризм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации. – М., 2003; Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX в.: Сборник материалов региональной научной конференции. – Новосибирск, 2007; Русские старожилы. – Тобольск; Омск, 2004 и др.; Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск, 2006 и др.; Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в. Сб. науч. ст. – Новосибирск, 2004 и т.д.

так и восточных уездов. Указанное деление южных уездов было обосновано не только их географическим расположением, но и тем, что если западные уезды в XVIII в. были плотно заселены и выделяли переселенцев, то восточные освоены в меньшей степени и принимали большое количество новых жителей из ранее освоенных сибирских земель.

Территориально работа охватывает юго-восточные уезды Тобольской губернии – Тарский, Ишимский и Омский. В течение исследуемого нами периода эти уезды относились к разряду колонизируемых районов Сибири. Данный регион находился в едином административном управлении. Омский уезд выделился из территории Тарского в составе Тобольской губернии в результате административной реформы 1782 г. Установленные границы уездов просуществовали вплоть до 1917 г. В 1822 г. уезды были переименованы в округа, вместо Омского уезда был образован округ в составе Омской области, но прежний порядок восстановлен уже в 1838 г. Все перечисленные административные преобразования не отразились на изменении территорий приходов и населенных пунктов, которые использовались в работе в качестве исследуемых по вопросам расселения жителей и увеличения их численности.

В периодизации истории Сибири учеными выделяется три этапа ее освоения. В основу хронологических рамок нашего исследования положен третий этап, наименее исследованный в исторической литературе, датируемый концом XVIII – первой половиной XIX вв.

1. Источники историко-демографического исследования

Исследование вопросов, касающихся формирования населения на территории Сибири, определяет обращение историков к разнообразным источникам. Это дозорные книги и перечневые списки служилых людей и крестьян за XVII в., ревизские и рекрутские данные за XVIII – первую половину XIX вв., разнообразные церковные документы, материалы о переселенцах и ссыльных, переписи населения, проводимые с конца XIX в. В начале XIX в. обязательными становятся губернаторские отчеты столичным властям, в которых обобщались сведения о народонаселении края. Важную роль в оценке процессов, протекавших на территории Сибири, сыграли труды ученых и путешественников, опубликованные по результатам научных экспедиций. Все эти и другие источники, хранящиеся во многих архивах, позволяют приоткрыть завесу сложного процесса становления и развития народонаселения в Сибири. В то же время многие важные материалы оказались безвозвратно утеряны как вследствие различных катаклизмов, так и в результате небрежного их хранения.

Получение достоверной картины естественного и механического движения населения на той или иной территории – работа, требующая детального исследования ситуации, обращения к различным документам, особенно если речь идет о времени, когда не существовало четкого и полного статистического учета жителей. Рассматриваемый период – конец XVIII – середина XIX вв. – как раз и относится к таким десятилетиям, когда информация о составе и численности населения зачастую отрывочна, скудна, а подчас и противоречива.

Ревизские сказки

В Российской империи ревизский учет осуществляется в соответствии с указом Петра I с начала XVIII в. Целью его проведения являлось получение информации о жителях для взимания податей и осуществления рекрутских наборов. Сведения собирались по всем селениям необъятной империи и оформлялись в ревизские сказки. Какой-либо определенной формы ревизской сказки первоначально не существовало, но их составители должны были собирать сведения о жителях, их возрасте, составе семей.

Проведение ревизских переписей населения растягивалось на несколько лет. Первая ревизия, начавшись в 1718 г., была окончательно завершена лишь к 1727 г. Вторая продолжалась с 1743 по 1747 гг. Конечно, за столь длительное время возможно было получить весьма приблизительные сведения, которые не могли дать реального представления о численности жителей, ведь уже в ходе самой переписи происходили изменения в жизни людей – рождения, смерти, переезды на новое место. К тому же учету подлежали лишь лица мужского пола.

Третья ревизия (1761 – 1767 гг.) впервые начинает учитывать женское население, но эта информация еще оставалась фрагментарной, поскольку в составе ряда семей женщины вообще не упоминались. Начиная с данной ревизии, вводится единая форма, сохранившаяся вплоть до десятой ревизии. Вступительная часть объясняла причину подачи ревизской сказки, а составитель выражал готовность понести наказание в случае «утайки душ». Основная часть содержала сведения о жителях – перечислялся состав всех семей с указанием возраста каждого ее члена. В третьей, заключительной, части подводился общий итог количеству населения.

Четвертая ревизия была проведена в значительно более короткие сроки – за 1781 – 1782 гг. Эта ревизия оказалась более качественной, поскольку включала уже и неподатное население – духовенство, отставные воинские чины, более полно осуществлялся учет женщин. Составители также должны были теперь фиксировать и переезды жителей в другие селения, а также указывать вновь прибывающих.

Проведение пятой ревизии (1794 – 1795 гг.) обнаружило большое количество «прописных и утаенных» душ, что заставило правительство организовывать дополнительную проверку полученной информации, которая продолжалась еще несколько лет. Шестая ревизия (1811 – 1812 гг.) вновь предоставляла сведения лишь о душах мужского пола, что существенно снижает ее значение для исследователей. К тому же сама ревизия так и не была завершена из-за начавшейся Отечественной войны.

В последующих ревизиях прослеживаются общие черты – учитывались лица обоего пола, все жители были разделены на три категории (податное население; лица, переписываемые «для счета» – духовенство, ямщики, работные люди; дворянство, почетные граждане, госслужащие и т.п.). Седьмая ревизия была проведена в

1815 – 1817 гг., восьмая – в 1831 – 1834 гг., девятая – в 1849 – 1851 гг., а последняя, десятая – в 1857 – 1858 гг.

Называя ревизский учет самым полным и наиболее точным источником учета народонаселения России XVIII – первой половины XIX вв., В.М. Кабузан отмечал, что для всех ревизий были характерны такие недостатки: они не учитывали своевременно переселения, фиксируя их только во время последующей переписи, давали заниженные данные о численности жителей, поскольку последние стремились укрыться от уплаты налогов, трудно определить время проведения ревизии из-за длительности сроков, а анализ данных осложнен частыми административно-территориальными изменениями, особенно в конце XVIII в.³³

Действительно, названные проблемы имеют значение при оценке народонаселенческих процессов, происходивших в стране. В то же время указанные недостатки не столь существенны для получения выводов, касающихся отдельных территорий – уездов, волостей или населенных пунктов.

Так, в начале каждой ревизской сказки переписчик обязательно указывал месяц и год ее составления. Вот, к примеру, как выглядели подобные записи: «1782 года мая 21 дня Тобольской губернии города Тары Татьмыцкой слободы написано».³⁴ Как видим, выяснить сроки проведения переписи для каждого уезда, волости или деревни возможно.

В течение XVIII в. в России неоднократно осуществлялись реформы, приводившие к изменению как наименований, так и границ многих частей империи. Административно-территориальные преобразования имели место и на территории Тобольской губернии, в том числе и в конце XVIII в., однако они не отразились на границах волостей или населенных пунктов, исследуемых в данной работе. Подобные изменения нужно учитывать в оценке развития региона в целом.

Жители Сибири, представители разных сословий, нередко переезжали жить на новые места. Отсутствие крепостного права в Сибири существенно облегчало подобные перемещения для местных крестьян. Переселения, осуществляемые из одних деревень в другие,

³³ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX века. – С. 77.

³⁴ Государственного управления Тюменской области Государственный архив г. Тобольска (далее – ГУТО ГА г. Тобольска). – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189.

действительно фиксировала только последующая ревизия, но и эти сведения очень важны. Хотя документы не называют точной даты переезда, они позволяют выделить приблизительное время миграций и их направления.

Проблемы же недоучета населения ревизиями действительно важны, но они устранимы в случае сопоставления этих источников с другими документами, относящимися к этому же периоду.

Ревизские сказки составлялись на территории каждого населенного пункта, а затем отправлялись в уездное казначейство, где, в свою очередь, сводились в перечневые ведомости и отсылались в губернскую казенную палату и впоследствии в Сенат и Департамент разных податей и сборов Министерства финансов. На основе всех собранных перечневых ведомостей в столице составлялись общероссийские «Окладные книги», которые содержали лишь часть материалов из ревизских сказок (в основном итоговые данные), т.к. главное внимание уделяли численности и составу населения. Именно сведения перечневых ведомостей и «Окладных книг» и использовались историками прежде всего для анализа народонаселенческих процессов, тогда как данные самих ревизских сказок, как правило, исследовались редко.

Хранятся материалы ревизий в 154 фонде Тобольской казенной палаты Государственного архива города Тобольска. Для исследования процессов размещения населения и его пополнения нами были сопоставлены списочные составы жителей нескольких деревень в течение ряда десятилетий – с 80-х гг. XVIII в. до 50-х гг. XIX в. (с IV и до IX ревизии).

Ревизские сказки как первоисточник представляют для нас особый интерес, т.к. они содержат разнообразную информацию не только о жителях, проживавших на территории Сибири, но и о населенных пунктах и времени их основания. В преамбуле к каждой ревизии переписчик указывает, «старинная» это деревня или недавно образованная. К примеру, в IV ревизии Татьмыцкая слобода и село Логиновское Тарского уезда названы «старинными деревнями», а деревня Останина Бердюжской волости Ишимского уезда обозначена как «новая деревня».³⁵

Основное содержание ревизских сказок, закрепившееся с третьей переписи, состояло из следующей формы, включавшей такие части: 1 – список лиц, которые «по последней ревизии в подушный оклад

³⁵ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189; Д. 166. – Л. 25.

положены были», 2 – сколько «после ревизии донныне разными случаями выбыли», 3 – «ныне налицо с прибылыми и вновь рожденными». Подобной единой формы учета податного населения должны были придерживаться все составители ревизских сказок.

В ревизскую перепись включались списки каждой семьи, подлежащей налогообложению, причем повторялись сведения из предыдущей ревизии: родители, дети, внуки и пр. с обязательным указанием их возраста. В случае если кто-либо умер во время, прошедшее с момента последней переписи, давалось указание об этом, назывался год смерти. Перечислялись все родственники (братья, сестры и т.д.), проживавшие совместно с главой семьи, учитывались их жены и дети, если они были. Нередко ревизии показывали семьи, достигающие 20 и более человек. При этом женатые сыновья, уже имевшие свои дома на территории отцовской усадьбы и жившие самостоятельно, считались по-прежнему членами родительской семьи и фиксировались вместе с ними. Таким образом, сказка описывала всех членов семьи вместе, без дробления на более мелкие.

Ревизские сказки позволяют определить продолжительность жизни, т.к. в них фиксировался возраст всех жителей. Переписчики обязательно указывали год смерти для лиц обоего пола в четвертой и пятой ревизиях, но о смерти женщин они впоследствии (после 1795 г.) уже не упоминали вовсе, что затрудняет установление дальнейших судеб лиц женского пола.

Все ревизские сказки давали указание на детей, рожденных между проведением ревизий – «рожден после ревизии», но они не показывали тех детей, которые были рождены, но умерли в данном промежутке времени.

Ревизии позволяют установить причины выбытия мужчин из селений, если они попадали в списки отбывающих рекрутскую повинность. В случае, если мужчина уходил в рекруты, в сказках фиксировалось это событие: «Федор Михайлов сын Сумленинов в рекрутах с 1771 года», «Афанасий Иванов Тюфягин в рекрутах с 1788 года».³⁶ Подобное упоминание является очень важным, т.к. позволяет установить причину и время выбытия лиц мужского пола из состава жителей данного населенного пункта.

Несомненным достоинством ревизских сказок является то, что они учитывали миграции, происходившие во второй половине XVIII – первой половине XIX вв., называли пункты переселения крестьян в

³⁶ Там же. – Д. 136. – Л. 4, 5.

случае их переездов. Например, из Такмыцкой слободы между третьей и четвертой ревизиями выбыло множество жителей. Максим Иванов сын Соломенников с сыновьями Яковом и Иваном выехали в деревню Ботвину, Петр Михайлов сын Шеломецов с детьми Максимом, Андреем и Архипом переехали во вновь заведенную деревню Саргатскую, Алексей Якимов сын Белов и его дети Михайло и Иван – в деревню Могильную после 1763 года³⁷ и т.д.

Помимо этого, в конце списка постоянных жителей каждого населенного пункта указывалось общее количество проживавших здесь в момент текущей ревизии. Вносились и дополнения в виде перечня вновь прибывших жителей за период, прошедший со времени предыдущей переписи. Это могли быть добровольные переселенцы – крестьяне из других деревень Тобольской губернии, иных районов Сибири или Европейской России. При этом ревизии называли также место, откуда прибыли эти крестьяне. Так, в Такмыцкую слободу к началу четвертой ревизии переехали крестьяне из деревень Ботвиной, Шипициной, Сеткуловой, Качусовой и Мельниковой.³⁸ В Логиновском к 1795 г. приписаны жители из деревень Шуевой, Копьевой, Карташевой слободы, из города Тары.³⁹ В Бетеинское село прибыли крестьяне из деревень Воровской, Саргатской, Баженово.⁴⁰

Переселенцами становились и те, кто обосновывался на новом месте по указанию властей – ссыльные, отставные солдаты и пр. В ревизских сказках даются пояснения о подобных вновь прибывших: «приписан на поселение», «из поселенцев, состоящих на трехлетней льготе» и др. Подобные указания очень важны, т.к. они позволяют установить происхождение этих мигрантов, ведь в последующих ревизиях таких ссылок уже не давалось, а незнание причин появления тех или иных поселенцев в данной местности может привести к ошибочным выводам о качественном составе жителей сибирских деревень.

Особенно ценную информацию предоставляют материалы IV и V ревизий, т.к. в них содержится наибольшее количество сведений о жителях. Так, переписчики указывали местность, откуда женщина была взята замуж, ее социальную принадлежность. Например, в Такмыцкой слободе в соответствии с данными IV ревизии, в семье

³⁷ Там же. – Д. 31. – Л. 190, 191, 192.

³⁸ Там же. – Л. 189 – 224 об.

³⁹ Там же. – Д. 144. – Л. 629 – 655.

⁴⁰ Там же. – Д. 49. – Л. 501 – 515 об.

Егора Козмина сына Тюфягина сыновья Михайло и Иван были женаты на крестьянских дочерях: «Михайлы жена Анисья Михайлова той же слободы крестьянская дочь; Ивана жена Устинья Саввеева деревни Ивашинской Карасуцкой волости крестьянская дочь»; у сына Михайлы Бориса «жена Параскева Михайлова той же слободы попова дочь».⁴¹ Однако в дальнейшем, после пятой ревизии, уже не упоминалось, из какого населенного пункта взята замуж женщина и в сказках просто указывались их имя и отчество.

О женщинах, вышедших замуж, в IV и V ревизиях также существовали указания: «Аксинья Иванова Панфилова вышла замуж за той же слободы крестьянина» к моменту проведения V ревизии, «Катерина Трофимова Щербакова – за крестьянина деревни Карасуцкой» в тот же период и т.д.⁴² Но точно год выхода замуж женщинами ревизские сказки 1782 и 1795 гг. не фиксировали, а последующие ревизии уже и вообще не упоминали о подобных событиях. Поэтому установить причину исчезновения из ревизских списков лиц женского пола становится невозможным, т.к. неясно, умерли они или покинули свои семьи после замужества.

Ревизии отмечали случаи повторных браков. Например, в Такмыцкой слободе, по данным пятой ревизии, у Федора Матвеева сына Щербакова жена – Авдотья Иванова, крестьянская дочь из Логиновского погоста. У них было четверо детей – Ефим, Николай, Никифор и Марфа.⁴³ Дальнейшая судьба Авдотьи неизвестна. Вероятно, она умерла, но точно установить это с помощью ревизских сказок нельзя, т.к. последовавшая шестая ревизия вообще не учитывала женское население. В седьмой ревизии названа уже вторая жена Федора Щербакова – Ульяна Максимова и у них двое детей – Прасковья и Анисья.⁴⁴ Время повторного брака данным источником также не зарегистрировано.

Ревизские сказки позволяют установить численный и поколенный состав семей. Подобная информация является чрезвычайно ценной, поскольку позволяет проанализировать изменения, происходившие в жизни семьи на протяжении нескольких десятилетий.

⁴¹ Там же. – Д. 31. – Л. 191.

⁴² Там же. – Д. 136. – Л. 190, 194.

⁴³ Там же. – Л. 5.

⁴⁴ Там же. – Д. 360. – Л. 7 об.

Интересной для исследователя может стать и информация сказок, которую можно получить на основе анализа фамилий жителей различных селений на протяжении определенного периода времени. Изучение фамильного фонда на какой-либо территории дает возможность установить наличие и интенсивность протекавших здесь миграционных процессов. Отметим, что переезжать из одной местности в другую могли как целые семьи, что приводило к полному исчезновению некоторых фамилий из списков селения, так и их отдельные представители. Например, часто выезжали сыновья после выделения из отцовской семьи.

Таким образом, ревизские сказки представляются нам важнейшим источником, позволяющим осветить различные исторические и демографические события на территориях как отдельных населенных пунктов, так и волостей, уездов, губерний. Главным достоинством ревизий является то, что они помогают определить общую численность жителей, выявить направления миграций населения, позволяют установить количество семей и историю их развития в течение десятилетий. Ревизские сказки позволяют исследовать фамильный фонд жителей населенных пунктов, проследить изменения, происходившие в нем на протяжении многих лет.

В то же время необходимо учитывать и недостатки, присущие ревизиям. Среди наиболее значимых из них являются те, что в сказках перечисляются лишь податные жители, что не позволяет получить полновесную картину об историко-демографических событиях. В данном источнике также не названы причины выбытия женщин из состава жителей населенных пунктов, кроме IV и V ревизий, совершенно отсутствуют упоминания о лицах женского пола в VI ревизии. Все это существенно осложняет получение представления как о процессах, протекавших в отдельных населенных пунктах, так и о ситуации, сложившейся в целом в регионе.

Как мы уже могли убедиться, все ревизии, за исключением шестой, фиксируют существовавшие супружеские пары. Но вот момент вступления в брак этот документ не называет, поэтому выводы по поводу брачного возраста жениха и невесты, времени их венчания сделать на основании сказок невозможно.

Снижает ценность данного источника то, что он не позволяет установить точное количество рожденных и умерших, поскольку в период между ревизиями происходили случаи, когда рождались и

умирали дети, но это никак не отражалось в материалах последующих переписей. А ведь младенческая смертность была особенно высока! Поэтому сведения об естественном движении населения, предоставляемые ревизскими сказками, не могут считаться полноценными, и данный документ не предоставляет нам подлинной картины о том, сколько же детей на самом деле было рождено в каждой семье.

Подчеркнем, что ревизии предоставляют важный материал, позволяющий точно определить направления и причины миграций среди сибиряков, что, несомненно, является необходимым для понимания демографической и исторической ситуации в регионе. Но, к сожалению, с помощью данного источника возможно установить лишь приблизительное время всевозможных переездов, поскольку точно дату таких событий эти документы не называют.

Все указанные недостатки ставят вопрос о необходимости обращения к другим историческим материалам, позволяющим уточнить или дополнить имеющиеся в ревизских сказках данные, осуществить проверку их достоверности. Таким источником являются сведения церковного учета населения – исповедные ведомости и метрические книги.

Церковный учет населения

Документы церковного учета православного населения – это метрические книги и исповедные ведомости. В них содержится богатейший материал, позволяющий получить представление о разных сторонах историко-демографических процессов. Однако историки нечасто обращались к данному источнику. К тому же, упоминая метрические книги, исследователи чаще всего отзывались о них негативно. А.Б. Бушен, проанализировав в середине XIX века материалы, содержащие статистические данные о населении России, называл метрический учет «самой неточной и неудовлетворительной системой», поскольку он «не давал полного обзора движения населения, помимо православного», «велся по приходам, не совпадающим с гражданским территориальным делением», ему присущи ошибки и неточности при ведении в результате того, что смешанные (между католиками и православными) браки записывались дважды» и т.д.⁴⁵

⁴⁵ Бушен А.Б. Об устройстве источников статистики населения в России // Записки Императорского РГО. – 1864. – Кн. 3. – С. 60.

Подобные оценки метрических книг сохранялись и в дальнейшем. Так, В.М. Кабузан отмечал, что церковный учет фиксировал население не полностью – здесь не содержалось сведений о движении населения других вероисповеданий, кроме православного, не всегда учитывались рожденные и умершие, лица женского пола.⁴⁶ По мнению Н.А. Миненко, «данные церковных отчетов часто предоставляли завышенные сведения об исповедовавшихся и причастившихся, искажали названия деревень, фамилии, возраст».⁴⁷

В то же время В.М. Кабузан подчеркивал, что именно метрические книги являлись первоисточником для составления губернаторских и полицейских отчетов в XIX в. Другие позитивные черты метрических книг, по мнению этого ученого, заключаются в том, что они во многом совпадают с данными ревизий, в чем-то дополняют их, позволяют выделить районы ускоренного или замедленного движения населения и установить некоторые причины этого процесса.⁴⁸

А.Д. Колесников использовал информацию метрических книг для получения важнейших выводов о развитии демографических процессов среди русского населения на территории сибирского региона. Он определил церковный учет как «полный и достоверный», а метрические книги – единственным источником, позволяющим судить об естественном движении населения.⁴⁹

Необходимо подчеркнуть, что историками извлекались из церковных документов учета населения отрывочные сведения. Чаще всего использовалась информация из ведомостей о количестве жителей на территории определенного прихода либо сводные сведения из экстрактов, составляемых духовными консисториями на основе обобщенных данных по всей епархии.

Начало ведения церковного учета в Российской империи приходится на 1722 г., когда появился указ Синода о предоставлении епархиями сведений об исповедовавшихся, причастившихся и

⁴⁶ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX века. – С. 79.

⁴⁷ Миненко Н.А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX века (по материалам Западной Сибири). – С. 54.

⁴⁸ Кабузан В.М. Указ. соч. – С. 80, 99.

⁴⁹ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – С. 330; Он же. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII – XIX вв. – С. 229.

непричастившихся прихожанах.⁵⁰ Еще спустя два года было издано следующее распоряжение, содержавшее подробную форму метрических книг и обязавшее священников содержать эти документы в порядке.⁵¹ В общем, церковный учет преследовал в качестве своей цели не просто перепись православного населения, но и контроль за отправлением обрядов, за работой священнослужителей.

В Сибири сбор сведений был возложен на Тобольскую епархию. По большинству сибирских приходов эти данные сохранились. Впоследствии они были подшиты в отдельные книги и переданы в образованную в 1895 г. Омскую епархию, куда вошли Тюкалинский, Ишимский и Тарский уезды Тобольской губернии и все северо-восточные районы Казахстана. Именно метрические книги и составили значительную часть фонда № 16 Государственного архива Омской области. К сожалению, не вся информация сохранилась полностью. Иногда утрачены листы или сведения по отдельным приходам. Ряд дел недоступны исследователям из-за своего ветхого состояния и пр. Естественно, это в немалой степени усложняет работу с данным источником.

В дальнейшем для анализа нами использовались документы тех церквей на территории южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв., в которых в наибольшей степени сохранились сведения метрических книг. Среди таких приходов, расположенных на территории Тарского уезда, – Преображенский в Такмыцкой слободе и Николаевский в селе Логиновском, по которым имеются данные за 65 лет и за 61 год соответственно. На территории Ишимского уезда использована информация приходов Ильинского Ильинского села (сведения за 58 лет) и Троицкого Красноярской слободы (за 51 год). А на территории Омского уезда это Дмитриевский приход в селе Бетеинском и Богородский в селе Баженовском, по которым сохранились данные за 46 лет.

Для того чтобы было возможно наглядно убедиться в наличии данных по вышеуказанным приходам, в приложениях представлена таблица, демонстрирующая имеющуюся в архиве Омской области информацию за 50 лет: с 1769 по 1819 гг.⁵² Таблица показывает, что

⁵⁰ Полный Свод законов Российской империи (далее – ПСЗ). – Т. VI. – № 3914. – С. 513 – 514; № 4052. – С. 737 – 742.

⁵¹ ПСЗ. – Т. VII. – № 4480. – С. 266 – 267.

⁵² Приложение 4.

по трем приходам – Ильинскому, Троицкому и Николаевскому – мы имеем сведения о рождаемости, смертности и заключенных браках за 36 лет, по Преображенскому – за 35 лет, а по Богородскому и Дмитриевскому – за 23 года. Очевидно, что и здесь существуют пробелы в метрических сведениях, но тем не менее выводы об естественном движении населения на территории указанных приходов сделать возможно.

Каждая отдельная книга включает сведения о православных церквях и их прихожанах на территории определенного уезда. К примеру, дело № 32 содержит данные о 13 приходах Тарского уезда за 1797 и 1798 гг. (всего в деле 710 листов), дело № 36 – о тех же приходах за 1799 – 1800 гг. (всего 620 листов).⁵³ В деле № 81 сосредоточена информация уже о 15 приходах г. Тары и Тарского уезда в 1834 г. (502 листа).⁵⁴ Четыре прихода были расположены в самом городе – это Николаевский, Богородский, Спасский и Параскевьевский. Остальные 11 приходов – в селах Тарского уезда: Преображенский Такмыцкой слободы, Богородский села Карташево, Николаевский села Муромского, Николаевский села Логиновского, Петропавловский Усть-Тарского села, Троицкий села Орловского, Николаевский села Бутаковского, Знаменский села Чередовского, Троицкий села Тевризского, Христорожденственный села Рыбинского, Троицкий села Пустынного.

В книге № 23 сосредоточены сведения из Ишимского уезда об 11 приходах (938 листов): двух Ишимских – Богоявленском и Боровском, Успенском – в селе Становом, Михайловском – в селе Полуденном, Никольском – в селе Казанском, Ильинском – в селе Ильинском, Георгиевском – в селе Фирсовом, Петропавловском – в Абацкой слободе, Троицком – в Красноярской слободе, Покровском – в селе Соколовском, Петропавловском – в Петропавловской крепости.⁵⁵ Как видно из приведенных примеров, дела очень объемные, подчас насчитывающие 1000 и более листов. Все эти документы в основном находятся в хорошей степени сохранности. В то же время работа с ними затруднена в связи с тем, что заполнялись они священниками «от руки», порой неразборчиво.

⁵³ Подсчитано по: Государственное управление Омской области Государственный архив Омской области (далее – ГУОО ГАОО). – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 32. – Л. 1; Д. 36. – Л. 1.

⁵⁴ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 81. – Л. 1 – 1 об.

⁵⁵ Там же. – Д. 23. – Л. 1.

Согласно Синодскому указу, данные метрических книг состояли из трех частей. Первая часть содержала сведения о рожденных (табл. 1).

Таблица 1

Образец метрических сведений «О рождавшихся»⁵⁶

| Имя рожденного | У кого родился | Число крещения | Кто восприемники |
|----------------|----------------|----------------|------------------|
|----------------|----------------|----------------|------------------|

В подобную таблицу записывались все рожденные дети в течение года на территории данного прихода. Факты фиксировались в хронологическом порядке, по месяцам, с подразделением на младенцев мужского и женского пола. Названы дата рождения и крещения, имя ребенка, его родители и «восприемники» – крестные. Учитывались и незаконнорожденные дети с соответствующей пометкой в графе «имя».

Во второй части метрических сведений «О бракосочетавшихся» перечислены лица, венчавшиеся в данной церкви (табл. 2).

Таблица 2

Образец метрических сведений «О бракосочетавшихся»⁵⁷

| Кто именно венчаны | Число венчания | Кто были поручители |
|--------------------|----------------|---------------------|
|--------------------|----------------|---------------------|

В такой таблице фиксировались имена, отчества и фамилии жениха и невесты, их возраст, социальное происхождение, вероисповедание. Отмечено также, откуда родом вступившие в брак, какой он по счету. Приведем пример подобной записи, сделанной 24 января 1841 г. в Дмитриевском приходе, расположенном на территории села Бетеинского: «Деревни Горскина Лога крестьянин Василий Иванов Зыков, 19 лет, православный, 1 брак и той же деревни крестьянина Егора Лопарева дочь девица Лукерья, 17 лет, православная, 1 брак».⁵⁸ В числе поручителей («свидетелей») метрическая книга указывала фамилии, имена и отчества двух человек – мужчины и женщины. В обязательном порядке назывался и священник, проводивший обряд.

⁵⁶ ПСЗ. – Т. VII. – № 4480. – С. 266.

⁵⁷ Там же. – С. 267.

⁵⁸ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 105. – Л. 335 об.

Третья часть метрик фиксировала смертные случаи, происшедшие в течение года на территории прихода (табл. 3).

Таблица 3

Образец метрических сведений «О умерших»⁵⁹

| № | | Числа умертвия | Кто именно померли | Лета | | Какою болез- нею | Кем исповеданы и приобщены | Где погре- бены |
|----|----|-------------------|--------------------------|------|----|------------------------|----------------------------------|-----------------------|
| м. | ж. | | | м. | ж. | | | |

В метрической книге переписчик называл дату смерти и возраст умерших с подразделением их на лица мужского и женского пола. Указывались их имена, фамилии, а также «болезнь», вследствие которой наступила смерть. При этом название болезни записывалось со слов близких. Иногда в этой графе встречались указания, что причинами смертей становились разного рода несчастные случаи (утонул, сгорел и т.п.). Однако в числе умерших не фиксировались самоубийцы, которых не отпевали в православных храмах. Думается, что вряд ли это могло существенно исказить картину смертности, поскольку подобные случаи носили единичный характер. Указывалась также фамилия священника, отпевавшего умершего, называлось место погребения.

Церковный учет велся «по третям»: январская (включала месяцы январь, февраль, март и апрель), майская (май, июнь, июль и август) и сентябрьская (сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь). Подобная структура позволяет осуществить сравнительный анализ всех фиксируемых событий на протяжении года.

Например, исследования данных о смертности «по третям» позволяют говорить о том, что больше всего людей умирало во время «майской трети», в летние месяцы. К примеру, в Пророкоильинской церкви села Ильинского зарегистрировано в 1816 и 1827 гг. 35% смертей (38 случаев из 110 и 67 из 191 соответственно в указанные годы), случившихся с мая по август; в Троицкой церкви Красноярской слободы в те же годы – 31% смертей (32 случая из 103 и 54 – из 173; в Богородской церкви села Баженовского в тот же период – около 35% (28 случаев из 81 и 36 – из 103); а в

⁵⁹ ПСЗ. – Т. VII. – № 4480. – С. 267.

Дмитриевской села Бетеинского – около 38% (40 случаев из 106 и 42 – из 113).⁶⁰

Итак, метрические книги предоставляют важный материал, позволяющий оценить процессы естественного воспроизводства и брачности населения православных приходов, что является важным при оценке историко-демографического развития населения. При этом значительная часть информации не встречается в иных источниках.

В 1787 – 1801 гг. составителям метрик было вменено в обязанность составлять полный список прихожан с отметкой о принятии их на исповеди и причастии – так называемые исповедные или исповедальные ведомости. В «Толковом словаре» В. Даля они названы «исповедными книгами», в которых содержится «ропись всех бывших на исповеди».⁶¹

Списки жителей в исповедных ведомостях составлялись посемейно, с указанием возраста каждого члена семьи. Ведомость включала полную информацию обо всех православных, проживающих на территории прихода – духовных, крестьянах, отставных солдатах, ямщиках и т.п. Например, в списках села Бетеинского за 1793 г. насчитывается 3 семьи «духовных» – священника, дьячка и пономаря, 42 семьи крестьян, 2 семьи отставных солдат (всего 47 семей).⁶² В селе Логиновском в 1794 г. проживало 48 семей: 4 семьи «духовных», 3 – мещан, 2 – отставных солдат и 39 – крестьян.⁶³ В селе Ильинском в 1792 г. из 50 семей 4 семьи – «духовных» и 46 – крестьянских.⁶⁴

В исповедных списках назывались не только родственники – супруги, их дети, родители и т.п., которые относились к данной семье, но и лица, которые по разным причинам могли быть приняты в семью: подворники или подворницы, покормленцы. При этом напротив имени каждого жителя делалась пометка о том, был ли он на исповеди и у причастия и в какой именно трети года.

⁶⁰ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 53. – Л. 186 – 197, 197 – 217; Д. 54. – Л. 141 – 155, 156 – 170; Д. 65. – Л. 551 – 560, 563 – 583; Д. 66. – Л. 266 – 282, 388 – 410.

⁶¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1979. – Т. 2. – С. 54.

⁶² Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 205 – 225.

⁶³ Там же. – Д. 26. – Л. 112 – 119 об.

⁶⁴ Там же. – Д. 23. – Л. 327 – 341.

Таким образом, исповедные ведомости являются особо ценным источником, поскольку в них перечислялись представители неподатных сословий, которые не учитывались ревизиями. Эти документы предоставляют богатейший материал о различных сторонах жизни православных крестьянских семей, который не встречается ни в каком-либо другом историческом источнике.

В заключительной части годовых сведений названных церковных документов помещались итоговые ведомости, содержавшие сводную информацию обо всех вышеперечисленных данных на территории определенного прихода – об общем количестве родившихся, сочетавшихся браком, умерших. При этом все случаи смертей были подразделены по возрасту умерших мужчин и женщин. Для этого составлялась таблица, в которой указывалось, сколько человек умерло до 1 года, в возрасте 1 года, 2-х лет, 3-х лет и т.д.

В отдельной ведомости определялось число прихожан, бывших на исповеди и причастии в течение каждой трети. При этом указывалось количество прихожан, не прошедших данные обряды, в том числе по причине малолетства или старости. К примеру, в Пророкоильинском приходе в 1795 г. в течение года побывало на исповеди и у причастия 1087 душ мужского пола (далее – д.м.п.) и 1109 душ женского пола (далее – д.ж.п.), только у причастия – 7 д.м.п. и 4 д.ж.п.; не явились на исповедь и причастие 183 д.м.п. и 154 д.ж.п.⁶⁵

Составлялась также ведомость, где указывалось, сколько всего домов, а также душ мужского и женского пола было учтено в текущем году на территории прихода. Отдельно определялось общее число жителей различных сословий, учтенных на территории данного прихода – духовных, крестьян, разночинцев и др. Именно сведения подобных ведомостей и предоставлялись в вышестоящие церковные, а затем и государственные инстанции и использовались впоследствии для разного рода отчетов.

Таким образом, церковные документы, содержащие метрические книги и исповедные ведомости, предоставляют важнейшую информацию, позволяющую оценить процессы естественного движения и брачности населения, установить общее количество жителей, исследовать состав семей на территории как отдельных населенных пунктов или приходов, так и более обширных районов.

⁶⁵ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 17. – Л. 524об. – 525.

Исследователи нередко ссылаются на то, что в Сибири вообще было очень мало церквей, поэтому население не могло подчас добраться до них из-за дальности расстояний, что, в свою очередь, не способствовало полной регистрации рождений, смертей и браков. М.М. Громько полагала, что метрические книги не дают полной информации из-за отдаленности населенных пунктов от места учета, слабой связи и суровости климата, что приводило к тому, что большой процент рожденных, а особенно умерших оставался незарегистрированным.⁶⁶ Однако, по мнению А.Д. Колесникова, эта точка зрения неосновательна, т.к. «русское население Западной Сибири не было разбросанным по всей огромной территории, а концентрировалось в отдельных районах, пригодных для земледелия, главным образом вдоль рек. Сеть церквей была довольно густой».⁶⁷

Именно последний вывод подтверждается церковными источниками. По данным метрических книг, в конце XVIII в. один приход обслуживал от 6 до 9 населенных пунктов. В состав Дмитриевского прихода в 1793 г. входило 6 деревень, состоящих из 141 двора: село Бетеинское (47 дворов, 221 д.м.п. и 237 д.ж.п.), деревни Горная Бетей (20 дворов, 101 д.м.п. и 101 д.ж.п.), Верблюженская (31 двор, 156 д.м.п. и 166 д.ж.п.), Источинская (15 дворов, 55 д.м.п. и 59 д.ж.п.), Аксенова (20 дворов, 76 д.м.п. и 90 д.ж.п.), Кушайлинская (8 дворов, 37 д.м.п. и 38 д.ж.п.).⁶⁸ Всего к Дмитриевскому приходу причислено 646 д.м.п. и 691 д.ж.п.

Богородский приход включал в 1793 г. 9 русских деревень из 314 дворов (1157 д.м.п. и 1103 д.ж.п.): село Баженово (100 дворов, 363 д.м.п. и 361 д.ж.п.), деревни Бекишева (70 дворов, 222 д.м.п. и 179 д.ж.п.), Шипицына (60 дворов, 226 д.м.п. и 261 д.ж.п.), Нагибина (51 двор, 189 д.м.п. и 171 д.ж.п.), Пенькова (8 дворов, 39 д.м.п. и 31 д.ж.п.), Калмакульская (4 двора, 21 д.м.п. и 13 д.ж.п.), Реткина (11 дворов, 43 д.м.п. и 41 д.ж.п.), Казанцева (4 двора, 27 д.м.п. и 22 д.ж.п.), Нефедьева Кабырдацкой волости (6 дворов, 27 д.м.п. и 24 д.ж.п.).⁶⁹

Со временем количество населенных пунктов, которые входили в состав прихода, увеличивалось. Подобные изменения можно проследить на примере нескольких приходов. Так, в Ильинском

⁶⁶ Громько М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. – С. 22.

⁶⁷ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – С. 330.

⁶⁸ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 205 – 225 об.

⁶⁹ Там же. – Л. 226 – 256.

приходе Пророкоильинской церкви в 1787 – 1801 гг. число селений выросло с 10 до 13. При этом к приходу относилось от 306 до 394 домов, а максимальное количество прихожан не превышало 3 461 д.о.п.⁷⁰ Николаевская церковь Казанского села включала с 1787 по 1801 гг. от 17 до 20 различных селений с числом дворов от 474 до 565 и максимальным количеством прихожан 4730 д.о.п.⁷¹ Это был один из самых многочисленных приходов. Другим большим приходом являлся Троицкий приход Красноярской слободы, в результате его роста произошло выделение Сладковского прихода с Христорожественской церковью в 1795 г.⁷²

Для того чтобы добраться до церкви, жителям этих деревень нужно было преодолеть наибольшее расстояние в 5 – 10 верст.⁷³ Но чаще всего селения располагались значительно ближе, поэтому значительные расстояния не могли становиться преградой для выполнения религиозных обрядов. В слободе Такмыцкой издавна располагалась Преображенская церковь. Чтобы до нее доехать, жителям деревни Ботвиной, относящейся к этому же приходу, необходимо было преодолеть 10 верст, деревни Бызовки – 7 верст, деревень Максимовой и Сеткуловой – по 5 верст.⁷⁴ До Николаевской церкви Логиновского прихода из деревни Тереховой нужно было преодолеть 3 версты, из Шуевой – 6 верст.⁷⁵ До Троицкой церкви Красноярской слободы расстояние было следующим: из деревни Копыловой – 2 версты, из Кустовой – 5 верст, из Барневой – 7 верст, из Жилияковой – 6 верст, из Долматовой – 8 верст.⁷⁶

Как уже отмечалось, архивные документы регистрировали постоянное увеличение количества православных церквей на территории Тобольской губернии. По данным Четвертого департамента Правительственного сената, изложенным в Топографическом атласе Тобольской губернии, в 1798 г. в Ишимском и Тарском уездах насчитывалось по 14 сел с церквями.⁷⁷ По сведениям из Тобольской епархии, в 1811 г. в Ишимском уезде

⁷⁰ Приложение 5.

⁷¹ Там же.

⁷² ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 27.

⁷³ Подсчитано по: Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914. – С. 562 – 563, 573 – 574, 727 – 728, 736 – 737, 790 – 794; Список населенных мест Тобольской губернии. – Тобольск, 1904. – С. 256 – 298.

⁷⁴ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 159. – Л. 396.

⁷⁵ Там же. – Л. 398.

⁷⁶ Там же. – Л. 569.

⁷⁷ РГИА. – Ф. 1350. – Оп. 312. – Д. 43. – Л. 21, 26.

церквей было 22, в 1836 г. – 26, в Тарском уезде в 1811 г. – 15, в 1836 г. – 20.⁷⁸ Причем если в 1824 г. одна православная церковь приходилась в среднем на 17 селений в этих двух уездах, то в 1847 г. одна церковь приходилась на 10 – 13 селений.⁷⁹

Порой исследователи писали о том, что крестьянство всячески стремилось избежать отправления церковных обрядов из-за их дороговизны, падения нравственных устоев вследствие пагубного влияния пришлого ссыльного населения и т.п.⁸⁰ Конечно, случаи несвоевременного совершения отдельных обрядов могли иметь место, но недопустимым было их полное отсутствие, учитывая влияние церкви на крестьянина того времени. Как отметил В.Ю. Софронов, «для русского человека переселиться на новое место означало не просто физическое перемещение в пространстве, но и перенос всех традиций, обычаев, верований. На новом месте православный человек должен был исправлять духовные потребности».⁸¹ Местные власти также следили за соблюдением обрядов, поддерживая нравственные устои общества, наказывали провинившихся. Роль светской администрации проявлялась и в том, что она способствовала строительству новых церквей, выделяла для этого средства.

Таким образом, соблюдение православных обрядов населением обеспечивалось достаточным количеством церквей, а психология крестьян, мероприятия духовных и светских властей обеспечивали сравнительную точность церковного учета.

Сравнительный анализ данных ревизских сказок и исповедных ведомостей

Повторим, что посемейные списки присутствовавших на исповеди составлялись в православных церквях в период с 1787 по 1801 гг. Конечно, срок в 14 лет – сравнительно небольшой, но даже за такой краткий период можно почерпнуть значительное количество

⁷⁸ Там же. – Ф. 796. – Оп. 445. – Д. 423. – Л. 100; Д. 438. – Л. 76.

⁷⁹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 104.; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 2544. – Л. 687.

⁸⁰ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – 1 пол. XIX вв.). – С. 35; Она же. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII – 1 пол. XIX вв. – С. 292 – 293.

⁸¹ Софронов В.Ю. Аспекты генезиса православия среди русского населения Сибири в XVI – XIX вв. // Русские старожилы: Материалы III симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2000. – С. 204.

важной информации. В это же самое время была проведена пятая ревизская перепись населения (1794 – 1795 гг.). Это позволяет сравнить два источника – ревизские сказки и исповедные ведомости.

Для выяснения вопроса о сопоставимости ревизских сказок и церковных документов, достоверности и полноценности этих источников мы обратились к данным о населении Такмыцкой слободы и Логиновского села Тарского уезда, Ильинского села Ишимского уезда и Бетеинского села Омского уезда. Анализируя материалы, мы сравнили численность населения, количество и состав семей, а также показатели рождаемости на территории указанных населенных пунктов (табл. 4).

Таблица 4

**Численность населения в селах южных уездов
Тобольской губернии в 1795 г.⁸²**

| Населенный пункт | Ревизские сказки | | Исповедные ведомости | |
|-------------------|------------------|--------|----------------------|--------|
| | д.м.п. | д.ж.п. | д.м.п. | д.ж.п. |
| Логиновское село | 101 | 125 | 106 | 133 |
| Такмыцкая слобода | 290 | 285 | 309 | 333 |
| Бетеинское село | 196 | 206 | 210 | 217 |
| Ильинское село | 221 | 228 | 226 | 231 |

Общая численность населения в этих источниках показана разная. Очевидно, что ревизские сказки повсеместно учитывают меньшее число жителей. В Логиновском селе ими зафиксировано 95,3% д.м.п. и 94% д.ж.п. против исповедных ведомостей. В Такмыцкой слободе – 94% д.м.п. и 86% д.ж.п., в Бетеинском – 93,3% д.м.п. и 95% д.ж.п. В селе Ильинском – 98% д.м.п. и 99% д.ж.п. С чем это связано? Для ответа на поставленный вопрос мы сопоставили поименные списки указанных источников за 1794 – 1795 гг.

Некоторые поселенцы в соответствии с ревизскими сказками «переведены в тарские мещане» и в последующих ревизиях уже не встречаются среди жителей данных селений. В церковных документах они по-прежнему упоминаются как жители данного населенного пункта, поскольку жить эти люди могли оставаться и на

⁸² Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 49. – Л. 501 – 516 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 144. – Л. 629 – 655; ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 483. – 505; Д. 26. – Л. 112 – 139, 167 – 197. Из общего количества жителей списков исповедных ведомостей выделены только крестьяне.

старом месте. К примеру, в селе Логиновском это Андрей Михайлов Бархатов, Семен Иванов Тимофеев с семьей, Василий Андреев Пешков с детьми.⁸³

Другой пример из ревизии: Алексей Казанцев, житель села Логинова, находится в рекрутах с 1785 г., а его жена Пелагея Осипова – «при муже».⁸⁴ Однако исповедные ведомости показывают Пелагею Осипову как солдатку, подворницу, имеющую двух дочей – Домну, 9 лет, и Степаниду, 5 лет, при семье Якова Андреева Хорошкова.⁸⁵ В церковных документах эта крестьянка зафиксирована, т.к. она православная, живет в селе Логиновском на правах подворницы, в силу сложившихся житейских обстоятельств, тогда как в ревизских сказках эта жительница не учитывается, поскольку она не платит казенных податей.

Выяснилось также, что ряд семей или их отдельные представители указаны в ревизиях, но как сменившие место жительства в период, прошедший после предыдущей ревизии. Например, в соответствии с данными V ревизии по Логиновскому селу Афанасий Федоров Немчинов переехал в Бергамацкую волость деревню Мысовскую, Иван Михайлов Винокуров с семьей – в деревню Ушакову Бергамацкой же волости, вдова Афанасия Якова Потапова с семьей сына – в деревню Неупокоеву, Иван Семенов Хорошков – в деревню Мысовскую. Из Такмыцкой слободы накануне V ревизии в деревню Карасуцкую переехала семья Максима Иванова Белобородова, Куличаины перебрались в Чернолуцкую слободу.⁸⁶ Все эти крестьяне хотя и названы, но уже не включены в общее число жителей. Но в исповедных ведомостях все эти семьи показаны как живущие все в тех же селениях. Очевидно, в этом случае мы сталкиваемся с примером ошибки переписчиков церковных документов, т.к. местная администрация стремилась строго контролировать процессы, связанные с миграциями крестьян, поскольку они были плательщиками налогов и подобные перемены обязательно фиксировались в ревизских сказках. Да и на новом месте жительства семьи переселенцев также записаны с указанием места выбытия.

⁸³ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 114, 114 об., 129.

⁸⁴ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 650.

⁸⁵ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 118.

⁸⁶ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 136. – Л. 19, 27 об.

Обнаружились лица как мужского, так и женского пола, разных возрастов, учтенные сказками и не учтенные церковными документами. Напротив, некоторые жители зафиксированы в исповедных ведомостях, но отсутствуют в ревизиях. Сличение списков всех семей по нашим источникам, проживающих на определенной территории, является очень трудоемким делом, поэтому мы использовали в качестве подобного примера две семьи из села Логиновского. Это семьи Гаврилы Алексева Неупокоева и Федора Алексева Бархатова.⁸⁷

В семье Неупокоевых, по данным ревизии, насчитывалось 26 д.о.п. Исповедные ведомости зафиксировали в списках 4 семьи Неупокоевых из 29 человек. Несомненно, что именно церковные источники показывают наиболее достоверную картину: вместо большой неразделенной семьи, как она представлена в ревизии, в момент составления этих документов семья «выглядела» иначе. Это малые семьи братьев Егора Гаврилова, Алексея Гаврилова, Осипа Гаврилова Неупокоевых и вдовы умершего Бориса Гаврилова Неупокоева, состоящие из родителей и их детей.

Из общего количества зарегистрированных ревизией 26 д.о.п., 9 человек – мужчины, 17 – женщины. 29 человек из четырех семей Неупокоевых, по исповедным ведомостям, состоят из 12 д.м.п. и 17 д.ж.п. Таким образом, ревизия зарегистрировала одинаковое количество женщин, но меньшее число мужчин. Кто эти лица? По данным церковного учета, в семье Алексея Гаврилова Неупокоева записаны сыновья Павел и Василий. Но в соответствии с ревизскими сказками Павел к моменту проведения переписи переехал в деревню Неупокоеву, а Василий переведен в тарские мещане (хотя последний мог по-прежнему жить на старом месте). В то же время внук Егора Гаврилова Тимофей вообще не попал в ревизские списки, но записан в исповедные ведомости, а к 1795 г. ему уже было 6 лет.

Несовпадение в списках наблюдается и в указании возраста. Так, иногда в документах выявляется разница в возрасте в один год. Это возможно объяснять тем, что записи в церковные документы делались на начало 1795 г., а в ревизиях – на конец этого же года. Однако в целом это не искажает общую картину. В то же время отметим и более серьезные расхождения в указании возрастов.

Таким образом, сравнение списков семьи Неупокоевых по двум источникам показывает, что могли иметь место как ошибки

⁸⁷ Здесь и далее см. приложение 11.

составителей (в первую очередь исповедных ведомостей в случае с Павлом Алексеевым Неупокоевым), так и явное сокрытие душ мужского пола в лице Тимофея Козмина, который отсутствует в ревизии, но есть в церковных документах.

Сопоставим списки семьи Бархатовых по данным исповедных ведомостей и ревизских сказок за 1795 г. Составители ревизии показывают, что на момент ее проведения в семье Федора Алексея Бархатова, включавшей его сыновей, племянников, внуков и снох, насчитывалось 42 д.о.п. Наиболее достоверно ситуация в семье Бархатовых отражена в исповедных ведомостях. Здесь названо 6 семей Бархатовых (38 д.о.п.), которые выделились из состава большой неразделенной семьи ее главы Федора Алексея Бархатова. Это отдельные семьи его сыновей – Петра и Ивана, племянников – Ивана, Василия и Афанасия Бархатовых. Всего в соответствии с данными ревизии среди членов данной семьи насчитывалось 20 д.м.п. и 22 д.ж.п., а по церковным источникам – 20 д.м.п. и 20 д.ж.п.

Таким образом, исповедные ведомости «недоучли» двух женщин (Анну Афанасьеву, 3 года, и Дарью Афанасьеву, 1 неделя). В то же время обращение к метрическим материалам позволило установить, что 2 августа 1795 г. у Афанасия Бархатова умерла дочь Анна в возрасте 3-х лет. О рождении же дочери Дарьи в этой семье ничего не сказало в метриках – ни в списках рожденных, ни в списках умерших она не упоминается. В ревизской переписи 1834 г. Анна и Дарья уже не названы. Можно заключить, что в случае с Анной составители исповедных списков допустили ошибку (ведь Анна была «пропущена» и в предыдущие годы!). Отсутствие упоминания имени младшей дочери Афанасия Бархатова Дарьи вызывает недоумение – трудно представить, что она не была зафиксирована вообще. Но тогда как же быть со списками ревизий? Быть может, здесь мы сталкиваемся с ошибкой, допущенной составителем сказки?

В общем, очевидно, что каждый пример таких расхождений требует отдельного рассмотрения, выявления судеб крестьян по материалам метрических книг, сопоставления как с ранними, так и с более поздними источниками, выяснения причин появления подобных случаев. При этом необходимо совмещать оба типа документов, тем более что в VI ревизии, проводимой в 1811 – 1812 гг., женщины учету не подлежали вообще и сделать верные выводы о численности и составе населения на основании только данных ревизии не представляется возможным.

Число семей в одном и том же населенном пункте также оказывается неодинаковым в результате сравнения ревизий и исповедных ведомостей. Так, в Логиновском ревизии указывают на наличие 30 семей, а церковные источники – 39 крестьянских семей, в Такмыке по ревизии 88 семей, по исповедным ведомостям – 99, а в Бетеинском соответственно 48 и 42 (табл. 5). Однако при более детальном рассмотрении выясняется, что число семей, действительно проживающих в этих селениях, по ревизиям нужно указывать еще меньше. Связано это с тем, что за период, прошедший с последней ревизии, некоторые семьи сменили место жительства, переехав в другую местность, но их по-прежнему перечисляют переписчики, правда, указывая как выбывших.

Таблица 5

**Число крестьянских семей
в селах южных уездов Тобольской губернии в 1795 г.⁸⁸**

| Населенный пункт | Ревизские сказки | Исповедные ведомости |
|-------------------|------------------|----------------------|
| Логиновское село | 24 (вместо 30) | 48 |
| Такмыцкая слобода | 78 (вместо 88) | 99 |
| Бетеинское село | 46 (вместо 48) | 42 |

Таким образом, очевидно, что общее число указанных в ревизиях семей как проживающих на данной территории должно быть сокращено. Причина подобного несоответствия исследуемых нами источников в показателях, отражающих общее количество семей, кроется в том, что составители этих документов, как уже отмечалось ранее, преследовали разные цели: ревизские сказки – фискальные, церковные книги – учет православного населения. При этом составители ревизий записывали всех жителей усадьбы как единую семью, несмотря на то, что сыновья уже отделились от отца и вели хозяйство самостоятельно. В этом мы могли убедиться, сопоставляя семьи Неупокоевых и Бархатовых.

Подобная разница в подходах к фиксации населения приводила к тому, что состав семьи по данным ревизий и церковных документов также оказывался неодинаковым. В качестве примера для сравнения

⁸⁸ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 49. – Л. 501 – 516 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 144. – Л. 629 – 655; ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 483 – 505; Д. 26. – Л. 112 – 139, 167 – 197.

мы использовали сведения ревизских сказок и исповедных ведомостей Такмыцкой слободы за 1795 г.⁸⁹ В исповедных семьях записаны семьи с количеством от 2 до 13 человек. Больше всего семей, состоящих из 5 – 6 членов. Преобладают семьи двухпоколенные, доля которых 70,4%. В то же время в ревизиях встречаются семьи от 1 до 20 и более человек. Наибольшими являются семьи из 4-х, 6 – 7 членов. В данном источнике также наблюдается превосходство двухпоколенных семей, но они составляют 62,0% от общего количества учтенных семей.

Таким образом, численный и поколенный состав крестьянских семей, представляемый ревизскими сказками, оказывается несколько большим по сравнению с церковными документами. На наш взгляд, наиболее достоверную картину семейного состава изображают все же исповедные ведомости, в чем мы уже могли убедиться ранее при исследовании составов отдельных крестьянских семей.

Как уже отмечалось, оба указанных источника позволяют представить процессы естественного движения населения, т.к. указывают возраст всех жителей населенного пункта, что делает возможным установить год их рождения. К тому же метрики фиксируют всех крещенных детей на территории данного прихода, а значит, способствуют выяснению количества рождений в течение года на территории каждого населенного пункта.

Сравним показатели исследуемых источников, касающиеся рождаемости. Исходя из указанного возраста в списках жителей вышеназванных населенных пунктов, мы составили таблицу, отражающую число родившихся с 1785 до 1792 гг. и доживших до 1794 г. (табл. 6). При подсчетах не учитывались лица рожденные, но умершие в этом временном промежутке, поскольку в ревизских сказках нам не встретилось подобных примеров, а исповедные ведомости фиксировали только крестьян, проживающих в настоящий момент на территории данного населенного пункта.

Очевидно, что данные метрических книг и исповедных ведомостей и ревизских сказок, отражающие число рожденных жителей, не идентичны. В селе Бетеинском в 1785 – 1792 гг. ревизские сказки фиксируют большее количество рожденных (41 мальчик и 43 девочки), чем ведомости (42 мальчика и 41 девочка). В общем счете показатели расходятся на одного человека. На территории Логиновского и Такмыка иная картина. Здесь

⁸⁹ Приложение 7.

метрические книги показывают большее количество рожденных жителей, нежели ревизские сказки. В Логиновском разница в показателях составляет 6 человек: крещены за исследуемый период 21 мальчик и 26 девочек в соответствии с данными метрик и 16 мальчиков и 25 девочек в соответствии с данными ревизии. На территории Такмыцкой слободы подобное несоответствие составляет в целом 4 человека: метрики фиксируют среди рожденных 60 мальчиков и 57 девочек, а ревизии – 54 мальчика и 59 девочек.

Таблица 6

Число рожденных (душ обоего пола) в населенных пунктах южных уездов Тобольской губернии с 1785 по 1792 гг.⁹⁰

| Населенный пункт | Село Бетеинское | | Село Логиновское | | Такмыцкая слобода | |
|------------------------|------------------|--------------------|------------------|--------------------|-------------------|--------------------|
| | Ревизская сказка | Исповед. ведомость | Ревизская сказка | Исповед. ведомость | Ревизская сказка | Исповед. ведомость |
| Всего рождено (д.о.п.) | 84 | 83 | 41 | 47 | 113 | 117 |

Сходным во всех названных показателях ревизского учета является то, что он повсеместно показывает меньшее количество лиц мужского пола, а лица женского пола могут даже превышать в сказках аналогичные данные, представленные метриками. К примеру, в селе Логиновском переписчик церковных документов называет Филиппа Иванова Немчинова, 5 лет, Тимофея Козмина Неупокоева, 5 лет, сыновей Василия Афанасьева Бархатова – Григория, 12 лет, Василия, 9 лет, и Андрея, 5 лет.⁹¹ Однако ни один из них не упоминается в ревизских сказках. Это касается как пятой, так и последующей, шестой ревизии.

Миграционные процессы, конечно, могли вносить путаницу в подсчеты, особенно в церковные документы, как уже было означено.

⁹⁰ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 49. – Л. 501 – 516 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 144. – Л. 629 – 655; ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 483 – 505; Д. 26. – Л. 112 – 139, 167 – 197.

⁹¹ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 629 – 655; ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 113 об., 117 – 118.

Но все вышеназванные семьи оставались жить на территории Логиновского и никуда не переезжали. По-видимому, налицо факты сокрытия душ мужского пола со стороны некоторых жителей и попытка уменьшить таким образом выплаты государственных податей, взимаемых только с мужчин.

Конечно, трудно установить истинную причину несоответствия количества рожденных по исследуемым нами источникам, но несомненно одно: церковные документы не занижали количество рожденных жителей, как об этом подчас писали некоторые исследователи, а даже представляли более высокие показатели по сравнению с ревизскими сказками.

Таким образом, среди разнообразия исторических источников, позволяющих представить процессы развития населения, мы обратились к исследованию и сопоставлению очень трудоемких в работе ревизских сказок и церковных документов (метрических книг и исповедных ведомостей). Эти две разновидности учета населения, возникших в начале XVIII в., постоянно менялись как по форме, так и по содержанию, что усложняет возможность сопоставления документов за разные годы. Однако постепенно устанавливались устойчивые правила при составлении как ревизий, так и документов церковного учета, облегчающие их сравнение.

Ревизии имели длительные сроки своего проведения, что существенно снижало качество получаемой информации. В частности, это приводило к невозможности достоверно оценить демографические процессы. Особенно неблагоприятной представляется ситуация, изображающая состояние женской части населения, а также количества и состава семей сибирских крестьян. В то же время, ревизии учитывали значительную часть жителей, но это главным образом податное население. Больше внимание уделялось лицам мужского пола, поскольку именно они являлись плательщиками податей в государственную казну, а ревизии составлялись для их регистрации. Ревизские сказки позволяют представить картину возрастного состава населения.

Несомненно, что одной из важнейших задач составителей сказок была фиксация всех передвижений жителей, что позволяет нам сделать основательные выводы об интенсивности и направлениях миграций в конце XVIII – первой половине XIX вв. Среди всех ревизских переписей наиболее полноценные данные представлялись IV и V ревизиями, уделявшими больше внимания женскому

населению, указывавшими как причины и направления их передвижений, так и момент наступления смерти как для мужчин, так и для женщин.

Метрические книги представляли картину естественного движения населения, учитывая случаи рождаемости и смертности, что позволяет оценить ежегодный прирост жителей. С помощью этого источника мы можем узнать брачный возраст, сословное происхождение и вероисповедание жениха и невесты, установить точное время венчания. Итоговые ведомости обобщали метрические материалы. Исповедные книги, составлявшиеся в 1787 – 1801 гг., дают возможность установить количество и состав семей сибирских крестьян, поскольку предоставляли списки всех категорий населения православных деревень. Указанным церковным источникам присущи недостатки, в первую очередь связанные с ошибками составителей и вытекающими отсюда неточностями в записях. Другой серьезный пробел – отсутствие информации о миграционных процессах, не позволяющий сделать выводы о причинах выбытия ряда жителей из деревень.

В заключение необходимо подчеркнуть, что ревизские сказки и документы церковного учета населения – взаимодополняющие источники, которые могут быть как проверочным и вспомогательным, так и самостоятельным видом исторических документов. На основе этих источников возможно установление подлинной картины развития сибирского населения, получение выводов о половозрастном и семейном составе жителей и его влиянии на различные явления, связанные с историко-демографическими процессами, представление о причинах, направлениях и времени миграций, происходивших на территории Сибири.

Губернаторские отчеты

Именно на основе материалов ревизского и церковного учетов складывался административный государственный учет населения. Административный учет населения был введен в России в конце XVIII в. Из каждой губернии ежегодно в столицу должны были предоставляться сведения о количестве жителей определенной территории. При этом фиксировалась численность населения в соответствии с показателями ревизий в уездах и в целом по губернии.

Ежегодно также учитывались сведения из епархий о естественном движении населения – количестве рожденных и умерших.

Естественно, что подобный способ определения численности населения имел множество погрешностей. Так, ревизии несколько занижали количество жителей, поскольку последние, как уже отмечалось, стремились укрыться от платежей государственных податей. Да и сами переписи проводились с погрешностями. Церковный же учет существовал до 30-х гг. XIX в., лишь для православного населения. Несмотря на то, что была определена специальная форма для административной отчетности, она нередко не соблюдалась, да и присылались подобные материалы из губерний непостоянно.

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX вв. отчеты губернаторов не были самостоятельным независимым источником и предоставляли подчас лишь приблизительную информацию о численности населения.

С 30-х гг. XIX в. губернаторские отчеты становятся более подробными. Для их составления начинают создаваться губернские статистические комитеты, в обязанности которых и входил сбор сведений о народонаселении. Однако сами методы получения сведений остались прежними, т.к. все так же за основу брались данные ревизий и метрических данных об естественном движении населения. Ежегодно к этим показателям причислялись материалы казенных палат о «вселившихся и выселившихся». Все это приводило к тому, что наиболее достоверными результатами обладали те губернаторские отчеты, которые подавались в момент проведения очередной ревизии или вскоре после ее окончания. Поэтому наиболее реально отражали численность населения данные о количестве жителей за 1834, 1851 и 1858 гг. Именно в это время на территории южных уездов Тобольской губернии был закончен сбор информации по восьмой, девятой и десятой ревизским переписям.

Только после образования Центрального статистического комитета МВД в декабре 1858 г. было проведено первое самостоятельное независимое исчисление населения, которое и положило начало новому виду учета жителей, пришедшему во второй половине XIX в. на смену ревизиям.

Информация о количестве населения, о числе ссылаемых и прибываемых по собственной воле переселенцев сохранилась и в многочисленной административной переписке, находящейся на

хранении в архивах. Такие сведения приходится собирать по крупицам из различных фондов, но они помогают осветить разнообразные процессы, характерные для становления русского населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв., уточнить данные губернаторских отчетов.

Губернаторские отчеты по Западной Сибири сохранились в РГИА (фонд 1264 Первого Сибирского Комитета, фонд 1265 Второго Сибирского Комитета) и ГУОО ГАОО (фонд 3 Главного Управления Западной Сибири). В этих отчетах концентрировалось значительное количество сведений, характеризующих социально-экономическое развитие той или иной территории. К примеру, здесь содержатся данные о развитии промышленности, о количестве посеянного и собранного хлеба, о состоянии ярмарок и торговли, о нравственном положении в обществе и пр. Значительное место отводилось данным о численности и движении населения. С этой целью составлялась «Табель о народонаселении».

Все население в таких табелях было подразделено на две группы. Первая из них – «не включенные в ревизию»: духовенство, статские чины, лица, относящиеся к военному ведомству, горному ведомству и пр. Вторая группа – «податные состояния»: городские жители, крестьяне, инородцы, ссыльные. В заключение были подведены промежуточные итоги численности неподатных и податных сословий, затем представлены сводные данные об общем количестве населения.

Воспользуемся данными губернаторских отчетов за 1852 г. для характеристики народонаселения южных округов Тобольской губернии (табл. 7). Как отмечалось ранее, эти сведения о численности жителей могут считаться наиболее достоверными, поскольку накануне, в 1851 г., были получены результаты девятой ревизии. Материалы губернаторских отчетов сгруппированы по округам, в каждом из которых показана численность мужского и женского населения. Это дает нам возможность установить общее количество жителей каждого округа.

Как видно из нижеприведенных данных, в общем количестве населения всех трех южных округов преобладали податные сословия. В Омском округе на их долю приходилось в 1852 г. 74,8% от общего числа жителей, в Тарском – 95,7%, в Ишимском – 87,3%. Наиболее низкое количество податных в Омском округе объясняется тем, что на его территории располагались военные гарнизоны, значительной

была доля чиновников, поскольку к этому времени Омск стал столицей губернии и здесь сосредоточились многие административные учреждения.

Таблица 7

**Количество жителей в южных округах
Тобольской губернии в 1852 г. (д.о.п.)⁹²**

| Показатели | Омский | Тарский | Ишимский |
|---------------------|---------|---------|----------|
| Всего жителей | 127 082 | 76 743 | 181 677 |
| Неподатные сословия | 32 088 | 3 280 | 23 112 |
| Податные сословия | 94 994 | 73 463 | 158 565 |

Среди податных южных округов Тобольской губернии большинство составляли крестьяне. Главным образом это были государственные крестьяне, поскольку крепостное право не было распространено на территории Сибири, в отличие от Европейской России. Губернаторские отчеты позволяют вычленить и проанализировать эту информацию (табл. 8).

Таблица 8

**Численность государственных крестьян и их доля в податном
населении в южных округах Тобольской губернии в 1852 г. (д.о.п.)⁹³**

| Показатели | Омский | Тарский | Ишимский |
|--|--------|---------|----------|
| Государственных крестьян (абс.) | 83 928 | 53 546 | 145 647 |
| Их количество относительно податного населения (%) | 88,35 | 72,89 | 91,85 |

Итак, государственные крестьяне численно преобладали как среди податных сословий южных округов Тобольской губернии, так и среди всего населения на этих территориях. Поэтому наше обращение к данным ревизских сказок, характеризующим крестьянское население ряда деревень указанного региона в ходе дальнейшего исследования, вполне обоснованно. Изучаемые процессы позволят

⁹² Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1265. – Оп. 13. – Д. 33а. – Л. 23 – 26.

⁹³ Там же. – Л. 23.

представить картину, характерную для развития подавляющей части населения.

Губернаторские таблицы о народонаселении не содержат данных о национальной принадлежности жителей. Однако в них есть информация о делении жителей на основе вероисповедания. Как уже отмечалось, такие сведения предоставлялись из церковных учреждений различных религиозных конфессий. Подобные показатели позволяют оценить и национальный состав, поскольку подавляющее большинство приверженцев православия были русскими или, в незначительном числе в Сибири, украинцами, среди католиков – преимущественно, немцы, латыши, среди мусульман – татары и т.д. Сведения губернаторских отчетов показывают данные о числе православных христиан (табл. 9), что делает возможным определить их долю в общем количестве жителей южных округов Тобольской губернии.

Таблица 9

Количество христиан православных и их доля в общей численности населения в южных округах Тобольской губернии в 1852 г. (д.о.п.)⁹⁴

| Показатели | Омский | Тарский | Ишимский |
|--|---------|---------|----------|
| Христиан православных (абс.) | 121 657 | 65 630 | 178 804 |
| Их количество от общей численности населения (%) | 95,73 | 85,52 | 98,42 |

Как видно из приведенных данных, количество православных от общей численности населения составляло 98,42% в Ишимском округе, 95,73% в Омском округе, тогда как в Тарском округе их было несколько меньше – 85,52%. Но в целом численность православных христиан, а следовательно, и русских составляла основное большинство жителей южных округов Тобольской губернии.

Данные губернаторских отчетов подтверждаются и более поздним источником, опубликованным в конце 1860-х гг. – «Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868 – 1869 гг.»⁹⁵. Как было в нем сказано, все жители края по этнографическому составу делились на три категории: «1) племя

⁹⁴ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1265. – Оп. 13. – Д. 33а. – Л. 26 – 27.

⁹⁵ Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868 – 1869 гг. – СПб., 1871.

славян, заселивших Сибирь по мере ее освоения (главным образом великороссияне – русские и малороссияне – украинцы) и составившие подавляющее большинство края. Чем ближе к югу, плодородным степям, тем количество русских жителей возрастает. Южные округа представляются совершенно русскими; 2) племена аборигенов, расселившиеся в основном в северных районах, мало приспособленных к оседлой жизни; 3) остальные».⁹⁶ Такие выводы были сделаны на основе данных, представленных приходскими священниками и местными участковыми приставами, которые в каждом населенном пункте определяли национальность жителей.

В соответствии со «Списком...» в южных округах Тобольской губернии – Ишимском, Омском и Тарском – в середине XIX в. было сосредоточено 367 179 д.о.п. или 37,78% всех ее жителей.⁹⁷ При этом русские составляли 91,7% от всего населения губернии (891 105 чел.), а в Ишимском и Омском округах на долю русских приходилось даже большее число жителей, соответственно 98,4% (171 892) и 95,0% (95 866 чел.). В Тарском же округе русских было несколько меньше – 89,8% от общего количества населения (82 228 чел.). Остальными жителями южных округов Тобольской губернии были ссыльные поляки (1,5% от общего количества населения этих уездов – 5 406 чел.), немцы (0,9% – 3 297 чел.) и евреи (0,2% – 593 чел.). В Тарском округе, помимо этого, 7 866 чел., или 8,6% всех жителей, составляли аборигены – татары, которые расселялись преимущественно в его северных районах.⁹⁸ Итак, очевидно, что расхождений между источниками 1850-х и 1860-х гг. не наблюдается, и все документы изображают одинаковую картину.

После подведения общих итогов о численности всего населения в табелях о народонаселении расположены данные о естественном движении. Показано, сколько родилось в течение года лиц мужского и женского пола, сколько умерло. Далее в составе умерших выделено количество смертных случаев по возрастным категориям: до 15 лет, от 15 до 45 лет, от 45 до 60, от 60 до 100 и более 100 лет. Именно эти сведения и предоставлялись на основе ежегодных материалов церковного метрического учета жителей.

В губернаторских отчетах есть данные о числе вновь образовавшихся брачных пар за истекший год, названо количество

⁹⁶ Там же. – С. 151 – 152, 179.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

разводов на территории каждого округа. Все перечисленные сведения, имеющиеся в табелях о народонаселении, позволяют охарактеризовать многие важнейшие процессы естественного воспроизводства и сделать выводы о роли естественного прироста в увеличении населения как губернии в целом, так и ее составных частей.

В отдельном разделе губернаторских отчетов выделена специальная статья о ссыльных. В ней содержится информация, демонстрирующая поступление ссыльных и их распределение для отбывания наказания: сколько сослано в распоряжение Тобольского приказа и из них распределено на каторжные работы и на поселение, сколько ссыльных бежало из Сибири во внутренние губернии и возвращено назад, сколько членов семей пришло по собственной воле за ссыльными, сколько из вновь поступивших умерло и т.д. Однако в указанном разделе приведены данные по губернии в целом, без подразделения по отдельным округам.

Помимо прочего, сведения о ссыльных предоставлены и в общей «Табели о народонаселении». Здесь показано количество ссыльных, распределенных по округам до издания Устава о ссыльных в 1822 г. и после появления этого Устава. Среди ссыльных выделены различные категории – каторжные, на поселении, «дряхлые». В то же время здесь отсутствуют данные о том, сколько конкретно поступило ссыльных в каждый из округов в текущем году, сколько из них умерло, сколько у ранее живших здесь родилось детей. Поэтому мы можем делать лишь приблизительные выводы о том, сколько же ссыльных поместили в каждый из южных округов Тобольской губернии в течение года.

В отдельных ведомостях губернаторских отчетов имеются также данные по округам о рекрутских наборах. В них показано, сколько в каждом городе и округе Тобольской губернии душ мужского пола, «отправляющих повинность», сколько поступило на военную службу в течение года. Подобные сведения имеют важное значение для определения существовавшего оттока мужского населения, который происходил постоянно на территориях южных округов Тобольской губернии.

Во время наиболее массового переселения государственных крестьян из малоземельных губерний Европейской России в 40 – 50-е гг. XIX в. в числе сведений, предоставляемых тобольским губернатором, были и данные о количестве вновь прибывших

жителей и их распределении по округам. Такие показатели позволяют определить степень роста народонаселения каждого округа за счет внешнего притока.

Таким образом, в губернаторских отчетах содержится многообразная информация, дающая возможность оценить изменения, происходившие в течение года в народонаселении округов. Это материалы об общей численности населения, о количестве вновь прибывших ссыльных и добровольных переселенцев из Европейской России, об оттоке мужского населения в результате отправления рекрутчины, о естественном движении.

В то же время существует и ряд существенных недостатков, присущих данному источнику. Главный из них состоит в том, что общая численность населения, демонстрируемая в отчетах, часто была приблизительна, поскольку выводилась не из сведений, полученных в результате строго научных статистических методов, а на основе итогов ревизских переписей, осуществляемых примерно один раз за два десятилетия. Другая серьезная проблема данного источника в том, что данные о естественном движении указывались исходя из показателей, присылаемых из религиозных учреждений – православных, католических и пр. Это могло исказить реальную картину рождаемости и смертности всего населения в целом, т.к. в таких документах фиксировались церковные обряды, а не сами события. Поэтому подчас могли оказаться незарегистрированными смертные случаи, если они произошли в результате самоубийства, порой недоучитывалась рождаемость, если младенец умер до крещения, и т.п.

Описывая количество и состав прибываемых ссыльных в Тобольскую губернию, сведения губернаторских отчетов не показывают их распределения по округам, что затрудняет исследование вопроса о пополнении жителей округов за счет ссылки. К тому же губернаторские отчеты не освещают внутренних перемещений жителей губернии, что также не позволяет оценить важнейшие миграционные процессы, столь распространенные в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Восполнить существующие пробелы исследуемого документа государственной административной отчетности о народонаселении возможно с помощью данных ревизских сказок. Несмотря на то, что работа с подобными материалами очень трудоемкая и требует для получения необходимой информации сбора сведений из большого

числа документов, отражающих развитие народонаселенческих процессов многих отдельных селений, но это позволит выявить значительное количество недостающих сведений губернаторских отчетов. Особенно это касается рассмотрения миграционных процессов.

Таким образом, все исследуемые источники, располагающие важнейшей информацией о развитии населения, требуют уточнения своих данных. Это свидетельствует о том, что получение наиболее достоверной историко-демографической картины возможно лишь в случае комплексного изучения разнообразных материалов.

2. Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Размещение, внешний приток и внутриуездное движение населения

В конце XVIII – первой половине XIX вв. на территории южных уездов Тобольской губернии заканчивается процесс освоения новых земель и происходит уплотнение населенных пунктов за счет «прилива» жителей и образования новых деревень, заимок и т.п. Во многом увеличение населения осуществлялось за счет механического прироста. Колонизационные процессы в значительной степени направлялись властями: с одной стороны, это были ссылки, с другой – переселения жителей Европейской России, особенно в конце исследуемого этапа. Важную роль играли и миграции крестьян внутри или между сибирскими уездами. Все вышеперечисленные процессы, связанные с переселениями, нашли отражение в материалах ревизий, губернаторских отчетов и в разнообразной чиновничьей переписке.

В течение всего исследуемого периода – конца XVIII – первой половины XIX вв. – число жителей южных округов Тобольской губернии возрастало, о чем свидетельствуют как показатели увеличивавшегося населения, так и количества имевшихся населенных пунктов. Однако многое в развитии подобных явлений зависело от географического расположения округа, истории его освоения.

В середине XVIII в. на территории Ишимского уезда существовали лишь очаги освоенных земель – Коркина, Абацкая, Викуловская слободы, слабозаселенной оставалась Усть-Ламенская слобода. На протяжении последующих десятилетий происходила дальнейшая колонизация Ишимского уезда и уплотнение его населения. Переселенцы в основном перемещались на юг, юго-восток и, в меньшей мере, на север и северо-запад.

В результате уже к концу XVIII в. территория Ишимского уезда в целом была освоена. Но население здесь располагалось неравномерно. Так, малочисленными оставались земли вдоль Новой линии, создание которой началось в середине XVIII в., в 1752 г. Поэтому с осени 1758 г. по указу Сибирской губернской канцелярии на Средний Ишим начали вызывать добровольцев из крестьян

сибирских уездов. Уже в 1759 г. поступило донесение тобольскому губернатору: «Севернее Петропавловской крепости селится немало крестьян деревнями и однодворками, где некоторые себе и пашни распахали».⁹⁹ Сохранилось 20 списков желающих переселиться во вновь заводимую слободу Красный Яр – всего около 2 тыс. душ м.п. из Ялуторовского (61 м.д.), Туринского (556 м.д.), Тобольского (324 м.д.) и Тюменского (423 м.д.) уездов.¹⁰⁰

В соответствии с намерениями властей к моменту проведения V ревизии на территориях волостей, прилегавших к линии оборонительных укреплений (Сладковской, Частозерной, Суминской), созданы 23 новые деревни из 72 новых деревень Ишимского уезда, возникших в 1782 – 1795 гг.¹⁰¹ Об активном заселении района линии говорили многочисленные примеры. Так, ревизия 1782 г. зафиксировала *зимовье Петушки* с 5 семьями. В 1795 г. здесь проживало уже 18 семей, в 1812 г. в *селе Петухово* – 27 семей. В начале XIX века вокруг Петухово образовались выселки – деревни Юдина, Рынки и др.¹⁰² Заметим, что часть деревень возникла здесь без дозволения властей. К таковым, например, относились деревни Останина и Торопова в Бердюжской волости.¹⁰³

На территории Тарского уезда во второй половине XVIII в. осуществлялось освоение его восточной части. Это были урманы по реке Уй и пространства вдоль реки Тары. Другой особенностью колонизации района явилось то, что именно здесь обосновалось наибольшее число старообрядцев Тобольской губернии – деревни Седельникова, Самохвалова, Низовая, Заливина и др.¹⁰⁴ Еще одним районом заселения стал север Тарского уезда (исконные территории татар), где, к примеру, возникла деревня Тевризская, заселенная крестьянами соседних деревень из Тобольского уезда.¹⁰⁵

Свидетельством тому, что на территории Тарского уезда, так же как и Ишимского, процесс селообразования происходил наиболее активно на вновь осваиваемых территориях, может служить

⁹⁹ ГУОО ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 41.

¹⁰⁰ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 111, 258, 480.

¹⁰¹ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 166. – Л. 1 – 580; Д. 176. – Л. 1 – 488.

¹⁰² ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 166. – Л. 195 – 301; Д. 176. – Л. 201 – 319.

¹⁰³ Там же. – Л. 302 – 419 об.

¹⁰⁴ Там же. – Д. 144. – Л. 659 – 676 об.

¹⁰⁵ Там же. – Д. 133. – Л. 438 – 438 об.

Слободчиковская волость, расположенная по Нижнему Ишиму. Так, в 1763 г. в соответствии с данными III ревизии в ней насчитывалось всего 7 деревень, в 1782 г. – уже 11 деревень, а в 1795 и 1812 гг. – 19 деревень.¹⁰⁶ Больше всего населенных пунктов возникло в Слободчиковской волости во второй половине XVIII в., тогда как в начале XIX в. осуществлялся процесс уплотнения населения за счет его увеличения посредством естественного и механического прироста: в 1795 г. – 853 д.м.п., в 1812 г. – 1131 д.м.п.¹⁰⁷

В отличие от Ишимского и Тарского, освоение Омского уезда в силу исторической и географической обусловленности¹⁰⁸ стало наиболее активным именно в конце XVIII в. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры образования новых селений. Больше всего деревень образовалось на территории двух вновь образованных волостей – Юдинской (8 деревень в 1795 г. и 40 – в 1850 г.) и Драгунской (5 и 24 деревни соответственно).¹⁰⁹

Поскольку особенностью освоения Омского уезда оставалось то, что именно здесь сохранялось значительное количество свободных земель, с конца XVIII в. происходило как возникновение населенных пунктов на новых территориях, так одновременно с этим осуществлялся процесс уплотнения «старых» сел. Крестьяне осваивали урочище Катай, район Чановских озер. Несмотря на то, что «первичное освоение» территорий в Омском уезде несколько затянулось по сравнению с другими уездами Тобольской губернии, уже к началу XIX в. и здесь не осталось «ничейных» земель.

Изменение числа населенных пунктов в южных районах Тобольской губернии на протяжении второй четверти XIX в. можно проследить на основании губернаторских отчетов (табл. 10). Среди различных по типу селений, возникших в губернии, встречались села, слободы, деревни, выселки, заимки, хутора, инородческие улусы. В каждом округе был и город.

Очевидно, что наиболее значительным оказалось увеличение числа населенных пунктов на территории Омского округа (в 1,3 раза с 1824 по 1832 гг. и в 7,6 раз с 1832 по 1852 гг.). Это произошло в силу

¹⁰⁶ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 411 – 492 об.; Д. 133. – Л. 453 – 524 об.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Омская крепость была основана в 1716 г. и стала самым южным форпостом русских в Тобольской губернии.

¹⁰⁹ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – нач. XIX вв. – С. 241.

существовавшей тенденции наибольшего роста селений в местах более «позднего» освоения, каковым, как уже было отмечено, являлся Омский округ. В Тарском округе, самом «старом» районе освоения из всех рассматриваемых, увеличение селений оказалось минимальным из всех обследуемых территорий: с 1824 по 1832 гг. – в 1,02 раза, с 1832 по 1852 г. – также в 1,02 раза. Здесь к 1820-м гг. осталось менее всего неосвоенных земель, поэтому вновь прибывающие сюда жители чаще подселялись в уже существовавшие деревни и села, а не заводили новые. В Ишимском округе наблюдаются сходные явления: число селений в 1832 г. по сравнению с 1824 г. осталось неизменным, тогда как с 1832 по 1852 гг. произошло увеличение населенных пунктов в 1,1 раза.

Таблица 10

**Количество населенных пунктов на территории южных округов
Тобольской губернии во второй четверти XIX в.¹¹⁰**

| Годы | Тарский округ | Ишимский округ | Омский округ |
|------|---------------|----------------|--------------|
| 1824 | 281 | 393 | 26 |
| 1832 | 289 | 392 | 33 |
| 1852 | 296 | 415 | 250 |

Итак, сведения об изменении числа населенных пунктов в южных округах Тобольской губернии второй четверти XVIII в. показывают, что в целом процесс освоения новых земель в Тарском и Ишимском округах практически закончился, тогда как в Омском активно продолжался. Если же принять во внимание сведения 1868 г., то очевидно, что и в дальнейшем наблюдалось увеличение числа населенных пунктов, которое составило в Омском округе рост в 1,3 раза (в 1868 г. их число составило 321), в Тарском – в 1,2 раза (348), в Ишимском – в 1,1 (464).¹¹¹

Обратимся далее к вопросу о том, каким образом происходило увеличение населения за счет «механического» пополнения, т.е. в результате прибытия новых жителей.

Одним из источников пополнения населения южных территорий Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. были

¹¹⁰ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 105; Д. 710. – Л. 114; Ф. 1265. – Оп. 13. – Д. 33а. – Л. 27.

¹¹¹ Тобольская губерния. Список... – С. 271.

ссылные. В правительственных кругах России в XVIII в. бытовало мнение, что источник силы и богатства государства – в густоте и многочисленности населения. Поскольку жители империи были размещены неравномерно и существовали малонаселенные районы, то, по мысли государственных чиновников, следовало колонизовать эти территории с целью увеличения доходов казны и укрепления обороны окраин. Осуществлять же подобные мероприятия следовало «без лишнего казенного расходования». Государственные чиновники понимали, что любое переселение окажется тяжким бременем для жителей, тем не менее оно будет выгодным для них, т.к. если «в каком-либо месте народу больше, нежели пропитаться может, ... то в другом месте народу недостаточно, а для продовольствия оного избыточные места, в таком случае временная на переселение их государственная поддержка нетакмо вперед с прибылью возвратится», но и сами переселенцы впоследствии «положенные на них государственные подати без отягощения в казну приносить смогут».¹¹² Помимо этого, стояла еще одна очень важная задача – необходимо было изыскать новый источник рабочей силы для добычи серебра на Нерчинских заводах.

В 1753 г. появился указ, заменивший смертную казнь ссылкой в Сибирь.¹¹³ Ссылка стала репрессивным средством для нарушителей феодально-крепостнических порядков. После длительного обсуждения в правительстве в 1760 г. появился указ «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, монастырских, купеческих и государственных крестьян с зачетом их за рекруты и о платеже из казны за жен и детей обоого пола тех отправляемых крестьян по нареченной в сем указе цене».¹¹⁴ При этом в преамбуле к указу было записано: «Понеже в Сибирской губернии и Иркутской провинции, в Нерчинском уезде состоят к поселению и хлебопашеству весьма удобные места, которых к заселению государственный интерес требует, ради того Правительствующий Сенат приказали». Таким образом, указ 1760 г. одновременно решал ряд задач – это и необходимость заселения окраин, обеспечения их рабочей силой и возможность для господствующего класса избавиться от неугодных крестьян. Указ предоставлял право помещикам вместо отправления в армию рекрутов ссылать

¹¹² ГУОО ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 45об. – 46.

¹¹³ Там же. – Л. 45.

¹¹⁴ ПСЗ. – Т. XV – № 11166.

непокорных крестьян, «которые предерзостными поступками ... беспокойства причиняют и другим подобным себе пример дают».¹¹⁵

Отправлять в Сибирь полагалось мужчин не старше 45 лет, здоровых и неувечных, пригодных к работе. Предполагалось, что вместе с мужьями в ссылку будут приезжать и жены, за что помещикам полагались особые выплаты. Судьба же детей ссылаемых оставалась на усмотрение помещика, которые могли их отправить вместе с родителями, если пожелают. Состав прибываемых в это время ссыльных на территорию Сибири не позволяет усомниться в том, что практически все означенные положения указа помещиками не соблюдались. Налицо резкая диспропорция полов, преобладание мужского населения среди посельщиков, т.к. женщин было значительно меньше. Часто ссылались люди пожилые, немощные и совершенно не пригодные к хлебопашеству или иным работам.

В первый же год после появления указа 1760 г. возникли серьезные трудности. Ссыльных было очень много, поэтому не хватало транспорта для их перевозки, отсутствовало нужное количество продовольствия и одежды. К тому же на Нерчинских заводах «отсутствовало продовольствие, поскольку хлебопашество еще не размножено и живущие там нужду претерпевают».¹¹⁶ На основании этого Соймонов предложил колодников в Нерчинск не отправлять, а размещать вдоль Иртышской линии. Поэтому в январе 1762 г. Сенат постановил «в рекрутский зачет помещичьих людей ... селить по дороге от Тобольска к Иркутску и до Нерчинска и около него».¹¹⁷ Вскоре последовал новый указ, разрешающий ссыльных «за вины и с зачетом в рекруты определять на поселение по Иртышской линии от Усть-Каменогорской до Омской крепости».¹¹⁸

Точные данные о числе ссыльных, отправленных после появления указа 1760 г. назвать трудно, поскольку эти сведения погибли во время пожара 1788 г. Но и сохранившиеся отрывочные данные позволяют сделать выводы о большом количестве ссылаемых в это время. По мнению А.Д. Колесникова, в Сибирь в 1761 – 1781 гг. прибыло около 60 тыс. ссыльных, при этом многие были определены именно в Ишимский и Омский уезды.¹¹⁹

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. – № 11208.

¹¹⁷ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 472. – Л. 13.

¹¹⁸ ГУОО ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 163.

¹¹⁹ Колесников А.Д. Русское население... – С. 362.

Массовый наплыв ссыльных в начале 1770-х гг., вспыхнувшая среди них эпидемия и начавшаяся вскоре крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева вызвали необходимость принять правительственный указ в ноябре 1773 г. «о непосылке колодников впредь до указа в Оренбург и Сибирь и о непринимании с зачетом в рекруты».¹²⁰ Таким образом, наибольший приток ссыльных наблюдался в 1760-е – 1773 гг., а с 1774 г. он почти прекратился. В целом увеличение потока ссыльных в Сибирь связано с обострением кризиса крепостничества, приведшего к крестьянскому восстанию 1773 – 1775 гг. Это подтверждают и пояснения к спискам ссыльных: крестьяне из Ливенского уезда «биты кнутом и сосланы за непотребные поступки», «за домашние предерзости», крестьянин из Свияжского уезда так же «бит кнутом», «сослан за худые проступки и прочие предерзости» и т.д.¹²¹

После подавления крестьянского восстания вновь возобновилась отправка ссыльных в Сибирь, но теперь их поток был существенно меньше. Как и ранее, правительство вновь попыталось заселять Забайкалье, и в 1799 г. был издан указ об отправлении в Нерчинск «преступников, подлежащих к ссылке и отдаваемых от помещиков крепостных людей с зачетов в рекруты».¹²² Но и теперь отсутствие все тех же необходимых условий – продовольствия, подготовленных мест, тогда как сама ссылка «плохо организована, ссыльные изнурены, много негодных к поселению» – не позволило осуществить данное распоряжение. Ссыльных продолжали размещать в других районах Сибири.

По данным Тобольской казенной палаты за 1784 г., ссыльных было в Тобольской губернии 2 965 д.м.п., что составляло 1,5% от общего количества населения, при этом в Омском округе их насчитывалось 436 д.м.п. (1,8%), в Тарском – 280 (1,6%), в Ишимском – 162 (0,6%), а наибольшее число ссыльных – в самом Тобольском округе – 1 788 (более 6%).¹²³ Основная же их масса была водворена в лесостепной зоне вдоль Сибирского тракта. В Ишимском округе это была Частоозерная, Бердюжская и Армизонская волости, в Омском округе – Еланская волость, крупные села Баженово, Нагибино, Саргатское, Крупянское.

¹²⁰ ПСЗ. – Т. XIX. – № 867.

¹²¹ ГУОО ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 156. – Л. 47; Д. 240. – Л. 46.

¹²² ПСЗ. – Т. XXV. – № 19157.

¹²³ РГИА. – Ф. 558. – Оп. 2. – Д. 274. – Л. 64.

Начало XIX в. ознаменовалось рядом попыток упорядочить ссылку в Сибирь. Так, в ноябре 1800 г. последовало распоряжение о приеме «представляющихся на поселение при мужьях жен их с детьми». При этом помещики должны были выделять для путевого содержания таких переселенцев провиант, а обувью и платьем их снабжала казна в соответствии с правилами, определенными рекрутским приемом.¹²⁴ При этом высылка 15-летних детей шла помещику в зачет рекрутов, если они отправлялись вместе с родителями и получали содержание. Подчеркивалось, что на малолетних детей данные условия не распространялись.

Для того чтобы количество сосланных было точно известно, в Сенат из губерний по прошествии каждой трети года требовалось доставлять ведомости с указанием того, сколько, когда, куда определено с указанием имен и прозваний ссыльных.¹²⁵ Но, несмотря на наличие неоднократных требований из Сената всем губернским правлениям «рапортовать о назначенных на поселение в Сибирь», это распоряжение часто не выполнялось, и поэтому число сосланных может быть названо только приблизительно. В ведомости «О числе всех наличных поселенцев в городах и уездах находящихся» указано, что в 1808 году в Тобольской губернии насчитывалось 2 449 ссыльных, из них в Тарском уезде – 49 чел., в Омском – 112 чел., в Ишимском – 253 чел., а через год в губернии учтено 2 330 ссыльных, из них в Тарском уезде – 73 чел., в Ишимском – 250 чел.¹²⁶

Как следует из губернаторских отчетов, в начале XIX в., как и ранее, подавляющее большинство составляли среди поселенцев мужчины, мало было женщин. Среди сосланных много учтено «не способных за старостью и из-за болезней». В 1809 г. в Тобольской губернии водворялось 1 846 чел. поселенцев, из них только 508 женщин, а немощных и больных – 613 чел.¹²⁷

В первой половине XIX в. поток ссыльных в Сибирь непрерывно нарастал. Несмотря на то, что формально было отменено положение о ссылке помещиками своих крепостных «за предрозостное поведение», по-прежнему ссылались неугодные крестьяне, бунтовщики. Так, в начале века в Тобольскую губернию были отправлены восставшие

¹²⁴ ПСЗ. – Т. XXVI. – № 19668.

¹²⁵ Там же. – № 19564.

¹²⁶ ГУОО ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 52а. – Л. 301об., 417 – 418.

¹²⁷ Там же. – Л. 397 – 400 об.

крестьяне из Саратовской губернии, уральские казаки «за неповиновение приказу» и др.

Несмотря на то, что число ссылаемых в Сибирь постоянно увеличивалось на протяжении первой половины XIX в., но все же представители данной категории не становились главной составной частью жителей края. Об этом писал и М.М. Сперанский, ставший сибирским генерал-губернатором в 1819 г.: «Сибирь не населена ссыльными и преступниками. Число их как капля в море. Они едва составляют до 2000 человек в год и в том числе никогда и десятой части нет женщин». «К общему населению Сибири ссыльные вообще мало способствуют. Большая их часть вообще умирает без потомства и, следовательно, мнение, что Сибирь была доселе населена или впредь может быть значительно населена ссыльными, есть неосновательное предубеждение».¹²⁸

В первой трети XIX в. ссыльные стали главным контингентом мигрантов в Сибирь. В отчетах чиновников отмечалось, что после 1822 г. ежегодно в Сибирь отправлялось более 12 тыс. человек (вместо положенных 4-5 тыс.). Однако точное их число определить трудно и теперь, несмотря на появление в 1822 г. Устава о ссыльных, существенно упорядочившего систему размещения ссыльных, поскольку местные власти по-прежнему не предоставляли точных сведений.

В 1820-е гг. в Сибирь прибыло наибольшее количество ссыльных: с 1824 по 1826 гг. – по 11 116 чел., в 1827 г. – 11 405 чел., в 1828 г. – 10 466 чел., в 1829 г. – 7 918 чел. Впоследствии этот поток несколько уменьшился, но все же оставался достаточно высоким: в 1830-е гг. – более 7 – 8 тыс. чел. ежегодно, в 1840-е гг. – более 4 – 7 тыс. чел. ежегодно. А комиссия, созданная для сбора информации в Сенат, доносила, что с 1824 по 1852 гг. в Сибирь было отправлено более 215 тыс. ссыльных и их семей (в среднем около 8 тыс. ежегодно).¹²⁹

Постоянно возникавшие затруднения в связи с пересылкой в Сибирь привели к появлению в 1823 г. распоряжения Совета Главного управления Западной Сибири о том, что в этапе должно находиться летом не более 60 чел., зимой – не более 100 чел. Тем не менее число ссыльных намного превосходило эту цифру: до 300 чел. отправлялось еженедельно. Количество ссыльных росло, а подвод для

¹²⁸ Ссылка в Сибирь. – СПб., 1900. – С. 17.

¹²⁹ Там же. – С. 330 – 331.

их отправки не хватало, недоставало и стражи для охраны и сопровождения. При этом ссыльных либо определяли к старожильческим деревням с необходимостью водвориться в течение 5 лет (почти 62% из всех отправленных в ссылку в Сибирь были определены к старожилам – 12 116 чел. из 19 569 чел.), либо для них заводили новые селения в местах малолюдных. Отмечалось в отчете, что приселение к старожилам чаще всего встречалось в Тобольской губернии.¹³⁰

Нередко чиновники сетовали на то, что недостает средств, поэтому возникают трудности в обустройстве ссыльных. Тем не менее центральные власти не торопились увеличивать расходы на ссыльных, которые в 1824 г. составили 210 924 руб., в 1826 г. – 182 940 руб., в 1828 г. – 192 262 руб., в 1830 г. – 177 684 руб.¹³¹

В отчетах Сибирского комитета неоднократно говорилось «о неудобовозможности водворения ссыльных в Сибири по недостатку женщин». Не спасало положения и то, что за ссыльными могли следовать их семьи. В 1824 г. в Тобольскую губернию поступило 11 085 мужчин и 965 женщин, а по воле пришло 196 женщин и 275 детей.¹³² В 1830 г. отправлено 6 192 мужчины, 1 235 женщин, за ними последовали еще 128 женщин и 287 детей.¹³³ Как видим из приведенных данных, ссыльные-мужчины намного превосходили по числу ссыльных женского пола, а семей за сосланными в дальний путь, в Сибирь, отправлялось немного. Поэтому не случайно, что на новом месте не так уж и редки были браки между посельщиками и старожилами.

Обратимся к материалам ревизий, для того чтобы понять, какова была доля ссыльных в отдельных селениях южных уездов Тобольской губернии. Сразу оговоримся, что детей ссыльных данный документ причислял к государственным крестьянам, поэтому точно вычленить происхождение всех жителей деревень в конце XVIII в., которые ранее происходили из ссыльных, не представляется возможным. Однако нас интересует вопрос о том, как складывалась ситуация с притоком ссыльнопоселенцев в конце XVIII в., сколько человек было причислено именно в это время, а вот об этом данные документы смогут нам поведать.

¹³⁰ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 421. – Л. 19об. – 28об.

¹³¹ Там же. – Д. 701. – Л. 6; Д. 703. – Л. 4; Д. 706. – Л. 5 – 6, 11 – 12.

¹³² Там же. – Д. 701. – Л. 6.

¹³³ Там же. – Д. 706. – Л. 5 – 6.

В Такмыцкую слободу, расположенную в Тарском округе Тобольской губернии, нередко селили ссыльных, которых направляли местные власти. К 1782 г. в слободу был поселен сын бывшего казака Афанасия Костелецкого Иван с женой и двумя детьми, отставной Егор Калашников с сыном Федотом.¹³⁴ В ревизии 1795 г. записаны посельщики с трехлетней льготой Ларион Алексеев и Митрофан Агеев, к 1812 г. приписаны из Семипалатинска на поселение Андрей Патракипов и Дмитрий Кондратьев, а кроме того, еще 5 д.м.п., поступивших в подушный оклад по истечении трехлетней льготы.¹³⁵ Другие 14 человек к моменту проведения VIII ревизии были определены в Такмыцкую слободу из Екатерининского завода, а 8 чел. – из поселенцев, прежде состоявших на 20-летней льготе. Из ведомства военнорабочих после трехлетней льготы приписаны к слободе 10 д.о.п., а из поселенцев по трехлетней льготе после 1831 года – 10 семей или 39 д.о.п.¹³⁶ Таким образом, всего 86 человек в конце XVIII – начале XIX вв. были распределены властями на жительство в Такмыцкую слободу.

В другом старожильческом селе – Логиновском, которое располагалось в Тарском же уезде, местные власти также расселяли ссыльных. К примеру, ревизия 1812 г. отмечает появление новых посельщиков – Емельяна Андреева Логинова и его сына Афанасия.¹³⁷ В ревизии 1834 г. записано, что в 1830 г. переведены из ссыльных в государственные крестьяне 17 д.м.п. и 15 д.ж.п. В это же время в Логиновском помещены Василий и Алексей Комаровы «из каторжан» и 7 м.д. «из заводских детей».¹³⁸ Ревизия 1850 г. фиксирует новых жителей села Логиновского «на особом поселении», всего их 14 м.д., а семья Алексея Иванова (7 чел.) определена в Логиново из Омской суконной фабрики.¹³⁹ В целом в первой половине XIX в. в Логиновском появляется 46 д.м.п. ссыльнопоселенцев.

Итак, ссыльные на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX вв. пополняли население Тобольской губернии и ее южных округов. При том, что среди ссыльных была высока смертность и еще Н.М. Ядринцев считал, что примерно четвертая

¹³⁴ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 219об.

¹³⁵ Там же. – Д. 136. – Л. 29 – 31; Д. 298. – Л. 126 – 127об.

¹³⁶ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 458. – Л. 368 – 371.

¹³⁷ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 301. – Л. 6об.

¹³⁸ Там же. – Д. 455. – Л. 263 – 263об.

¹³⁹ Там же. – Д. 643. – Л. 33 – 34об.

часть ссыльных погибала в пути в Сибирь,¹⁴⁰ основная их масса выжила и стала колонизационным элементом, т.к. осела на земле, влилась в разряд сибирского крестьянства, пополнив население края, оставила после себя потомство.

Еще одним источником «механического» пополнения сибирского переселения стали люди вольные – крестьяне, которые ехали в далекие края из других регионов, чаще всего из густонаселенной Европейской России, где чрезвычайно чувствительным был недостаток земель. Эти переселения имели официальный характер, так как организовывались и направлялись властями.

Как писал в XIX в. Н.М. Ядринцев, когда правительство открывало клапан колонизации, она лилась широким потоком.¹⁴¹ В первой половине XIX в. таких колонизационных потоков было два – в 1820-е гг. и в 1840 – 1850-е гг. Несомненно, что это были два разных по своему объему и значению движения населения в Сибирь. В 1822 г. появилось распоряжение, позволяющее казенным крестьянам из малоземельных губерний России переселяться на земли сибирских губерний, а старожилам-сибирякам переезжать из одного уезда в другой внутри Сибири. Этот указ не предусматривал ни льгот, ни материальной помощи переселенцам, поэтому желающие переехать могли рассчитывать только на себя. Министерство финансов дозволило в 1825 – 1827 гг. выехать в Сибирь 3 430 д.м.п. и в образовавшуюся в 1822 г. Омскую область переместилось 2 557 д.м.п.¹⁴² Таким образом, приток переселенцев в целом был невелик.

Другой колонизационный поток первой половины XIX в. связан с реформой малоземельных государственных крестьян центральных губерний Российской империи, проводимой Министерством государственных имуществ во главе с П.Д. Киселевым. С февраля 1840 г. проводится ревизия государственного имущества в Западной Сибири, призванная выяснить точные сведения о народонаселении, землях, селениях и пр. Однако поступающая в столицу информация оказалась разноречивой, а окончание ее сбора в назначенные сроки оказалось невозможно из-за плохой организации, нехватки чиновников, плохих дорог и т.д.¹⁴³ Все эти недостатки сказались в дальнейшем на проведении реформы П.Д. Киселева.

¹⁴⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – С. 190.

¹⁴¹ Там же. – С. 142.

¹⁴² Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982. – С. 169 – 170.

¹⁴³ ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 1927. – Л. 10 – 34об., 601.

Об озабоченности тобольского губернатора переселенческими проблемами говорят многие документы. Вот, к примеру, одна из подобных выдержек: «...Некоторые палаты государственных имуществ Российских губерний, выпуская на водворение крестьян, не уведомляют начальство Тобольской губернии об их выпуске, другие уведомляют несвоевременно, кроме того, переселенцы следуют вопреки указанным маршрутам, поэтому прибывают раньше сроков... Поэтому переселенцы встречают в пути неудобства, лишения, которых можно было бы избежать... После прибытия партии переселенцев на границу округа следует немедленно уведомлять генерал-губернатора и земский суд, сопровождать их до границы следующего округа и там передавать далее, при этом обеспечивать всем необходимым, согласно инструкции...».¹⁴⁴ В другой рекомендации говорится о том, что «...время следования переселенцев в пути должно быть рассчитано таким образом (а оно составляло не менее 5 месяцев!), чтобы они могли прибыть на новые места непременно до жатвы ярового хлеба и засева озимых полей, ...тогда как случается, что они приходят в начале зимы, и местное начальство встречает затруднения в обеспечении их продовольствием».¹⁴⁵

Путь до Сибири был трудным и бесконечно долгим, многие обстоятельства увеличивали невзгоды крестьян. Вот документальные свидетельства о том, что пришлось пережить полтавским крестьянам: «Всего выехало из Полтавской губернии 42 семьи. Во время следования партия ... претерпевала упадок лошадей, рогатого скота... Люди от болезней, усталости, скудости, за неимением теплой одежды изнемогают... А притом довольно число на пути новорожденных младенцев, вдовы с маленькими детьми, окруженные совершенной бедностью в такой дальний путь зимой следовать не могут...» И далее следует просьба о разрешении шести семьям перезимовать «на обывательских квартирах в Пермской губернии».¹⁴⁶ Еще 27 семейств прибыли в Ялуторовский округ и «...поиздержав все деньги и будучи в бедном состоянии, просили оставить их здесь на зимовку, а если возможно, то назначить им водворение в здешнем округе, а не в Тарском».¹⁴⁷ В результате лишь 9 семейств сумело

¹⁴⁴ Там же. – Д. 3286. – Л. 75.

¹⁴⁵ Там же. – Д. 3297. – Л. 9об.

¹⁴⁶ Там же. – Д. 3127. – Л. 24.

¹⁴⁷ Там же. – Л. 29, 60об.

добраться до Таскатлинской деревни, что в Нижнеколосовской волости Тарского округа. При этом чиновники приложили список прибывших (табл. 11), который продемонстрировал то, насколько тяжело приходилось этим крестьянам, решившимся на столь серьезные перемены в своей жизни.

Таблица 11

Именной список прибывших в д. Таскатлинскую¹⁴⁸

| Список прибывших | Возраст или причина отсутствия | Имеют имущество | | |
|--------------------|--------------------------------|-----------------|---------|-----------|
| | | лошадь | повозку | полушубки |
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| Николай Ленивый | 30 | – | – | 1 |
| Гордей Неделько | 50 | – | – | 2 |
| Ж. Агафья | 40 | | | |
| Дети Варвара | 19 | | | |
| Домна | 9 | | | |
| Илья Ключко | 50 | – | – | 1 |
| Ж. Анна | 50 | | | |
| Дети Марья | 20 | | | |
| Ефросинья | 18 | | | |
| Евгения | 10 | | | |
| Давид Бунго | 18 | – | – | – |
| Сестра Анна | 20 | | | |
| Еким Моромчиненко | 37 | – | – | 3 |
| Ж. Прасковья | Умерла в пути | | | |
| Дети Ефим | 14 | | | |
| Марья | 5 | | | |
| Яков Тесленко | Умер в пути | – | – | 3 |
| Ж. Марфа | Осталась за болезнью в Кургане | | | |
| Дети Григорий | 16 | | | |
| Денис | 15 | | | |
| Прасковья | 13 | | | |
| Акулина | Умерла в пути | | | |
| Филипп Царев, вдов | Умер в пути | – | – | 2 |
| Дети Данило | 15 | | | |
| Кристина | 14 | | | |

¹⁴⁸ Там же. – Л. 36.

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
|---|---|---|---|---|
| Афанасий Васильев Брат Дорофей | 25 Остался за болезнью в Кургане с детьми | – | – | 1 |
| Ж. Евгения Дети Федор Карп Петр Матрена | Умерла в пути | | | |
| Спиридон Пономаренко | 50 | – | – | 3 |
| Ж. Марфа | 40 | | | |
| Дети Павел | 6 | | | |
| Самойло | 5 | | | |
| Анисья | 16 | | | |
| Ефросинья | Умерла в пути | | | |
| Ефросинья же | 10 | | | |

Присутствуют в отчетах и сведения о том, что порой прибывшие переселенцы не могут быть «причислены» казенною палатой к новому селению. Так, в информации за 1818 – 1853 гг. сказано, что в Омский округ было «выпущено» 1 297 семейств из разных губерний Европейской России, а окончательно водворено лишь 1 191, в Ишимский округ выпущено 1 691 семейств, а водворено 1 293.

Называют чиновники и причины подобных «неувязок»: умерли в пути, остались в иных округах «за болезнью», «не присланы документы с прежних мест поселения, а потому нет разрешения на водворение»¹⁴⁹ и пр. Нередки были и эпидемии. Такое бедствие произошло, к примеру, в 1853 г., когда партия переселенцев еще следовала через внутренние губернии и была «постигнута холерой». Болезнь проникла и в Сибирь. А вновь прибывшие крестьяне не сразу смогли прибыть на новые места, так как были «остановлены временно для поправления здоровья» указом губернатора, обеспокоенного тем, что в пути умерло 1 190 человек еще до вступления в Тобольскую губернию.¹⁵⁰

Горькое недоумение вызывают замечания инспекторов о том, что многие проблемы переселенцев связаны с их якобы «дурным

¹⁴⁹ ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3121. – Л. 7 – 11, 29 – 37.

¹⁵⁰ Там же. – Д. 3712. – Л. 20.

характером, леностью и нерадению к хозяйству».¹⁵¹ Так писал об орловских переселенцах чиновник по особым поручениям от Министерства государственных имуществ Денисов. К этому он добавлял, что «они (переселенцы) считают, что новые земли, которые им отведут взамен прежних, без особого для них труда будут родить хлеб изобильно, ...а посему, чтобы впредь не подавать дурного примера, отказать им в предоставлении иных, лучших угодий».¹⁵²

Уже в 40-е гг. XIX в., в соответствии с указами правительства осуществлялось межевание земель Тобольской губернии с целью установить общее количество занятых и свободных земель. При этом выяснилось, что многие волости имеют значительные земельные излишки, что и позволило впоследствии размещать здесь переселенцев из Европейской России.

Межевание земель требовало огромных усилий. Несмотря на то, что оно началось в 1840 г., но было еще очень далеко до своего завершения и к началу 1850-х гг. (и не будет закончено даже к началу XX в.). Особая Комиссия Сибирского межевания сообщала в 1853 г., что в целом имеются «134 951 десятины 600 сажень свободных казенных земель, а это более предшествовавшего года 21 511 десятинами 600 саженьями».¹⁵³ Общая же площадь Тобольской губернии составляла 1 163 925 квадратных верст.

Генерал-адъютант Анненков, осматривая переселенцев, водворенных в Омском, Ялуторовском и Курганском округах, писал в своей записке от 1851 г., что большая часть земель еще не обмежевана, поэтому возникают между крестьянами непрерывные споры о земляных угодьях, в результате зажиточные крестьяне-старожилы захватывают лучшие угодья.¹⁵⁴

В результате проведения формального описания и снятия на планы земель Ишимского и Омского округов было определено, что в Ишимском и Омском округах можно разместить примерно 3 350 душ.¹⁵⁵ В ведомости, представленной в тобольскую канцелярию о наличии земель, приготовленных к водворению в Ишимском и Омском округах, сказано, что участками при существующей 15-десятинной норме надела на 1 д.м.п. возможно было обеспечить как старожилов, так и переселенцев из Европейской России (табл. 12).

¹⁵¹ Там же. – Д. 3297. – Л. 29об.

¹⁵² Там же. – Л. 30.

¹⁵³ Там же. – Оп. 3. – Д. 3712. – Л. 17.

¹⁵⁴ Там же. – Оп. 2. – Д. 3297. – Л. 8.

¹⁵⁵ Там же. – Д. 2501. – Л. 61 – 61об., 76, 178 – 182.

Такие земли, к примеру, находились в Соколовской волости Ишимского округа (деревни Ольшанка и Солоновка) и Колмаковской волости Омского округа (село Колмаковское).

Таблица 12

**Наличие земель, приготовленных к водворению
в Ишимском и Омском округах Тобольской губернии в 1849 г.¹⁵⁶**

| Населенные пункты | Население (д.м.п.) | | | Земли (дес.) | |
|---|--------------------|-------------------------|-----------|---------------|----------------------------------|
| | старо-жилов | предложено к водворению | водворено | всего удобной | приходится в среднем на 1 д.м.п. |
| Деревни Ольшанка и Солоновка Соколовской волости Ишимского округа | 212 | 95 | – | 6447 | 21,0 |
| Село Колмаковское Колмаковской волости Омского округа | 648 | 2328 | 343 | 48895 | 16,4 |

Таким образом, в указанных населенных пунктах Ишимского и Омского округов на свободных участках предполагалось поселить еще 2 423 д.м.п. Очевидно, что в вышеуказанных деревнях Ольшанке и Солоновке, селе Колмаковском средний размер земельного надела, который возможно было предоставить переселенцам с учетом уже распределенных земель между старожилами и поселившимися малоземельными крестьянами, составлял даже более обязательной 15-десятиной нормы.

Существуют и другие примеры, свидетельствующие о наличии большого числа свободных земель, которые подтверждают, что возможностей для размещения новопоселенцев на территориях южных округов Тобольской губернии было еще очень много: в 1848 – 1853 гг. в Нижне-Колосовскую волость Тарского округа, в деревни по реке Оше было водворено 834 семьи (2 927 м.д. и 2 657 ж.д.) переселенцев из Центральной России, в деревню Строкину подселено 432 м.д., в Крайчикову – 218 м.д., в Плахину – 162 м.д.¹⁵⁷. В 1852 г. в

¹⁵⁶ Там же. – Л. 38 – 39.

¹⁵⁷ Там же. – Д. 3120. – Л. 204.

Бердюжскую волость Ишимского округа водворена 761 семья смоленских переселенцев. Из них в село Бердюжское подселено 76 семей (328 м.д.), в деревню Луговую – 46 семей (173 м.д.), в Пеганову – 90 семей (345 м.д.) и т.д.¹⁵⁸ Конечно, старожилам пришлось несколько изменить порядок жизни, перейдя от перелога к трехполью, но разорения не произошло, как того опасались некоторые чиновники.

О наличии значительного количества свободных земель говорят и такие факты. По мере прибытия переселенцев либо подселяли к селам старожилов, либо отводили незанятые еще участки. Тобольский губернатор сообщал в столицу, что в 1853 г. переселенцы были водворены в 35 новых селений.¹⁵⁹ При этом в Омском округе в 1853 г. прибывающие из российских губерний были размещены в 20 деревнях. Из них 7 деревень в отчетах были помечены как особые новые участки, выделенные для переселенцев. Больше всего подобных участков обнаруживается в Кулачинской волости Омского округа – деревни Половинная, Александровская, Николаевская, Любина и в Ишимском округе Ларихинской волости – деревни Новотроицкая и Травная.¹⁶⁰ В соответствии с отчетом, предоставленным тобольским губернатором, за 1845 – 1851 гг. водворено 4 456 семей на территории различных округов. Из них причислено к старожильческим деревням 2 766 семей (62%), а водворены в новые селения 1 690 семей (38%).¹⁶¹

Как подчеркнула М.М. Громыко, при описании переселенческих процессов необходимо учитывать психологические моменты. Так, жители украинских степей стремились оказаться в степных районах Сибири, а лесов – в тайге.¹⁶²

В Ишимском округе в 1849 г. были размещены переселенцы из Воронежской губернии (618 м.д. и 560 ж.д.) и Витебской губернии (59 м.д. и 68 ж.д.), в 1850 г. – из Московской губернии (47 м.д. и 25 ж.д.), в 1851 г. – из Смоленской губернии (2 622 м.д. и 2 481 ж.д.), а в

¹⁵⁸ Там же. – Д. 3121. – Л. 8 – 10.

¹⁵⁹ Там же. – Оп. 3. – Д. 3712. – Л. 20 об.

¹⁶⁰ Там же. – Оп. 2. – Д. 3120. – Л. 7 – 11, 166 – 169.

¹⁶¹ Там же. – Д. 3126. – Л. 39 об. – 40.

¹⁶² Громыко М.М. Некоторые вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1971. – С. 122.

1853 г. – из Витебской губернии (1 164 м.д. и 1 106 ж.д.).¹⁶³ Это были крестьяне, жители сходных по климатическим условиям зон.

В Тарский округ были приписаны переселенцы из Курской (1 475 д.м.п. и 1 176 д.ж.п.) и Орловской (105 д.м.п. и 121 д.ж.п.) в 1853 г., Пензенской (1 035 д.м.п. и 978 д.ж.п.) в 1841 – 1853 гг., Полтавской (384 д.м.п. и 380 д.ж.п.) в 1852 г., Смоленской (667 д.м.п. и 585 д.ж.п.) в 1840 – 1847 гг., Черниговской (119 д.м.п. и 96 д.ж.п.) в 1852 г. и др. губерний России.¹⁶⁴

Но больше всего малоземельных крестьян было направлено в Омский округ. Это были жители Владимирской (93 м.д. и 73 ж.д.), Воронежской (2 266 м.д. и 2 089 ж.д.), Курской (991 м.д. и 849 ж.д.), Орловской (1 077 м.д. и 998 ж.д.), Смоленской (305 м.д. и 297 ж.д.), Черниговской (183 м.д. и 166 ж.д.) губерний.¹⁶⁵

Значительный поток желающих жить в сибирских губерниях был устремлен именно в южном направлении, т.к. местные условия вполне соответствовали многим традициям и привычкам, существовавшим у жителей центральных губерний России. Эти новые обычаи воспринимались старожилами, которые, в свою очередь, стремились передать новоселам свой жизненный опыт. Поэтому между этими категориями населения все-таки не существовало серьезных трений, что нередко отмечалось инспекторами в различных отчетах. Приведем пример подобной записи, сделанной в 1852 г.: «...Водворение переселенцев хотя и встретило незначительные трудности, происшедшие отчасти из-за недостатков межевания, но преимущественно из-за неосновательных и прихотливых требований самих переселенцев, однако все же они были устранены местными властями».¹⁶⁶ Сибирские крестьяне стремились помочь в обустройстве вновь прибывающим русским переселенцам. Создававшееся положение не совпадало с описаниями более поздних переселений: «между переселенцами и старожилами существовало взаимное недоверие, разница в привычках», «переселенцы конца XIX – начала XX вв. устраивали свои поселения отдельно от старожильческих».¹⁶⁷

¹⁶³ ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3118. – Л. 118; Д. 3121. – Л. 7 – 11, 166 – 169.

¹⁶⁴ Там же. – Д. 3118. – Л. 118; Д. 3121. – Л. 7 – 11, 166 – 169.

¹⁶⁵ Там же. – Д. 3118. – Л. 118; Д. 3121. – Л. 7 – 11, 166 – 169.

¹⁶⁶ Там же. – Д. 3146а. – Л. 29.

¹⁶⁷ Золотова Т.Н. Сибирские старожилы и поздние переселенцы (к вопросу об особенностях материальной и духовной культуры) // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы Всероссийской науч. конференции, посвященной 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1998. – С. 62 – 63.

Переселения требовали больших расходов как со стороны самих крестьян, так и от государства. В «Отчете по управлению Западной Сибири» за 1851 г. сказано, что в Тобольской губернии за период с 1845 по 1851 гг. водворено 4 456 семей (14 624 м.д. и 14653 ж.д.). На расходы «по сим переселениям употреблено без возврата казною 137 270 руб. серебром, с возвратом в течение 10 лет из выданных ссудой – 73 760 руб. серебром».¹⁶⁸ При этом семья получала по 20 руб. на первоначальные нужды, на домообзаводство – по 15 руб. (если с лесом, то по 35 руб.), на покупку скота и орудий – по 20 руб. В дальнейшем ссуда должна была начать возвращаться через 4 года.¹⁶⁹

Прибывая на места, переселенцы стремились побыстрее обзавестись хозяйством и начать новую жизнь. Так, в Тарский округ Нижнеколосовскую волость прибыло в августе 1852 г. 147 семей, а уже через два месяца дома имели 136 семей. В Бергамацкой волости из 108 прибывших тогда же семей домами обзавелись в октябре 80 семей, а к началу декабря уже 107 семей.¹⁷⁰

Хотя не везде дело обстояло столь благополучно. Часто переселенцы не могли сразу обзавестись жильем – купить дом на новом месте у выезжавших отсюда крестьян, не всем хватало строевого леса.¹⁷¹ Иногда чиновники доносили, что прибывшие подолгу живут на квартирах, не имея собственного угла. Например, в Омский округ прибыли в течение 1853 г. 938 семей, а дома имели только 573 семьи, в Ишимский округ Бердюжскую волость прибыли в 1852 г. 739 семьи, домами обзавелись 174 и т.д.¹⁷²

Губернатор Густав Гасфорд, обращаясь в 1851 г. в Министерство государственных имуществ, писал: «Просим также сократить число переселенцев, так как положено было ежегодно переселять 5 тыс., а уже в этом году прибыло 16 тыс.! Это создает неудобства».¹⁷³ Конечно, эти «неудобства» касались в первую очередь властей: нужно было учитывать, встречать, обеспечивать, размещать новоселов и пр. Не потому ли в отчетах тех лет так часто встречаются призывы «увеличить количество чиновников, контролирующих переселенцев»?

¹⁶⁸ ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3126. – Л. 40

¹⁶⁹ Там же. – Д. 3117. – Л. 62об.

¹⁷⁰ Там же. – Д. 3120. – Л. 2 – 3, 210 – 211.

¹⁷¹ Там же. – Д. 2501. – Л. 58 – 58об.

¹⁷² Там же. – Д. 3120. – Л. 169; Д. 3286. – Л. 172.

¹⁷³ Там же. – Д. 3297. – Л. 37.

Назвать точную цифру переселенных трудно, т.к. часто сведения, предоставляемые чиновниками в МГИ, были противоречивы и запутанны.¹⁷⁴ В отчете по управлению Западной Сибири за 1852 г. указано, что с 1845 по 1852 гг. в Тобольскую губернию приехало на жительство 17 119 мужчин и 17 007 женщин, а в течение 1852 г. – 8 629 мужчин и 7 966 женщин. В соответствии с этими показателями, количество переселенцев-мужчин составило 25 748 человек.¹⁷⁵ Тот же источник за 1853 г. сообщает, что в течение года прибыло еще 8 285 д.м.п. и 7 446 д.ж.п.¹⁷⁶

На основании же данных В.М. Кабузана, число мигрантов в 1845 – 1853 гг. в Тобольскую губернию составило 28 366 ревизских душ, а это более высокие цифры, чем приводятся в губернаторских отчетах, при этом в Ишимском округе было размещено 21,18% переселенцев от этого количества, в Омском – 15,41%, в Тарском – 10,39%.¹⁷⁷ Аналогичные выводы были сделаны Н.М. Ядринцевым, который обобщил данные за 1846 – 1855 гг.: переселенцев, прибывших в эти годы, было более 36 тыс. ревизских душ, при этом более 45% поступило в Ишимский, Омский и Тарский округа.¹⁷⁸ Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что активно заселялась южная, наиболее благоприятная для земледелия, часть губернии, а это, несомненно, способствовало общему увеличению числа жителей данной территории.

Помимо притока ссыльных и переселенцев из Европейской России в сибирский край, важную роль в росте населения и дальнейшем освоении региона составляли внутренние миграции населения. Экономические потребности заставляли хлебопашцев в Сибири обращаться к поиску новых, лучших участков, располагавшихся в южных лесостепных районах. Заинтересованность в подобных перемещениях существовала и у местных властей, которые были озабочены необходимостью создания новых слобод, снабжения продовольствием заводов и пограничных войск, роста населения.

Миграции населения, происходившее по территории Тобольской губернии, свидетельствуют о том, что переезжали главным образом

¹⁷⁴ Дружинин Н.М. Указ. соч. – С. 189.

¹⁷⁵ ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3146а. – Л. 29.

¹⁷⁶ Там же. – Оп. 3. – Д. 3712. – Л. 19 об.

¹⁷⁷ Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795 – 1917 гг.). – С.29.

¹⁷⁸ Подсчитано по: Ядринцев Н.М. Указ. соч. – С. 460.

жители самой губернии – крестьяне, которые искали для себя более удобные земли. Главными причинами, побуждавшими их к переездам, являлись экономические, хозяйственные потребности. В прошениях крестьяне писали о недостатке или истощении земель, угодий на старых местах. Нередко мотивами к переселениям назывались переезды к ранее уехавшим членам семьи. Но и эта причина так же носила, по сути, экономический характер, т.к. если бы родственники жили хуже, чем на старом месте, у крестьян не появилось бы желания переехать к ним. Внутрипереселенческий поток увеличивался еще и из-за распространения благоприятных сведений о новых землях.

Миграции были разного рода – между уездами внутри самой губернии, между волостями, а также совсем на небольшие расстояния, на несколько верст, на заимки и выселки, расположенные вблизи от первоначального места поселения. Именно подобные переезды и составили основу внутренних миграционных процессов на территории Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Крестьяне чаще всего устремлялись в южные, более благоприятные, районы в поисках лучших мест для занятий земледелием, животноводством и промыслами. При этом все затраты ложились на плечи самих переселенцев, что не могло не устраивать власти.

Поступавшие просьбы о переселении практически не встречали отказов со стороны администрации. Крестьяне Тарской округи Бергамацкой волости Тимофей Матвеев Фоминых и Емельян Дмитриев Ядрешников обратились о перечислении их в Тюкалинский округ Юдинскую волость на пустопорожнее место.¹⁷⁹

Жители Тобольского округа Дубровинской волости деревни Дулиевой Василий Платонов и его товарищи нашли для себя лучшее место «для домообзаводства и хлебопашества» в Томской губернии Каинского округа Нижнекаинской волости в деревне Могининой, где уже ранее обосновались их родственники.¹⁸⁰ И подобных примеров встречается множество.

Главным образом такие документы фиксируют просьбы тех, кто стремился перебраться на территорию другого округа, а поэтому, прежде чем дать разрешение на переселение, власти проверяли, есть ли согласие прежнего сельского общества выпустить желающих

¹⁷⁹ ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 773. – Л. 2 – 2об.

¹⁸⁰ Там же. – Д. 1395. – Л. 1 – 2.

переселиться, нет ли каких недоимок на старом месте и пр., согласно ли новое общество принять этих крестьян. К примеру, Алексей Ребриков из деревни Осиновых Убинской волости Каинского округа Томской губернии получил отказ на переселение в деревню Сумская Дубровная волости Тобольского округа и губернии на основании того, что «отсутствовало разрешение со старого жительства отпустить его и согласие нового общества принять».¹⁸¹ Получил отказ и Петр Афанасьев на перечисление его из деревни Троеозерной Юдинской волости Тюкалинского округа в деревню Скаредную Медведковой волости Ишимского округа, т.к. он «стоял на очереди в рекрутском списке и не представил разрешения от общества».¹⁸² Но такие случаи встречались редко. Власти после осуществленной проверки всех необходимых документов чаще всего не препятствовали подобным переездам.

Гораздо проще было перебраться на новое место тем крестьянам, которые присматривали для себя жилье неподалеку от прежнего, в пределах той же волости. Подобные переезды очень часто совершались даже без ведома властей, которым оставалось лишь узаконить возникновение таких самовольно возникших деревень после проведения очередной ревизии. Связана подобная лояльность была с тем, что крестьяне, переселявшиеся на небольшие расстояния, платили подати по прежнему месту и не вызывали недовольства администрации появлением недоимок. Так, в ревизских сказках перечислены новые деревни Ишимского уезда, возникшие без дозволения властей. Это деревни Тоболова, Останина, Менщикова, Полая, Торопова, Каменная, Юдина и др.¹⁸³

Все вышеизложенное не позволяет нам согласиться с мнением, что «в процессе переселения крестьянами двигало желание перебраться подальше от дорог, мест содержания перевозов и пр.»¹⁸⁴ Стремление укрыться от феодальных повинностей существовало у крестьян всегда, но не оно являлось главным стимулом для переездов. Обычно переселялись зажиточные крестьяне или крестьяне среднего достатка, которые могли нести дополнительные расходы на переезды и оставаться исправными плательщиками податей. Налоги же и

¹⁸¹ Там же. – Д. 1396. – Л. 1 – 2.

¹⁸² Там же. – Д. 1388. – Л. 1 – 5.

¹⁸³ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 33. – Л. 209 об.; Д. 166. – Л. 313; Д. 167. – Л. 199; Д. 176. – Л. 442.

¹⁸⁴ Жеравина А.Н. Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII веке // Вопросы истории Сибири. – Томск, 1964. – Т. 177, вып. 1. – С. 12.

повинности им приходилось отправлять и на новом месте в том же объеме, что и на старом, а власти, в свою очередь, строго за этим следили. Как заметил А.Д. Колесников, «государство постоянно увеличивало налоги, стремясь держать крестьян на грани платежеспособности. Однако крестьяне стремились повысить доходность своего хозяйства, по возможности создать резервный продукт для реализации на рынке, на случай стихийных бедствий, поэтому искали возможности для роста посевных площадей, улучшения условий для занятия земледелием, скотоводством и промыслами»¹⁸⁵.

В ведомстве Красноярской слободы, располагавшемся южнее Коркиной слободы, от речки Ларихи до Петропавловской крепости, ревизия 1763 г. учла 24 населенных пункта и живших в них 3 147 м.д.,¹⁸⁶ почти все деревни располагались вдоль Ишима и его стариц. В дальнейшем происходило разукрупнение первоначальных поселений, а их жители перебирались к степным озерам. Таким образом, жители, прибывшие в район Среднего Ишима, не сразу оседали на новом месте, а продолжали поиск более удобных земель.

Уже к 1782 г. в Красноярской слободе появилось 16 новых деревень. В основном в них обосновались жители ранее основанных населенных пунктов. При этом 5 из этих деревень возникли в 20 – 30 верстах от первоначально основанных, что означало продолжение процесса колонизации, а остальные – в 3 – 10 верстах, что означало процесс уплотнения населенных пунктов.¹⁸⁷

В самой Красноярской слободе примерно треть населения сменила место жительства. Из каждого «старого» (их было 24) населенного пункта с 1763 по 1782 гг. выезжали жители. В основном это были переселения внутри самого ведомства. Например, из Красноярской слободы переселилось 36 д.м.п., из села Соколовского – 48 д.м.п., из Ильинского – 81 д.м.п., из Казанского – 71 д.м.п., из деревни Баландиной – 54 д.м.п., из Слаткой – 30 д.м.п.¹⁸⁸ На их место въехали крестьяне, жители того же ведомства: в Красноярскую – 9 м.д., в Соколовское – 15 м.д., в Ильинское – 34 м.д., в Баландину – 29 м.д., в Слаткую – 22 м.д., в Казанское – 33 м.д. Помимо этого, переезжали сюда крестьяне из Ишимского уезда, но других ведомств:

¹⁸⁵ Колесников А.Д. Русское население... – С. 408.

¹⁸⁶ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 33. – Л. 302 об.

¹⁸⁷ Колесников А.Д. Русское население... – С. 192.

¹⁸⁸ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 33. – Л. 211 – 323, 332 об. – 378.

в Ильинское – 60 м.д., в Баландину – 7 м.д., в Казанское – 2 м.д. Переехавшие из других уездов составили: в село Соколовское – 6 м.д. из Тюменского уезда, 3 – из Туринского уезда, в село Казанское – 20 м.д. из Ялуторовского уезда и т.д.¹⁸⁹

В старозаселенных районах Ишимского уезда происходил процесс уплотнения населения, крестьяне часто переезжали в новые деревни внутри самого ведомства. В ведомствах Коркиной и Абацкой слобод также возникли новые селения. К примеру, в Абацкой слободе с 1763 по 1782 гг. появилось 14 деревень, причем, только одна их них – в старом районе заселения, а остальные – на южном берегу Ишима, который только начал осваиваться крестьянами. Возникли также новые деревни на трактах – Карасульская, Слатковская, Катайская. Их заселяли добровольцы – крестьяне, увидевшие возможность извлечь экономическую выгоду из того, что они обосновались на проезжих дорогах. Населенность старых деревень при этом сокращается. Так, в Коркиной слободе III ревизия учла 515 м.д., а IV ревизия – 418 м.д.¹⁹⁰

Документы свидетельствуют о том, что аналогичные миграции происходили и в первой половине XIX в. Так, к примеру, в Ильинской волости Ишимского уезда, по материалам VI ревизии, практически во всех селениях осуществлялись переезды крестьян: из села Ильинского выехали 34 д.м.п., а вновь прибыли 11 д.м.п., из деревни Ельцовой выехали 17 д.м.п., а прибыл 1 чел., из Комаровой выехали 15 чел., прибыл 1 чел., из Баландиной выехали 21 д.м.п., а прибыли 6 д.м.п., из Долматовой выехали 44 д.м.п., прибыли 7 д.м.п., из Пешневой выехали 5 д.м.п., прибыли 13 д.м.п. и пр.¹⁹¹

Процесс переселений во время внутренних миграций занимал, как правило, длительное время. Это было вызвано самим характером земледельческого труда, который должен был оставаться непрерывным, иначе можно было остаться без урожая. Крестьяне, переселявшиеся на близкие расстояния, обычно еще какое-то время продолжали жить на старом месте, а в новых деревнях распахивали поля, постепенно возводили сельскохозяйственные постройки. Первоначально перебирались 1 – 2 человека для возведения хозяйства и посевов, а позже переезжала и вся остальная семья. Подобные переселенцы составляли большинство. Вновь прибывающие

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 33. – Л. 102 – 139 об.

¹⁹¹ Приложение 3.

крестьяне из более отдаленных мест могли покупать постройки отъезжающих, что существенно облегчало обзаведение хозяйством на новом месте. Все эти передвижения крестьян не были хаотичным, беспорядочным явлением.

На территории Тарского уезда в конце XVIII – первой половине XIX вв. также осуществлялся процесс распространения жителей из ранее освоенных районов на вновь колонизируемые земли, уплотнение населенных пунктов. И здесь значительная часть крестьян устремлялась на юг. В Тарском уезде местными властями водворялись ссыльные на место выехавших крестьян, здесь обосновывались переселенцы из соседних регионов. Как и во всех других местностях, решающую роль для крестьян в выборе места переселения играли природные условия, близость нового района к старому месту жительства, возможность не прерывать сельскохозяйственный цикл. Поэтому и в Тарском уезде переселения чаще всего происходили на небольшие расстояния.

Рассмотрим, как происходили перемещения населения из районов первоначального освоения на территории Тарского уезда на примере Такмыцкой слободы, основанной в 1682 г. Она была расположена южнее Тары, вверх по Иртышу. Основателем ее стал крестьянин Ирбитской слободы Дмитрий Степанович Шипицын, являющийся предком многочисленных Шипицыных, живущих ныне в Сибири.

Вскоре вокруг слободы стали возникать деревни, среди которых была и деревня Логиново, основанная татарским толмачом Логиновым; она расположилась на правом берегу Иртыша. Выбор места был обусловлен возможностью богатого рыбного промысла. Однако постоянные разливы реки приносили много бед: «В иные годы разлившиеся воды держались дольше обычного, хлеборобы лишались возможности вовремя обработать поля и произвести посевы, что обрекало семьи на голод».¹⁹² Затопления привели к тому, что часть жителей перебралась на противоположный, более высокий берег Иртыша, другие переселились на реку Ошу и основали деревню Ново-Логинову.¹⁹³

На протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. в Такмыцкой слободе и Логиновском селе наблюдался как отток

¹⁹² Колесников А.Д. Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 года. – С. 94 – 95.

¹⁹³ Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. – С. 194.

населения, так и его приток. Причем наиболее активно эти перемещения происходили в конце XVIII в., что в целом приводило к сокращению числа жителей в результате преобладания количества выезжавших над въезжавшими. Но уже в последующие десятилетия, в начале XIX века, миграционные потоки существенно уменьшились, а население стало «более спокойным», укоренилось на данных территориях, а рост его численности стал в основном результатом естественного прироста.

Сведения, отраженные в ревизиях (табл. 13) показывают, что в конце XVIII в. происходит сокращение населения на территории Такмыцкой слободы и села Логиновского. С 1782 по 1795 гг. оно уменьшилось соответственно на 8 и 15%. Во многом это явилось результатом оттока крестьян из данных местностей. Так, из Такмыцкой слободы выехали за период, прошедший между IV и V ревизиями (1782 и 1795 гг.) 42 д.м.п., а к VI ревизии (1812 г.) – 28 д.м.п. Из села Логиновского выбыли за период с 1782 по 1795 гг. 28 д.м.п., к 1812 г. – 10 д.м.п., а к 1834 г. – только 1 чел. Данные VIII (1834 г.) и IX (1850 г.) ревизий уже не фиксируют выездов крестьян за пределы этих населенных пунктов. Поэтому уже в начале XIX в. численность населения в этих селениях растет в результате естественного прироста и, в целом, с 1795 по 1850 г., оно увеличилось более чем в два раза.

Таблица 13

Численность населения в Такмыцкой слободе и селе Логиновском Тарского уезда в конце XVIII – первой половине XIX в.¹⁹⁴

| Населенный пункт | Число д.м.п. | | | | |
|-------------------|--------------|---------|---------|---------|---------|
| | 1782 г. | 1795 г. | 1812 г. | 1834 г. | 1850 г. |
| Такмыцкая слобода | 283 | 260 | 381 | 531 | 617 |
| Село Логиновское | 135 | 101 | 113 | 163 | 206 |

Жители Такмыцкой слободы и Логиновского села переезжали как в пределах самих волостей, так и между ними. В табл. 14 включены данные IV, V и VI ревизий, которые охватывают период с 1763 по 1812 гг.

¹⁹⁴ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189 – 224 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 144. – Л. 629 – 655; Д. 298. – Л. 113 – 128; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 360. – Л. 1 – 40; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 458. – Л. 305 – 373; Д. 643. – Л. 1 – 35; Д. 648. – Л. 1 – 62.

Таблица 14

Перемещения населения (д.м.п.) из Такмыцкой слободы с 1763 по 1812 гг.¹⁹⁵

| № п/п | Населенные пункты, в которые переселились жители Такмыцкой слободы | 1763 – 1782 гг. | 1782 – 1795 гг. | 1795 – 1812 гг. |
|--|--|-----------------|-----------------|-----------------|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| Расположенные севернее Такмыцкой слободы | | | | |
| 1 | д. Иванов Мыс Знаменского погоста | 2 | – | – |
| 2 | д. Мамешевская Знаменского погоста | 6 | – | – |
| 3 | д. Кузнецова Знаменского погоста | 2 | – | – |
| 4 | г. Тара | 2 | – | – |
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| 5 | д. Решетникова Логиновского погоста | 12 | – | – |
| 6 | д. Ботвина той же слободы | 13 | – | 1 |
| 7 | д. Сеткулова Бергамацкой волости | 1 | – | 11 |
| 8 | Бергамацкая волость, деревня не указана | 2 | – | – |
| 9 | Усть-Тарская волость, деревня не указана | – | 3 | – |
| Всего переехало в северные районы | | 40 | 3 | 12 |
| Расположенные южнее Такмыцкой слободы | | | | |
| 1 | д. Бызовская той же слободы | 18 | – | – |
| 2 | д. Артынская той же слободы | 12 | – | – |
| 3 | д. Качусова той же слободы | 6 | – | – |
| 4 | д. Большерецкая той же слободы | 1 | – | 4 |
| 5 | д. Карташевская той же вол. | 6 | 3 | – |
| 6 | д. Шипицына той же слободы | 51 | – | – |
| 7 | д. Пустынная той же слободы | 18 | – | – |
| 8 | д. Могильная той же слободы | 17 | – | – |
| 9 | д. Ингалинская той же волости | 2 | – | – |
| 10 | д. Саргатская той же слободы | 27 | – | – |
| 11 | д. Серебрена той же слободы | 9 | – | – |
| 12 | вновь заведенная д. Итурлинская той же слободы | 7 | – | – |
| 13 | д. Щербакова той же слободы | 3 | – | 5 |
| 14 | д. Чебакина Карасуцкой вол. Омского окр. | – | 4 | – |

¹⁹⁵ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189 – 224 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 298. – Л. 113 – 128.

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
|--------------------------------|--|-----|----|----|
| 15 | д. Карасуцкая Карасуцкой вол. Омского окр. | 1 | 13 | – |
| 16 | д. Сукокарасуцкая той же слободы | – | 14 | 3 |
| 17 | с. Бетеинское Чернолуцкой вол. Омского окр. | 1 | – | – |
| 18 | Чернолуцкая вол., деревня не указана | 4 | – | – |
| 19 | д. Верблюжье Чернолуцкой слободы | 1 | – | – |
| 20 | д. Хомутинская Омского округа | 2 | 5 | – |
| 21 | д. Еланина той же слободы | – | – | 1 |
| 22 | д. Максимова той же слободы | 1 | – | – |
| 23 | д. Юдина Усть-Заостровской вол. Омского окр. | – | – | 3 |
| Всего переехало в южные районы | | 187 | 39 | 16 |
| Итого переехало | | 227 | 42 | 28 |

Крестьяне из Такмыцкой слободы переехали за это время в 32 различных населенных пункта. Мы подразделили миграции ее жителей на два направления – северное, куда вошли населенные пункты, расположенные северо-западнее и северо-восточнее Такмыцкой слободы, и южное, включившее деревни и волости, расположенные на юго-западе и юго-востоке.

Всего выехало из Такмыцкой слободы с 1763 по 1812 гг. 297 д.м.п. При этом основная доля мигрантов приходится на момент проведения IV ревизии. В 1763 – 1770-е гг. совершили переезд более 76% (227 д.м.п.) от общего числа выехавших из слободы за весь период. В последующие годы уезжавших стало значительно меньше: к 1795 г. – более 14% (42 д.м.п.), а к 1812 г. – более 9% (28 д.м.п.).

Большая часть населения переезжала жить в районы, расположенные южнее Такмыцкой слободы: всего 242 д.м.п. или 81,5%. Меньшее количество крестьян перебиралось в северные районы – 55 д.м.п. (18,5%). Многие переезды совершались в пределах подрайона – в различные деревни самой слободы выехало 221 д.м.п. (74,4%). Помимо этого, жители Такмыцкой слободы выбирали себе новые места жительства на территории Омского округа, который на данном этапе наиболее активно заселялся. Переселенцы в Омский округ составили 11,1% (33 д.м.п.), а наибольшее число их приходится на период между IV и V ревизиями – 21 д.м.п. Все новые деревни, в которые перебирались крестьяне, располагались вблизи рек или озер, что способствовало занятиям не только земледелием и

животноводством, но и различными промыслами, в том числе рыбной ловлей.

На место выехавших крестьян в Такмык вселялись новые жители. Переселенцы-крестьяне составляли большинство. На основании данных ревизских сказок мы подсчитали, что в Такмыцкую слободу переехали на новое место жительства представители из 19 различных населенных пунктов (табл. 15).

Таблица 15

Переселившиеся в сл. Такмыцкую (д.м.п.) с 1763 по 1834 гг.¹⁹⁶

| № п/п | Места выхода крестьян, переехавших в сл. Такмыцкую | Число д.м.п. | | | |
|---|--|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|
| | | 1763 – 1782 гг. | 1782 – 1795 гг. | 1795 – 1812 гг. | 1812 – 1834 гг. |
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
| Населенные пункты, расположенные севернее сл. Такмыцкой | | | | | |
| 1 | д. Ботвина той же слободы | 5 | 4 | – | – |
| 2 | д. Сеткулова той же слободы | 12 | 9 | – | – |
| 3 | д. Мелникова той же слободы | 9 | – | – | – |
| 4 | г. Тара | 11 | – | – | – |
| 5 | д. Сыщикова | – | – | 3 | – |
| 6 | д. Евгашина Логиновской волости | 17 | – | – | – |
| 7 | д. Логинова Логиновской волости | – | 2 | 3 | – |
| 8 | д. Решетникова Логиновской волости | – | – | 3 | – |
| 9 | Логиновская волость, деревни не указаны | – | – | – | 13 |
| 10 | Рыбинская волость Знаменское комиссарство | – | – | 1 | – |
| 11 | Айлыкская волость, деревни не указаны | – | – | – | 1 |
| 12 | Бутаковская волость, деревни не указаны | – | – | – | 2 |
| Всего переехало из северных районов | | 54 | 15 | 10 | 16 |

¹⁹⁶ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189 – 224 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 298. – Л. 113 – 128.

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
|--|--|-----|----|----|----|
| Населенные пункты, расположенные южнее сл. Такмыцкой | | | | | |
| 1 | Д. Шипицына той же слободы | 43 | – | – | – |
| 2 | Д. Качусова той же слободы | 2 | – | – | – |
| 3 | Д. Могильная той же слободы | 1 | – | – | – |
| 4 | Д. Большерецкая той же слободы | – | 4 | – | – |
| 5 | Д. Максимова | – | 6 | – | – |
| 6 | Д. Артынская Карташевской волости | – | 3 | – | – |
| 7 | Карташевская волость, деревни не указаны | – | – | – | 1 |
| Всего переехало из южных районов | | 46 | 13 | – | 1 |
| Итого | | 100 | 28 | 10 | 17 |

Всего в Такмыцкую слободу за 1763 – 1834 гг. переселилось 155 м.д. Наибольшее число переселенцев приходится на 1763 – 1770-е гг. – 100 м.д. (64,5%). В дальнейшие периоды число переехавших сюда сокращается: за 1782 – 1795 гг. – 18,1% (28 м.д.), за 1795 – 1812 гг. – 6,5% (10 м.д.), за 1812 – 1834 гг. – 10,9% (17 м.д.). Чаще всего крестьяне мигрировали в Такмыцкую слободу из районов, расположенных севернее. В целом подобные переселенцы составили 61,3% (95 м.д.) за 1763 – 1834 гг. Переезжали сюда и жители из южных районов – 60 м.д. (38,7%) на протяжении всего исследуемого периода. При этом часто происходили «взаимные переселения», когда жители Такмыцкой слободы уезжали в те деревни, из которых, в свою очередь, жители перебирались в слободу. Например, подобные случаи отмечены в деревнях Ботвиной, Сеткуловой, Качусовой, Могильной, Большерецкой и др. Самый большой поток переселенцев следовал из Такмыка в деревню Шипицыну, расположенную в этой же слободе (51 м.д.), и наоборот (43 м.д.).

Большинство миграций происходило на небольшие расстояния, в населенные пункты, расположенные в ведомстве самой Такмыцкой слободы (89 м.д. или 57,4%). Подобные переезды внутри подрайона происходили главным образом в конце XVIII в., тогда как в начале XIX в. крестьяне в наибольшей степени переселялись на дальние расстояния. Однако все переселения русских, зафиксированные нами из Такмыцкой слободы, происходили внутри Тарского уезда.

Село Логиново и населенные пункты, относившиеся к Логиновской волости, располагались севернее по Иртышу относительно Такмыцкой слободы. На его территории

прослеживались сходные миграционные процессы в конце XVIII – первой половине XIX вв. (табл. 16).

Таблица 16

Перемещения населения из с. Логиновского (д.м.п.) с 1782 по 1834 гг.¹⁹⁷

| № п/п | Населенные пункты, в которые переселились жители с. Логиновского | 1782 – 1795 гг. | 1795 – 1812 гг. | 1812 – 1834 гг. |
|--|--|-----------------|-----------------|-----------------|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| Расположенные севернее с. Логиновского | | | | |
| 1 | д. Черняева той же волости | – | 1 | – |
| 2 | д. Секменова той же волости | – | 2 | – |
| Всего переехало в северные районы | | – | 3 | – |
| Расположенные южнее с. Логиновского | | | | |
| 1 | д. Мысовская Бергамацкой волости | 1 | – | – |
| 2 | д. Неупокоева Бергамацкой волости | 11 | – | – |
| 3 | д. Самохвалова Бергамацкой волости | 4 | – | – |
| 4 | д. Курнева Бергамацкой волости | 2 | – | – |
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| 5 | д. Мартынова Бергамацкой волости | 4 | – | – |
| 6 | д. Ушакова Бергамацкой волости | 2 | – | – |
| 7 | д. Большерецкая Татьмыцкой волости | – | 1 | – |
| 8 | д. Могильная Татьмыцкой волости | – | 2 | – |
| 9 | Карташевская волость, деревня не указана | 1 | – | – |
| 10 | Такмыцкая слобода | 1 | – | – |
| 11 | д. Сухокарасуцкая Татьмыцкой волости | 2 | – | – |
| 12 | Еланская волость Тюкалинского округа | – | 3 | – |
| 13 | Юдинская волость Тюкалинского округа | – | – | 1 |
| 14 | Каинский округ Томской губернии | – | 1 | – |
| Всего переехало в южные районы | | 28 | 7 | 1 |
| Итого переехало | | 28 | 10 | 1 |

Обследование данных четырех ревизий (V, VI, VIII, IX) позволило нам проследить миграции населения Логиновского с 1782

¹⁹⁷ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 455. – Л. 249 об. – 264.

по 1834 г. Всего за это время из села выехало 39 д.м.п. Ревизии зафиксировали переезды из Логиновского в 16 селений. Больше всего переселений произошло в 80 – 90-е гг. XVIII в. – 28 д.м.п. или 71,8%.

Таким образом, на территории села Логиновское заметна та же тенденция, что и в Такмыцкой слободе – наибольшее количество мигрантов приходится на конец XVIII в. Другое явление, которое было определено историками как процесс «сползания населения в южные районы», также прослеживается на примере Логиновского. Большой поток крестьян устремлялся в южные волости – 36 человек или 92,3% от общего числа выехавших. Но, в отличие от Такмыцкой слободы, переселенцы из которой оставались чаще жить в пределах той же волости, крестьяне из Логиновского предпочитали переезжать в разные деревни Бергамацкой волости. Помимо этого, 5 м.д. в начале XIX в. переехали в другие округа: 4 м.д. – в Тюкалинский округ Тобольской губернии и 1 – в Каинский округ Томской губернии. IX ревизия не зафиксировала ни одного выезда жителей Логиновского в другие населенные пункты. Таким образом, миграционный поток крестьян из Логиновского существенно сокращается в начале XIX в.

На место выбывших крестьян в Логиновское вселилось с 1782 по 1850 гг. 50 м.д., жителей семи других населенных пунктов Тобольской губернии (табл. 17).

Таблица 17

Переселенцы в с. Логиновское с 1782 по 1850 гг.¹⁹⁸

| № п/п | Места выхода крестьян, переехавших в с. Логиновское | Число д.м.п. | | | |
|---|---|-----------------|-----------------|-----------------|-----------------|
| | | 1782 – 1795 гг. | 1795 – 1812 гг. | 1812 – 1834 гг. | 1834 – 1850 гг. |
| Населенные пункты, расположенные севернее с. Логиновского | | | | | |
| 1 | г. Тара | 3 | 5 | 16 | 6 |
| 2 | Тобольский округ, деревня не указана | – | 2 | – | – |
| Всего переехало из северных районов | | 3 | 7 | 16 | 6 |

¹⁹⁸ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 643. – Л. 1 – 35.

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
|--|--|---|---|----|----|
| Населенные пункты, расположенные южнее с. Логиновского | | | | | |
| 1 | д. Шуева той же волости | 5 | – | – | – |
| 2 | слобода Карташева | 1 | – | – | – |
| 3 | д. Большерецкая Татъмыцкой волости | – | – | 4 | – |
| 4 | Татъмыцкая волость, деревня не указана | – | – | – | 5 |
| 5 | Еланская волость Тюкалинского округа | – | – | 3 | – |
| Всего переехало из южных районов | | 6 | – | 7 | 5 |
| Итого | | 9 | 7 | 23 | 11 |

Как видим, в Логиново переезжали крестьяне из населенных пунктов, расположенных как на севере, так и на юге по отношению к новому месту жительства. Однако из северных районов сюда переселялось больше крестьян. Главным образом это были жители Тары, которые мигрировали в Логиновское на протяжении всего исследуемого периода – 30 (60%) д.м.п. из 32 д.м.п., прибывших из северных районов, и 36% (18 д.м.п.) переместились жить в Логиновское из других волостей Тобольской губернии, расположенных южнее.

Большинство крестьян переехали в Логиновское село в начале XIX в., что также является отличительной особенностью по сравнению с Такмыцкой слободой, где в это же время миграционные процессы уже практически прекратились. Подобные переселения означали, что, несмотря на стремление крестьян перебраться из данного села в более благоприятные, по их представлениям, места для ведения хозяйства, расположенные главным образом в южных регионах, возможности для успешной жизни сохранялись и на территории самого Логиновского.

Все переселенцы зафиксированы в ревизиях как покинувшие места прежнего жительства, так и уже в новых селениях, что позволяет осуществить сверку крестьян как в местах выбытия, так и в местах их оседания. К примеру, в промежутке между IV и V ревизиями в списках Такмыцкой слободы появилась вновь прибывшая семья Семена Иванова Тимофеева, состоявшая из 4-х д.о.п., переселившаяся из Логиновского. Эта семья в том же составе зафиксирована в списках Логиновского как выехавшая в Такмыцкую

слободу.¹⁹⁹ Другого крестьянина, в прошлом жителя Логиновского, Семена Афанасьева Евгашина с сыновьями Егором и Петром, переселившегося в Такмык, также встречаем в списках VI ревизии как в том, так и в другом населенных пунктах.²⁰⁰ Таким образом, администрация контролировала все перемещения крестьян, отмечая, кто и куда выбыл и кто и откуда прибыл.

Таким образом, на территории обследованных населенных пунктов Тарского округа в конце XVIII – первой половине XIX вв. наблюдаются различные по своей интенсивности и направлениям внутренние миграции населения. В конце XVIII в. они были наиболее распространены, а в начале XIX в. существенно сократились. Основные потоки крестьян, которые выбирали для себя новое место жительства как на территории Такмыка и Логиновского, так и за пределами этих местностей, направлялись в южные и юго-восточные регионы.

Как уже отмечалось, Омский уезд был регионом, расположенным на юге Тобольской губернии, который заселялся наиболее активно в конце XVIII – первой половине XIX вв. Другой особенностью стало то, что в данном уезде имели место перемещения на дальние расстояния. Однако следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что сам процесс переселения мог занимать примерно 10 дней, а с перегонем скота и до трех недель, но переезды происходили по территории, уже ранее освоенной. Поэтому переселенцы в случае необходимости могли рассчитывать на помощь жителей деревень, мимо которых они проезжали. Дальность переездов не пугала крестьян еще и потому, что они хорошо знали новый район, его экономические преимущества, особенно связанные с развитием рыбного промысла.

Как и во всех других уездах Тобольской губернии, в Омском уезде вскоре после основания первых селений начали появляться выселки и мелкие деревни вблизи первоначально основанных. Это происходило после того, как крестьяне, прибыв на место, знакомились с новыми для них условиями и после детального их изучения находили для себя более удобные земли. К примеру, так происходило на территории Тюкалинской слободы, в которой из 176 д.м.п., учтенных III ревизией, переехало 110 м.д. к 1782 г., в том числе

¹⁹⁹ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 136. – Л. 27; Д. 144. – Л. 636.

²⁰⁰ Там же. – Д. 298. – Л. 127; Д. 301. – Л. 5.

во вновь основанные деревни Сажину, Бунькову, Чашину, Солдатскую.²⁰¹

Не прекращались миграционные процессы и на ранее освоенных территориях Омского уезда. Из села Бетеинского за 1782 – 1795 гг. выехало 24 д.м.п., из которых 14 человек пожелали переселиться в деревню Лежанку, расположенную неподалеку от прежнего места жительства, на противоположном берегу Иртыша, а 6 человек перебрались в Крупянскую волость.²⁰² Приблизительно такое же число выехало на новые места из Бетеинского между V и VI ревизиями: 5 м.д. – в Усть-Заостровскую волость, 8 м.д. – в Лежанку, 4 м.д. – в Баженовскую волость, 4 м.д. – в Утятскую волость и т.д.²⁰³ На освободившиеся места поселились к 1795 г. 6 м.д. – из д. Воровской Чернолуцкой волости, д. Саргатки Крупянской волости, с. Баженово, а к 1812 г. – 11 м.д. из Баженово и д. Источинской той же волости.²⁰⁴

Переселенцы деревни Аксеново уезжали главным образом на территорию соседней Томской губернии: к 1812 г. из 32 д.м.п. выехавших 30 м.д. перебрались именно сюда, а оставшиеся 2 м.д. – в Баженовскую волость.²⁰⁵

Итак, наше исследование показывает, что в конце XVIII – первой половине XIX вв. на территории южных уездов Тобольской губернии происходило перераспределение его населения, а освоение новых районов и уплотнение территорий осуществлялось главным образом за счет внутренних миграций, а также политики властей по размещению ссыльных в этих населенных пунктах. Обращает на себя внимание также то, что переселялись крестьяне разных возрастов, среди переселенцев преобладали молодые семьи, желавшие отделиться от своих родителей и вести самостоятельную жизнь на новом месте. Приведем несколько подобных примеров. Из Такмыка после 1795 г. выехал на новое место, в деревню Чебаклину Карасуцкой волости, сын Егора Кузьмина Тюфягина Иван. Вместе с ним – его сын Захар и племянник Борис. В целом отделилось 5 м.д., средний возраст этих переселенцев не превышал 40 лет.²⁰⁶ В итоге произошел раздел семьи, в результате которого в деревне Чебаклиной

²⁰¹ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 34. – Л. 1 – 262.

²⁰² Там же. – Д. 49. – Л. 501 – 516 об.

²⁰³ Там же. – Д. 286. – Л. 1 – 13 об.

²⁰⁴ Там же. – Д. 49. – Л. 501 – 516 об.; Д. 286. – Л. 1 – 13 об.

²⁰⁵ Там же. – Д. 286. – Л. 29 – 33.

²⁰⁶ Там же. – Д. 298. – Л. 114.

появилась новая фамилия, а четверо Тюфягиных остались жить на прежнем месте.

Другой пример. Из семьи Семена Андреева Хорошкова, жителя Логиновского, в деревню Мыскую Бергамацкой волости перебрался его сын Илья, которому не было и 30 лет, причем переезд этот произошел после того, как в Мыской уже обосновалась его сестра, вышедшая замуж за крестьянина, жителя данного населенного пункта. Так Илья Семенов Хорошков дал начало новой фамилии на новом месте. Остальные Хорошковы продолжали жить в Логиновском.²⁰⁷ Но были и случаи, когда семья переезжала в полном составе, в результате чего их фамилии могли полностью исчезнуть из списков тех населенных пунктов, откуда они выбыли.

Приведенные примеры показывают, как в результате переездов происходило «расширение» ареала фамилий, т.е. процессы внутренних миграций населения мы можем проследить также и с помощью анализа фамильного фонда того или иного селения. Подобное исследование возможно осуществить с помощью как ревизских сказок, так и исповедных ведомостей. Однако данные ревизий позволяют охватить наиболее обширный временной период. Рассмотрим, каким образом происходило изменение фамильного фонда жителей в селе Логиновском (табл. 18). Ревизия 1782 г. учла в Логиновском 21 фамилию.

Таблица 18

Изменение фамильного фонда с. Логиновское с 1782 по 1850 гг.²⁰⁸

| Показатели | 1782 – 1795 г. | 1795 – 1812 г. | 1812 – 1834 г. | 1834 – 1850 г. |
|--|-------------------|-------------------|-------------------|-------------------|
| Всего фамилий к концу периода | 22 | 17 | 29 | 36 |
| Появилось новых фамилий | 6 | 3 | 15 | 14 |
| – из них в результате миграций | 6 | 3 | – | 4 |
| – из них в результате политики властей | – | – | 15 | 10 |
| Исчезло фамилий | 5 | 8 | 3 | 7 |
| – из них в результате миграций | 3 | 7 | 2 | 4 |
| – из них в результате пресечения рода | – | – | 1 | 2 |
| – другие случаи | 2 | 1 | – | 1 |

²⁰⁷ Там же. – Д. 301. – Л. 4.

²⁰⁸ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д.144. – 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 643. – Л. 1 – 35; Приложение б.

В прил. 6 приведен полный список фамилий жителей Логиновского в 1782 – 1850 гг. Он позволяет установить, какие фамилии сохранились в течение всего периода, какие исчезли из списков села, какие появились новые. Количество фамилий постоянно менялось: с 1782 по 1795 гг. число их уменьшилось на 1, с 1795 по 1812 гг. оно сократилось с 22 до 17, а в дальнейшем постоянно увеличивалось – с 1812 по 1834 гг. с 17 до 29 фамилий, с 1834 по 1850 гг. – с 29 до 36. Всего за 1795 – 1850 гг. из списков Логиновского исчезло 23 фамилии и появились 38 новых, что в итоге привело к общему увеличению на 15 фамилий.

Наиболее быстрыми темпами число фамилий росло в первой половине XIX в. Так, если за 1782 – 1812 гг. фамилий стало больше на 9, то за 1812 – 1850 гг. – на 29. Все это явилось итогом миграционных процессов и переселенческой политики властей, т.е. определения разных категорий ссыльных на новое место жительства. В конце XVIII в. в селе появились новые жители с фамилиями Никифоровы, Трясоруковы, Замызгины, Антоновы, Леонтьевы, Масловы (всего 6 фамилий). К 1812 г. – Капустины, Молодавсковы, Брызгаловы (всего 3 фамилии). Все это были государственные крестьяне – переселенцы из других мест. Впоследствии, с 1812 по 1834 гг., в Логиновское также переселялись добровольцы – Ивановы, Логиновы, Немчиновы, Бархатовы, но среди них мы не встретили ни одного носителя новой фамилии, которой еще не было бы в Логиновском. По-видимому, все эти переселенцы были либо родственниками уже живущих здесь жителей, либо их однофамильцами.

На данном этапе местная администрация начинает подселять в Логиновское поселенцев – Андреевых, Васениных, Бачинских, Бурматовых, Фортуненко и др. (из ссыльных), Комаровых (из каторжан), Кисляковых, Мартыновых, Шевеловых (из заводских детей). Всего в результате подобных действий властей, появляется 15 новых фамилий с 1812 по 1834 гг. и 10 – с 1834 по 1850 гг. Таким образом, следует отметить, что появление новых фамилий в списках села Логиновское связано в конце XVIII – начале XIX вв. с миграционными процессами среди крестьян, а к 1834 г. – как следствие деятельности администрации по переводу разного рода переселенцев в данный населенный пункт.

В результате переездов всех представителей определенной фамилии в другую местность происходит исчезновение ряда фамилий из списков Логиновского. Всего отсюда уехали представители 16

фамилий за период с 1782 по 1850 гг. Это Тимофеевы, Чистовы, Гольские, Потаповы, Винокуровы и др. В результате пресечения рода по мужской линии в Логиновском уже не встречались фамилии Чухаревых, Хорошковых, Ломановых. После V и VI ревизий отсутствуют Масловы, Черкасовы и Казанцевы, т.к. единственный мужчина, который был в этих семьях, был отправлен в рекруты.

В целом вследствие изменений, происходивших в Логиновском на протяжении 1782 – 1850 гг., из первоначального фамильного фонда жителей, состоявшего из 21 фамилии, сохранилось 11 фамилий (52,4%) и появилось 25 новых, принадлежавших ссыльным и переселенцам из Европейской России.

Изменение фамильного состава жителей села Бетеинского Омского уезда на протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв. показывает, что за это время общее количество фамилий здесь постоянно увеличивалось (табл. 19). IV ревизия показала в Бетеинском представителей 40 фамилий.

Таблица 19

Изменение фамильного фонда с. Бетеинского с 1782 по 1850 гг.²⁰⁹

| Показатели | 1782 – 1795 г. | 1795 – 1812 г. | 1812 – 1850 г. |
|--|-------------------|-------------------|-------------------|
| Всего фамилий к концу периода | 43 | 46 | 49 |
| Появилось новых фамилий | 3 | 4 | 19 |
| – из них в результате миграций | 3 | 3 | 8 |
| – из них в результате политики властей | – | 1 | 11 |
| Исчезло фамилий | – | 1 | 16 |
| – из них в результате миграций | – | 1 | 6 |
| – из них в результате пресечения рода | – | – | 10 |

К 1850 г. в списках села Бетеинское насчитывалось уже 49 фамилий. При этом количество фамилий последовательно росло: к 1795 г. добавилось 3 фамилии, к 1812 г. – 4 фамилии, к 1850 г. – еще 19 фамилий. Всего же по сравнению с 1782 г. к 1850 г. в списках села добавилось 26 фамилий, а исчезло – 17. Во всех случаях появление новых фамилий в Бетеинском связано с переселением сюда новых жителей: 14 – в итоге добровольного переезда крестьян из других

²⁰⁹ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д.144. – Л. 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 643. – Л. 1 – 35.

районов Тобольской губернии, 1 – в результате перевода Антипа Лаврентьева Езовского из Пермской губернии Камышловского города, 11 – впоследствии перевода сюда поселенцев. После появления в Бетеинском новых крестьянских семей укоренились фамилии Исаковых, Коноваловых, Смирновых, Зыковых, Щепотиных, Кондратьевых, Корчагиных и др. Помещение новых поселщиков привело к появлению Пшеничниковых, Колупаевых, Никифоровых, Тульских, Власовых, Денисовых, Буглиных, Униковских, Кутафиновых, Титовых. Таким образом, в селе Бетеинском, как и в других населенных пунктах, во второй трети XIX в. власти наиболее активно начали помещать ссыльных на смену выехавшим жителям, что привело к появлению множества новых фамилий на данной территории.

За 1782 – 1850 гг. из списков Бетеинского ряд фамилий исчез. Причем если до 1812 г. перестала упоминаться всего лишь одна фамилия – Шипуновы, т.к. все ее представители переехали в деревню Лежанка, то до 1850 г. – 16 фамилий. При этом 6 фамилий исчезли также в результате миграций (Гусевы, Меншиковы, Абрамовы, Коноваловы, Киргинцовы, Щукины), а 10 – в итоге прерывания рода по мужской линии (Чернаковы, Дьяковы, Лыскины, Горскины, Климышевы, Ротанины, Карповы, Сидоровы, Кайсаровы, Савиновы).

В общем исследование списков села Бетеинского по ревизским сказкам показывает, что из 40 первоначальных фамилий, принадлежавших жителям данного населенного пункта в 1782 г., к 1850 г. сохранилось 27 (67,5%), а добавилось 22 новых фамилии.

Следует отметить, что некоторые фамилии появлялись в списочном составе населенных пунктов на сравнительно небольшой промежуток времени, как правило, между двумя близлежащими ревизиями. К примеру, это Щукины, Коноваловы, Нифонтовы в Бетеинском, Трясоруковы, Замызгины, Леонтьевы, Масловы в Логиновском. По-видимому, подобные случаи оказывались результатом того, что крестьяне не удовлетворялись новыми условиями жизни и переезжали в другие населенные пункты в поисках лучших мест. Так, Щукины переселились в Бетеинское из деревни Саргатка Крупянской волости к моменту проведения V ревизии, а к началу IX ревизии они уже числились в Баженовской волости.²¹⁰ Семья Петра Васильева Замызгина перебралась в Логиновское к 1795 г., а ревизия 1812 г. фиксирует ее среди жителей

²¹⁰ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 49. – Л. 515; Д. 535. – Л. 11 об.

деревни Шуевой той же волости.²¹¹ Из деревни Сеткуловой Бергамацкой волости в Такмыцкую слободу переселились к 1795 г. Бабиновы, Шульгины, Рябиковы, Грязновы, а уже к 1812 г. все они «переехали для хлебопашества» в другую местность.²¹²

Таким образом, данные об изменении состава фамильного фонда представляют большую ценность для исследований историко-демографического характера. Они позволяют проследить процессы и направления перемещений населения, степень сохранения первоначально обосновавшихся групп на территории определенных населенных пунктов. В целом исследование фамильного состава сел Бетеинского, Логиновского подтверждает вывод о бурных миграциях населения в данных населенных пунктах в конце XVIII – начале XIX вв., полученный нами в данной части исследования. Как было установлено, передвижения населения были направлены в южном направлении и чаще всего на сравнительно небольшие расстояния, в пределах волости. В то же время с конца первой четверти XIX в., когда все районы Сибири были уже заселены и не оставалось «ничейных» земель, «подвижность» жителей региона резко падает. Наиболее активной становится правительственная политика по размещению ссыльных и добровольных переселенцев из малоземельных крестьян Европейской России, особенно начиная с 1830-х гг. Все перечисленные миграционные процессы приводили как к исчезновению старых, так и появлению новых фамилий.

Несмотря на значительное число выезжавших из вышеперечисленных населенных пунктов, костяк первоначального населения здесь все же сохранился. Об этом свидетельствует то, что более половины всего фамильного фонда, который существовал на момент начала обследования, присутствовал и в конечных списках. При этом более всего «старых» фамилий осталось в селе Бетеинском (67,5%), где миграционные процессы были не столь ярко выражены. В меньшей степени первоначальный фамильный фонд сохранился в Логиновском (52,4% фамилий), откуда больше всего выехало жителей.

Таким образом, население, начав формироваться на территории Сибири сразу после присоединения этого региона к Российской империи, постепенно росло и распространялось по территории края по мере его освоения. Границы колонизованных земель постепенно

²¹¹ Там же. – Д. 144. – Л. 654 об.; Д. 301. – Л. 5.

²¹² Там же. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 31 об. – 32; Д. 301. – Л. 125 – 126.

расширялись из таежных районов в лесостепные, а вместе с тем происходило и расселение жителей. Мы проследили в данной части нашего исследования, как осуществлялось уплотнение населенных пунктов южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв., каким был контингент переселенцев. В конце XVIII в. важное место занимали внутрисибирские миграции, в ходе которых первоначально обосновавшееся население в поисках лучших условий жизни перебиралось в малообжитые южные районы.

Значительную роль сыграла ссылка, ставшая одним из источников пополнения населения на протяжении конца XVIII – первой половины XIX вв., причем поток ссыльных неуклонно возрастал. Но, несмотря на постоянное увеличение количества ссылаемых на территорию Сибири, к середине XIX в. ссыльные и их потомки составляли в Тобольской губернии в общей сложности около 10% от всего населения.

В 40-е – 50-е гг. XIX в. усилился поток добровольных переселенцев, переезжавших на новое место жительства в сибирские губернии в ходе осуществления реформы П.Д. Киселева.

В результате в 50-е гг. XIX в. Тобольская губерния выходит на первое место по количеству мигрантов в Российской империи. В 1851 – 1858 гг. сюда прибыло 40 753 д.о.п.²¹³ Анализируя данные IX ревизии, П. Кеппен писал, что в 1851 г. в Тобольской губернии становится больше всего льготных – 19 648 д.м.п., это переселенцы, ссыльные, их дети.²¹⁴

Таким образом, миграционные потоки, направляемые властями, и внутренние переселения сибирских крестьян сыграли важную роль в пополнении населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Естественный прирост

Многие историки, обращавшиеся к различным источникам, отмечали высокий естественный прирост населения на территории Сибири. Подобные факты подтверждаются данными

²¹³ Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795 – 1917 гг.). – С.29.

²¹⁴ Кеппен П. Девятая ревизия. Исследования о числе жителей в России в 1851 г. – СПб., 1857. – С. 6.

путешественника И.П. Фалька за 1772 г.²¹⁵ М.М. Громыко, обобщив сведения этого ученого по 16 заказам Тобольской губернии, подсчитала естественный прирост, который составил в 1772 г. 1,74%.²¹⁶ А.Д. Колесников, анализируя метрические книги за десять лет – 1769 – 1779 гг. – также делает вывод о высоком естественном приросте населения края.²¹⁷

На уровень естественного прироста оказывали влияние разнообразные условия, среди которых важную роль имели социально-экономическая ситуация, половозрастной состав жителей, динамика брачности, высокая рождаемость, возможности для развития миграционных процессов и пр. Поэтому естественно, что показатели естественного прироста населения в разные годы конца XVIII – первой половины XIX вв. в южных уездах Тобольской губернии были неодинаковыми. Далее мы рассмотрим, как ряд вышеуказанных факторов сказывался на динамике естественного прироста изучаемых территорий.

Для освещения вопроса о половозрастном составе населения мы исследовали данные исповедных ведомостей по ряду приходов, расположенных в южных уездах Тобольской губернии (табл. 20). При этом было использовано деление на возрастные категории, применяемое экономистами конца XIX – начала XX вв.: дети (мальчики до 12 и девочки до 11 лет), подростки (юноши 13 – 17 лет, девушки 12 – 15 лет), работники или лица зрелого возраста (мужчины от 18 до 60 лет, женщины от 16 до 55 лет), участвующие в естественном воспроизводстве населения, старики (мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет).²¹⁸

Произведенные подсчеты показывают, что соотношение возрастного состава населения в различных приходах южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII в. было приблизительно одинаковым. Наблюдалось преобладание зрелых возрастов, которые составляли более 50% как среди женского, так и мужского населения, за исключением лиц мужского пола в Ильинском, Красноярском и Бетеинском селах. Обратим внимание также на то, что в данной категории населения повсеместно количество женщин больше, чем

²¹⁵ Фальк И.П. Записки // Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб., 1824. – Т. 6. – С. 402.

²¹⁶ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке... – С. 22.

²¹⁷ Колесников А.Д. Русское население... – С. 333.

²¹⁸ Зверев В.А. Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX – начало XX вв.). – С. 104.

мужчин. На втором месте по численности находились дети (приблизительно составлявшие примерно 1/4 от всего населения), на третьем – подростки. При этом обратим внимание на то, что количество мальчиков и юношей в этих возрастных категориях преобладало, за исключением села Ильинского. Лица престарелого возраста практически повсеместно составляли меньшинство.

Таблица 20

**Половозрастной состав жителей селений южных уездов
Тобольской губернии в 1794 г. (%)²¹⁹**

| Название селений | Дети | | Подростки | | Работники | | Старики | |
|------------------|------|------|-----------|------|-----------|------|---------|------|
| | м.п. | ж.п. | м.п. | ж.п. | м.п. | ж.п. | м.п. | ж.п. |
| С. Ильинское | 36,0 | 25,9 | 9,5 | 13,0 | 45,0 | 52,0 | 9,5 | 8,6 |
| С. Красноярское | 30,9 | 27,9 | 9,1 | 8,3 | 46,9 | 50,2 | 13,1 | 13,6 |
| С. Такмыцкое | 27,0 | 23,3 | 13,4 | 10,8 | 52,9 | 56,3 | 6,6 | 9,7 |
| С. Логиново | 25,4 | 23,6 | 14,0 | 10,0 | 55,1 | 57,6 | 5,5 | 8,8 |
| С. Баженово | 24,6 | 23,6 | 12,6 | 11,1 | 50,6 | 52,1 | 12,3 | 13,2 |
| С. Бетеинское | 30,4 | 27,6 | 13,5 | 8,3 | 46,8 | 54,5 | 9,3 | 9,6 |

Несколько особняком выглядело село Баженовское, среди населения которого было несколько меньше детей (24,6% мальчиков и 23,6% девочек) и больше стариков (12,3% д.м.п. и 13,2% д.ж.п.). Много пожилых людей учтено и на территории Красноярского села. Связано было это с тем, что на территории данных сел проживало множество ссыльных и их потомков, что и приводило к подобной «возрастной расстановке». Несмотря на царский указ от 1760 г. об отправлении в ссылку в счет рекрут лиц не моложе 45-ти лет, это распоряжение выполнялось далеко не всегда. Поэтому среди посельщиков преобладали мужчины зрелого возраста или старики, от которых стремились избавиться помещики, мало было детей, т.к. их нередко оставляли на прежнем месте жительства.

Следует подчеркнуть, что сохранение высокого удельного веса лиц зрелого возраста было неизменным на протяжении всего изучаемого периода на всех исследуемых территориях, а это оказывало благоприятное влияние на развитие естественного прироста.

²¹⁹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 730 – 776, 777 – 874; Д. 25. – Л. 205 – 226, 226 – 256; Д. 26. – Л. 112 – 139, 167 – 197; Д. 27. – Л. 526 об. – 539 об.

Важное значение в характеристике естественного воспроизводства имеет соотношение мужского и женского населения. Ранее мы уже обратили внимание на то, что женщины численно преобладали в зрелом возрасте. Необходимо учитывать также и то, что на протяжении времени данный показатель мог претерпевать изменения.

Таблица 21

Соотношение мужского и женского населения на территории приходов южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII в.²²⁰

| Приход | На 1 тыс. д.м.п. приходится д.ж. п. | | |
|----------------|-------------------------------------|---------|---------|
| | 1788 г. | 1792 г. | 1801 г. |
| Николаевский | 1 106 | 1 122 | 1 125 |
| Преображенский | 1 039 | 1 081 | 1 091 |
| Дмитриевский | 1 091 | 1 021 | 1 019 |
| Богородский | 889 | 947 | 928 |
| Троицкий | 980 | 987 | 1 031 |
| Ильинский | 1 040 | 1 021 | 1 037 |

Произведенные расчеты о соотношении мужского и женского населения в 1788, 1792 и 1801 гг. на территориях обследуемых приходов показывают следующие результаты (табл. 21). В Николаевском приходе наблюдается значительное преобладание женского населения над мужским в 80 – 90-е гг. XVIII в. В Богородском и Троицком приходах выражен перевес в обратную сторону – мужчин больше, чем женщин. Как уже упоминалось, в Богородском приходе это явилось следствием большого числа ссыльных. На территориях, относящихся к Троицкому приходу, располагались населенные пункты, которые наиболее активно заселялись в 70 – 80-е гг. XVIII в., что также приводило к некоторому преобладанию среди жителей мужчин. Однако к началу XIX в. здесь произошло выравнивание полового соотношения жителей. В остальных приходах – Преображенском, Дмитриевском, Ильинском – женское и мужское население было распределено приблизительно

²²⁰ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 12. – Л. 277 – 368, 369 – 461; Д. 13. – Л. 156 – 178, 237 – 278; Д. 14. – Л. 164 – 197, 212 – 248; Д. 21. – Л. 190 – 209, 211 – 243; Д. 22. – Л. 108 – 139, 131 – 159; Д. 23. – Л. 730 – 776, 777 – 874; Д. 39. – Л. 549 – 595, 596 – 651; Д. 40. – Л. 818 – 842, 914 – 1003; Д. 41. – Л. 209 – 252, 394 – 411.

одинаково и число женщин в конце XVIII в. здесь преобладало ненамного.

Отчеты губернаторов, составлявшиеся во второй четверти XIX в., также позволяют дать оценку соотношения мужского и женского населения, но уже на более обширных территориях (табл. 22).

Таблица 22

**Соотношение мужского и женского населения в южных округах
Тобольской губернии во второй четверти XIX в.²²¹**

| Годы | На 1 тыс. мужчин приходится женщин | | |
|------|------------------------------------|----------------|--------------|
| | Тарский округ | Ишимский округ | Омский округ |
| 1824 | 1 024 | 1 003 | 680 |
| 1829 | 983 | 1 108 | 649 |
| 1834 | 971 | 1 096 | 762 |
| 1840 | 1 008 | 1 053 | 861 |
| 1849 | 979 | 1 000 | 904 |

Как видим, диспропорции в половом составе населения в южных округах Тобольской губернии часто выглядят наиболее выпукло. В Тарском округе в 1824 и 1840 гг. незначительно преобладало женское население. Однако в 1829, 1834 и 1849 гг. оно уже составляло меньшую долю жителей, чем мужское. В Ишимском округе было больше женщин по сравнению с мужчинами. В то же время в Омском округе заметно преобладало мужское население. Именно здесь мы наблюдаем наибольшую диспропорцию в половом составе населения, связанную с тем, что на данной территории концентрируются военные чины, служивые омского гарнизона, ссыльные. К тому же на данном этапе территория Омского округа продолжала осваиваться. Все это и приводило к «перевесу» мужского населения над женским.

Несомненно, что отмеченные диспропорции на территории Омского округа не могли положительно сказываться на развитии естественного прироста населения, в отличие от Тарского и Ишимского округов, где сложилось наиболее благоприятное соотношение мужского и женского населения. Однако и в Омском округе к середине XIX в. произошло постепенное «выравнивание» половозрастного состава.

²²¹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 102 об., 103 об.; Д. 705. – Л. 119, 120 об.; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 99, 473; Оп. 2. – Д. 1995. – Л. 53 об.; Д. 2764. – Л. 754.

Другим показателем, имевшим влияние на естественный прирост, является динамика брачности населения. Данному вопросу будет уделено особое внимание в последнем разделе монографии, посвященном брачным и семейным отношениям в сибирской деревне. Здесь же предварительно отметим, что степень брачности практически повсеместно была высокой на протяжении изучаемого периода – конца XVIII – первой половины XIX вв. Следует уточнить, что количество заключенных браков не могло все-таки играть определяющей роли в росте рождаемости, ведь дети рождались не только в «молодых» семьях. Поэтому важно проанализировать вопрос о качественном составе женского населения в составе крестьянской семьи, обратить внимание на количество семей, на их структуру, число детей как рожденных, так и умерших во младенчестве и позже и пр. Изучению данных вопросов будет посвящен отдельный раздел монографии. Здесь же определим ежегодный естественный прирост населения на территориях Ишимского, Тарского и Омского уездов.

Таблица 23

Естественный прирост населения южных уездов Тобольской губернии за 1780 – 1790 гг. (по данным метрических книг)²²²

| Годы | Уезды | | |
|-----------------|----------|---------|-----------|
| | Ишимский | Тарский | Омский |
| 1790 | 2,93 | 1,51 | 2,13 |
| 1791 | 2,17 | 1,55 | 2,52 |
| 1792 | 3,18 | 2,69 | 1,61 |
| 1793 | 1,83 | 2,47 | 2,44 |
| 1794 | 1,64 | 2,45 | 2,41 |
| 1795 | 0,75 | 2,01 | нет свед. |
| 1796 | 2,85 | 2,71 | 2,47 |
| 1797 | 2,75 | 2,59 | 2,77 |
| 1798 | 2,68 | 2,32 | 2,61 |
| 1799 | 2,67 | 3,21 | 2,66 |
| 1800 | 2,83 | 3,18 | 1,70 |
| Итого за 11 лет | 2,38 | 2,13 | 2,33 |

²²² Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 16. – Л. 1 – 611; Д. 18. – Л. 1 – 419; Д. 19. – Л. 1 – 576; Д. 20. – Л. 1 – 920; Д. 21. – Л. 1 – 647; Д. 22. – Л. 1 – 576; Д. 23. – Л. 1 – 938; Д. 24. – Л. 1 – 650; Д. 25. – Л. 1 – 580; Д. 26. – Л. 1 – 210; Д. 27. – Л. 1 – 638; Д. 28 – Л. 1 – 588; Д. 29; Л. 1 – 420; Д. 30. – Л. 1 – 560; Д. 31. – Л. 1 – 435; Д. 32. – Л. 1 – 710; Д. 34. – Л. 1 – 680; Д. 35. – Л. 1 – 719; Д. 36. – Л. 1 – 620; Д. 37. – Л. 1 – 738; Д. 39. – Л. 1 – 690.

Естественный прирост населения в конце XVIII в. в Ишимском, Тарском и Омском уездах был высоким. Это обуславливалось, помимо обследованных половозрастного состава и брачности, природно-климатическими условиями, достаточным количеством сельхозугодий, небольшой плотностью населения, притоком крестьян, незначительной частью городов и городского населения.

Низкие показатели естественного прироста в Тарском уезде в 1790 – 1791 гг., в Ишимском уезде в 1793 – 1795 гг., в Омском уезде в 1792 г. были связаны с распространением здесь эпидемии. В целом взятый отрезок времени можно считать характерным и для первой половины XIX в. (табл. 23).

Уровень естественного прироста прослеживается и на основе материалов отдельных приходов, расположенных в Ишимском, Тарском и Омском уездах в течение конца XVIII – первой половины XIX вв. По сохранившимся данным Ильинского прихода, расположенного на территории Ишимского уезда, в течение 1780 – 1850 гг. естественный прирост составил более 4 400 человек.²²³ Причем, лишь несколько раз мы отмечаем преобладание умерших над рожденными: в 1786 г. – 152 против 144 чел., в 1831 г. – 293 против 256, в 1842 г. – 317 против 283 человек.²²⁴ В 1843 г. естественный прирост отсутствовал, т.к. число умерших и рожденных жителей было одинаковым – по 329 человек.²²⁵ По отношению же к общей численности населения естественный прирост в Ильинском приходе колебался от 0,7 до 3,3% ежегодно.

В Троицкой церкви Красноярской слободы Ишимского уезда на протяжении 1780 – 1850 гг. постоянно фиксируется высокий естественный прирост, составивший в целом более 4 000 человек.²²⁶

²²³ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 58; Д. 10. – Л. 1351; Д. 12. – Л. 368; Д. 16. – Л. 376 об.; Д. 20. – Л. 661 об.; Д. 23. – Л. 776; Д. 24. – Л. 576; Д. 27. – Л. 525; Д. 30. – Л. 489; Д. 34. – Л. 597; Д. 39. – Л. 596; Д. 43. – Л. 223, 560; Д. 46. – Л. 167; Д. 47. – Л. 183, 495; Д. 49. – Л. 485; Д. 54. – Л. – 155, 419; Д. 55. – Л. 193, 456; Д. 57. – Л. 180, 492; Д. 61. – Л. 192, 513; Д. 62. – Л. 180, 463; Д. 66. – Л. 117, 282, 537; Д. 70. – Л. 169, 570; Д. 74. – Л. 254, 620; Д. 78. – Л. 310; Д. 80. – Л. 117; Д. 83. – Л. 331; Д. 88. – Л. 525; Д. 91. – Л. 392; Д. 96. – Л. 557; Д. 104. – Л. 500; Д. 111. – Л. 753; Д. 119. – Л. 757; Д. 126. – Л. 819; Д. 128. – Л. 662; Д. 138. – Л. 940; Д. 139. – Л. 752.

²²⁴ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 758; Д. 74. – Л. 254; Д. 111. – Л. 753.

²²⁵ Там же. – Д. 119. – Л. 757.

²²⁶ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 74 об., 157, 292, 387, 507, 609, 750; Д. 10. – Л. 1351; Д. 12. – Л. 368; Д. 16. – Л. 376 об.; Д. 20. – Л. 661 об.; Д. 23. – Л. 776; Д. 24. – Л. 576; Д. 27. – Л. 525; Д. 30. – Л. 489; Д. 34. – Л. 597; Д. 39. – Л. 651; Д. 43. – Л. 239, 576; Д. 46. – Л. 184; Д. 47. – Л. 202, 515; Д. 49. – Л. 503; Д. 54. – Л. 170, 447; Д. 55. – Л. 137, 474; Д. 57. – Л. 207, 519; Д. 61. – Л. 213, 542; Д. 62. – Л. 222,

Примеров естественной убыли на территории данного прихода нам не встретилось ни разу на протяжении всего исследуемого периода. Ежегодные колебания естественного прироста составили в данном приходе от 1,0 до 3,4%.

Прослеживается устойчивый естественный прирост и в приходах Тарского уезда – Николаевском и Преображенском. Естественный прирост в 1780 – 1850 гг. в Преображенском приходе, расположенном в Такмыцкой слободе, был стабильно высоким и составил более 6 050 человек.²²⁷ При этом население увеличивалось за счет только естественного прироста ежегодно на 1,1 – 3,9%. Практически постоянно преобладание в Преображенском приходе рожденных жителей над умершими ежегодно превышало 100 человек.

В Николаевском приходе села Логиновского за 1790 – 1850 гг. население выросло за счет естественного прироста более чем на 2 300 человек.²²⁸ В 1790 г. население в результате естественного воспроизводства увеличилось лишь на 7 человек, а в 1791 г. – только на 1 человека. В 1802 г., единожды в Николаевском приходе, произошло уменьшение жителей в результате превышения смертности над рождаемостью (43 против 33), притом записано, что 5 человек скончались скоропостижно. По-видимому, это явилось результатом какого-то стихийного бедствия. На фоне общего невысокого, по сравнению с Преображенским приходом, естественного прироста в Николаевском приходе, следует выделить и 1822 г., когда родились 48, а умерли 40 человек. Хотя в отдельные годы процент увеличения населения в селениях, относящихся к Николаевскому приходу, за счет естественного прироста и достигал 2,4% (1800 г.), но в целом он был не столь значителен, как в Преображенском приходе. В остальные годы этого периода

571; Д. 66. – Л. 410, 745; Д. 70. – Л. 280, 772; Д. 87. – Л. 240; Д. 91. – Л. 310; Д. 96. – Л. 423; Д. 104. – Л. 583; Д. 111. – Л. 620; Д. 119. – Л. 860; Д. 126. – Л. 571; Д. 138. – Л. 1029; Д. 143. – Л. 849.

²²⁷ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 250; Д. 19. – Л. 145, 517; Д. 22. – Л. 160, 533; Д. 26. – Л. 197; Д. 28. – Л. 214, 574; Д. 40. – Л. 82 об., 178, 352, 465, 578 об., 705, 944; Д. 45. – Л. 48; Д. 51. – Л. 50, 190, 356, 480, 622, 878; Д. 87. – Л. 105, 501; Д. 101. – Л. 250; Д. 112. – Л. 282; Д. 114. – Л. 542; Д. 121. – Л. 301; Д. 130. – Л. 170, 475, 493, 557, 757, 902 об.

²²⁸ Здесь и далее подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 194; Д. 19. – Л. 119, 486; Д. 22. – Л. 130, 460; Д. 26. – Л. 139; Д. 28. – Л. 142, 505; Д. 40. – Л. 45, 217, 317 об., 425, 538, 661, 705, 842, 944; Д. 45. – Л. 87; Д. 51. – Л. 90, 234, 398, 519, 676, 920; Д. 87. – Л. 201, 620; Д. 101. – Л. 350; Д. 112. – Л. 432; Д. 114. – Л. 199; Д. 121. – Л. 447; Д. 130. – Л. 369.

естественный прирост колебался от 0,4 до 3,3%. Следует отметить, что положение с наиболее низкими показателями естественного движения населения, сложившееся на территории Николаевского прихода, вызвано диспропорциями в половозрастном составе, невысоким количеством заключаемых браков и миграционным оттоком жителей.

На территории Богородского прихода в селе Баженовском, заселенном по большей части потомками ссыльных, и Дмитриевского прихода в Бетеинском, в котором в основном жили старожилы, численность жителей во многом увеличивалась за счет высокой рождаемости. Население за 1780 – 1850 гг. выросло за счет естественного прироста в Богородском приходе более чем на 5 400 человек,²²⁹ а в Дмитриевском – более чем на 2 000 человек.²³⁰ Естественный прирост равен в Дмитриевском приходе 1,1 – 3,1%, а в Богородском – 0,9 – 2,4%. На протяжении двух лет естественный прирост на данных территориях был особенно низок: в 1792 г. в Бетеинском он составил всего 0,6% и в 1793 г. в Баженовском – 0,4%. Невысоким прирост населения был в Дмитриевском приходе в 1801 г. – 16 чел., в 1816 г. – 1 чел. и в 1836 г. – 13 чел.

Вообще, в первой трети XIX в. население возрастало за счет естественного прироста в Бетеинском примерно на 40 чел. ежегодно, а в 40-е гг. XIX в. – примерно на 80 чел. ежегодно.²³¹ Абсолютные

²²⁹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 240, 360; Д. 13. – Л. 278; Д. 17. – Л. 265; Д. 18. – Л. 390 об.; Д. 21. – Л. 240, 636; Д. 25. – Л. 225, 526; Д. 29. – Л. 139; Д. 31. – Л. 205; Д. 37. – Л. 325 об., 731; Д. 41. – Л. 252, 562; Д. 42. – Л. 110, 320, 549; Д. 44. – Л. 201 об., 374 об., 589; Д. 52. – Л. 219, 507; Д. 53. – Л. 217, 478; Д. 58. – Л. 231, 531; Д. 60. – Л. 261 об., 597 об.; Д. 63. – Л. 279, 577; Д. 65. – Л. 245, 583; Д. 69. – Л. 259; Д. 71. – Л. 282; Д. 72. – Л. 440; Д. 77. – Л. 438; Д. 79. – Л. 481; Д. 82. – Л. 487; Д. 86. – Л. 528; Д. 90. – Л. 491; Д. 95. – Л. 189; Д. 98. – Л. 386; Д. 105. – Л. 306 об.; Д. 115. – Л. 612 об.; Д. 132. – Л. 364; Д. 141. – Л. 449; Д. 149. – Л. 1590; Д. 152. – Л. 1587 об.

²³⁰ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 233 об., 351; Д. 13. – Л. 236; Д. 17. – Л. 234; Д. 18. – Л. 350; Д. 21. – Л. 230, 586; Д. 25. – Л. 256, 504; Д. 29. – Л. 337 об.; Д. 31. – Л. 414; Д. 37. – Л. 140, 645; Д. 41. – Л. 411, 601; Д. 42. – Л. 126, 336, 509; Д. 44. – Л. 159, 360 об., 574 об.; Д. 52. – Л. 203, 488; Д. 53. – Л. 197, 463; Д. 58. – Л. 213, 510; Д. 60. – Л. 238, 576 об.; Д. 63. – Л. 255, 554; Д. 65. – Л. 224, 559; Д. 69. – Л. 282; Д. 71. – Л. 294; Д. 72. – Л. 463; Д. 77. – Л. 471; Д. 79. – Л. 490; Д. 82. – Л. 514; Д. 86. – Л. 585; Д. 90. – Л. 516; Д. 95. – Л. 285; Д. 98. – Л. 427; Д. 105. – Л. 346 об.; Д. 115. – Л. 644 об.; Д. 132. – Л. 421; Д. 141. – Л. 540; Д. 149. – Л. 1777; Д. 152. – Л. 1789.

²³¹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 37. – Л. 618 – 630; Д. 41. – Л. 394 – 411, 589 – 601; Д. 42. – Л. 118 – 126, 326 – 336, 503 – 509; Д. 44. – Л. 149 – 159, 352 – 361, 565 – 575; Д. 52. – Л. 194 – 203, 474 – 488; Д. 53. – Л. 186 – 197, 454 – 463; Д. 58. – Л. 203 – 213, 500 – 510; Д. 60. – Л. 230 – 238, 568 – 576; Д. 63. – Л. 248 – 255, 547 – 555; Д. 65. – Л. 215 – 225, 551 – 560; Д. 69. – Л. 272 – 282; Д. 71. – Л. 284 – 295; Д. 72. –

показатели по Богородскому приходу свидетельствуют об увеличении населения: в начале XIX в. – примерно на 70 чел. ежегодно, в 20 – 30-е гг. XIX в. – более чем на 100 чел. ежегодно, а в 40-е гг. XIX в. – уже на 150 чел. ежегодно.²³² Следовательно, можно сделать вывод о том, что с течением времени неблагоприятный половозрастной состав, негативно сказывавшийся на естественном приросте населения Богородского прихода, сглаживался, что способствовало возрастанию естественного прироста. Ссылные, обжившись на новом месте, начинали устраивать свою жизнь, налаживать хозяйство, заводить семьи, у них рождались дети, наподобие того, как это происходило в семьях старожилов.

История семей, первоначально обосновавшихся в Бетеинском, позволяет увидеть, каким образом происходило увеличение количества жителей данного села. С 1740 г. начинается строительство форпостов по левому берегу Иртыша, в том числе Бетеинского. Он возник после появления в 1741 г. указа о создании оборонительных укреплений в данной местности. Команда казаков из деревни Бетеинской, основанной в 1732 г. и названной так по имени близлежащего озера, получила приказ о переходе на другое место. За старой деревней осталось название Горная Бетя, новое же селение стало именоваться Большая Бетя.

В 1763 г. на территории форпоста насчитывалось 12 казачьих и 10 крестьянских семей, прибывших из селений из-под Тары. Из казаков переписаны Матвей Чернаков, Степан Резанов с двумя сыновьями – Тимофеем и Ильей, Степан Шосекин, Иван Горский, Григорий Киргинцев с сыновьями Саввой и Данилой. Среди крестьян

Л. 442 – 464; Д. 77. – Л. 439 – 471; Д. 79. – Л. 465 – 491; Д. 82. – Л. 487 – 514; Д. 86. – Л. 533 – 555; Д. 90. – Л. 493 – 516, 265 – 290; Д. 98. – Л. 387 – 427; Д. 105. – Л. 308 – 347; Д. 115. – Л. 615 – 645; Д. 141. – Л. 459 – 541; Д. 149. – Л. 1701 – 1777; Д. 152. – Л. 1685 – 1789.

²³² Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 37. – Л. 706 – 747; Д. 41. – Л. 209 – 252, 544 – 562; Д. 42. – Л. 97 – 110, 302 – 320, 533 – 549; Д. 44. – Л. 187 – 201, 361 – 375, 575 – 589; Д. 52. – Л. 203 – 219, 488 – 507; Д. 53. – Л. 197 – 217, 463 – 478; Д. 58. – Л. 215 – 231, 512 – 531; Д. 60. – Л. 242 – 264, 580 – 597; Д. 63. – Л. 260 – 279, 559 – 577; Д. 65. – Л. 227 – 245, 563 – 583; Д. 69. – Л. 236 – 259; Д. 71. – Л. 256 – 282; Д. 72. – Л. 412 – 440; Д. 77. – Л. 404 – 438; Д. 79. – Л. 419 – 455; Д. 82. – Л. 418 – 487; Д. 86. – Л. 474 – 528; Д. 90. – Л. 430 – 491; Д. 95. – Л. 131 – 193; Д. 98. – Л. 230 – 386; Д. 105. – Л. 165 – 306; Д. 115. – Л. 455 – 613; Д. 132. – Л. 242 – 364; Д. 141. – Л. 307 – 449; Д. 149. – Л. 1538 – 1669; Д. 152. – Л. 1521 – 1660.

названы Данило Дьяков, Тимофей Лыжин, братья Вагановы и Рогозины.²³³

В 1788 г. в селе Бетеинском учтено уже 66 дворов, в них насчитывается 214 мужчин и 216 женщин.²³⁴ При этом сыновья основателя форпоста, казака Степана Резанова, Тимофей и Илья числятся в 1788 году как отдельные дворохозяева. Тимофею 37 лет, у него 2 сына от первого брака, пасынок и две дочери от второй жены Варвары Михайловой 43 лет. Илье Резанову 34 года, у него жена Авдотья Дмитриева 34 лет, 3 сына и 2 дочери.

Многодетной оказалась и семья Максима, сына Степана Шосекина: у него четыре женатых сына. Вся семья состоит из 21 человека (8 мужчин и 13 женщин). Семей Горскиных, вышедших из первооснователей, в 1788 г. уже три: Дмитрий, 20 лет, его жена Екатерина Варламова, 17 лет; Петр, 46 лет, его жена Параскева, 46 лет, три сына и три дочери; Федор, 21 год, его жена Анна, 23 года, дочь и мать, Фекла Никитична, 62 года. Вагановых в Бетеинском в 1788 г. уже четыре отдельные семьи, Рогозиных – три семьи.²³⁵

Таким образом, на примере нескольких семейств села Бетеинского мы увидели, каким образом происходил рост его населения во второй половине XVIII в., как спустя несколько десятилетий с момента основания существенно увеличивается численность жителей за счет естественного прироста.

Приведенные расчеты по селам Ишимского, Тарского и Омского уездов свидетельствуют о высоком естественном приросте на этих территориях. Поскольку названные районы относились к разряду колонизируемых в конце XVIII в., то к ним можно отнести выводы, сделанные рядом историков: «В районах иммиграции естественный прирост был значительно выше, чем в районах эмиграции. В колонизирующихся районах условия жизни были лучше, чем в районах старого заселения, и поэтому население в них росло не только вследствие иммиграции, но и вследствие повышения на новых местах естественного прироста».²³⁶

Налогообложение как в Европейской России, так и в Сибири было одинаковым, но вот пустующих земель было значительно

²³³ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 2. – Л. 109 – 119.

²³⁴ Там же. – Д. 17. – Л. 169 – 234.

²³⁵ Там же. – Л. 169 – 234.

²³⁶ Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX века. – С. 341; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724 – 1916 гг. // История СССР. – 1957 – № 1. – С. 222.

больше. По мнению Н.М. Дружинина, лучшие условия существования жителей Сибири связаны с отсутствием здесь крепостного права, а посему население здесь «свободнее и независимее, чем в губерниях Европейской России, закаленное в борьбе с природой, оно проявляло широкую инициативу; пользуясь богатствами окружающей природы, оно умело создавать себе лучшие условия, несмотря на произвол местной администрации».²³⁷

Со второй четверти XIX в. сведения государственного учета о естественном движении населения становятся более систематическими. В 1824 г., в соответствие с данными, представленными в отчете тобольского губернатора, во всей губернии родилось 28039 человек, умерло 19205 человек, а естественный прирост составил 8834 человек (1,6%).²³⁸ В 1827 г. в Тобольской губернии зафиксирован естественный прирост 4712 человек (0,8%),²³⁹ а в 1829 г. – 6504 (1,2%).²⁴⁰

Таблица 24

Естественное движение населения Тобольской губернии в 1834 – 1838 гг.²⁴¹

| Год | В течение года | | | Количество жителей | Естественный прирост, % |
|------|----------------|--------|----------------------|--------------------|-------------------------|
| | родилось | умерло | естественный прирост | | |
| 1834 | 32 579 | 20 666 | 11 913 | 613 738 | 1,9 |
| 1835 | 33 704 | 22 814 | 10 890 | 686 185 | 1,6 |
| 1836 | 34 069 | 23 346 | 10 723 | 687 982 | 1,6 |
| 1837 | 33 215 | 23 003 | 10 212 | 687 584 | 1,5 |
| 1838 | 31 766 | 21 490 | 10 276 | 698 313 | 1,5 |

В табл. 24 показано естественное движение на территории Тобольской губернии в 1834 – 1838 гг. В 1834 г. была завершена VIII ревизия, поэтому показатели общей численности населения, приведенные в губернаторских отчетах, можно считать наиболее достоверными. В последующие годы не отмечено ни массовых

²³⁷ Дружинин Н.М. Указ. соч. – Т. 1. – С. 421.

²³⁸ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 104 – 105.

²³⁹ Там же. Д. 706. – Л. 241 – 242.

²⁴⁰ Там же. – Д. 705. – Л. 122 – 123.

²⁴¹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 472 – 476; Д. 1540. – Л. 499 – 503; Д. 1630. – Л. 493 – 500; Д. 1736а. – Л. 53 – 60.; Д. 1805. – Л. 230 – 237.

эпидемий, ни неурожаев. На данном этапе приток переселенцев из Европейской России был минимальным, а значит, рост населения осуществлялся за счет естественного прироста и водворения ссыльных.

В среднем же естественный прирост населения Тобольской губернии за 1834 – 1838 гг. составил 1,62%. Следует отметить, что несколько снижал показатели естественного прироста его низкий уровень в городах: здесь было сосредоточено много престарелых отставных военных, чиновников на пенсии, ссыльных, велики диспропорции в половом составе населения. Как подчеркивают исследователи, для чиновных семей в сибирских городах дореформенного периода характерно неуклонное снижение рождаемости вследствие ряда социально-экономических причин.²⁴²

Однако в целом уровень естественного прироста в Тобольской губернии превышает и европейский, и общероссийский. Коэффициент естественного прироста населения в Европе в первой половине XIX в. в среднем составлял 7,6 на 1 тыс. чел.²⁴³ В России этот показатель в 1801 – 1860-х гг. был 13,1 на 1 тыс. чел.²⁴⁴ На территории Тобольской губернии на 1 тыс. жителей в 1830-е гг. прирост равнялся 16,2 чел.

Сведения, представленные губернаторами, позволяют проанализировать состояние естественного прироста в округах.

В Ишимском округе в первой половине XIX в. естественный прирост был неодинаков в разные годы. Самые невысокие показатели приходятся на 1827 г., когда он составил 771 чел. (родилось 5 250, умерло 4 479 чел.) или 0,9% к общей численности населения (86 885 чел.).²⁴⁵ Наибольшие данные относятся к 1824 г.: родилось 5 624, умерло 3 353 чел., а естественный прирост равнялся 2 289 чел. (2,8% на 82 074 чел.).²⁴⁶

На протяжении пяти лет, с 1834 по 1838 гг., естественный прирост на территории Ишимского округа составлял от 1,6 до 2,7%, а его средний показатель был равен 2,0% (средний коэффициент – 20,2) (табл. 25).

²⁴² Зубов В.Е., Рабцевич В.В. Крестьянский аспект демографического поведения представителей дореформенной сибирской бюрократии. – С. 42.

²⁴³ Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. – С. 37.

²⁴⁴ Валентей Д.И. Проблемы народонаселения. – М., 1961. – С. 62.

²⁴⁵ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 706. – Л. 240 – 242.

²⁴⁶ Там же. – Д. 701. – Л. 103 – 104.

Естественное движение населения Ишимского округа в 1834 – 1838 гг.²⁴⁷

| Год | В течение года | | | Количество жителей | Естественный прирост, % |
|------|----------------|--------|----------------------|--------------------|-------------------------|
| | родилось | умерло | естественный прирост | | |
| 1834 | 6 036 | 3 625 | 2 411 | 89 150 | 2,7 |
| 1835 | 6 911 | 4 340 | 2 571 | 115 703 | 2,2 |
| 1836 | 6 864 | 5 017 | 1 847 | 116 103 | 1,6 |
| 1837 | 6 944 | 5 044 | 1 900 | 115 476 | 1,6 |
| 1838 | 6 679 | 4 437 | 2 242 | 116 745 | 1,9 |

На территории Тарского округа Тобольской губернии естественный прирост в первой половине XIX в. колебался от 1,2 до 3,4%. Самые высокие данные относятся к 1824 г. – 3,4%, 1840 г. – 3,1%, 1847 г. – 3,0%, 1848 г. – 3,2% и 1849 г. – 3,1%,²⁴⁸ а самые низкие – к 1829 и 1830 гг. – 1,2% и 1,3% соответственно.²⁴⁹

Рассмотрим показатели естественного движения населения в Тарском округе в 1834 – 1838 гг. (табл. 26).

Таблица 26

Естественное движение населения Тарского округа в 1834 – 1838 гг.²⁵⁰

| Год | В течение года | | | Количество жителей | Естественный прирост, % |
|------|----------------|--------|----------------------|--------------------|-------------------------|
| | родилось | умерло | естественный прирост | | |
| 1834 | 2 689 | 1 264 | 1 425 | 49 194 | 2,9 |
| 1835 | 2 590 | 1 175 | 1 415 | 57 667 | 2,5 |
| 1836 | 2 764 | 1 134 | 1 630 | 57 655 | 2,8 |
| 1837 | 2 809 | 1 148 | 1 661 | 57 682 | 2,9 |
| 1838 | 1 568 | 984 | 284 | 58 827 | 1,7 |

²⁴⁷ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 472 – 476; Д. 1540. – Л. 499 – 503; Д. 1630. – Л. 493 – 500; Д. 1736а. – Л. 53 – 60; Д. 1805. – Л. 230 – 237.

²⁴⁸ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 103 – 104; ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 1995. – Л. 53 – 60; Д. 2544. – Л. 676 – 687; Д. 2628. – Л. 647 – 659; Д. 2764. – Л. 753 – 755.

²⁴⁹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 705. – Л. 120 – 123; Д. 706. – Л. 119 – 122.

²⁵⁰ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 472 – 476; Д. 1540. – Л. 499 – 503; Д. 1630. – Л. 493 – 500; Д. 1736а. – Л. 53 – 60.; Д. 1805. – Л. 230 – 237.

В 1834 – 1838 гг. естественный прирост по Тарскому округу составлял в среднем 2,6% (средний коэффициент – 23,1), что превышало аналогичные данные по Ишимскому округу. Дважды, в 1834 и 1837 гг., этот показатель достигает максимальной отметки – 2,9%. Очевидно, что причиной подобного явления становились благоприятное соотношение мужского и женского населения, его возрастной состав в округе.

На территории Омского округа, как уже было отмечено выше, сложившееся половозрастное соотношение не могло положительно повлиять на состояние естественного прироста. Он колеблется в первой половине XIX в. от 0,1 до 2,2%. И лишь в 1829 г. естественный прирост достигает 2,5%, когда было рождено 1 389 человек, а умерло 877 человек при общей численности населения 20 821 чел.²⁵¹

Низший показатель естественного прироста зафиксирован в губернаторских отчетах в 1824 г. – 0,1%, когда родилось 674, а умерло 651 чел.²⁵² Трижды – в 1830, 1832 и 1836 гг. – естественный прирост равнялся 0,9%, в другие годы он составлял от 1,1 до 1,4%.²⁵³

В 1834 – 1837 гг. естественный прирост в Омском округе также представлен самыми низкими показателями из всех обследуемых нами округов (табл. 27).

Таблица 27

Естественное движение населения Омского округа в 1834 – 1837 гг.²⁵⁴

| Год | В течение года | | | Количество жителей | Естественный прирост, % |
|------|----------------|--------|----------------------|--------------------|-------------------------|
| | родилось | умерло | естественный прирост | | |
| 1834 | 967 | 733 | 234 | 31 271 | 0,7 |
| 1835 | 1 156 | 794 | 362 | 30 450 | 1,2 |
| 1836 | 1 206 | 913 | 293 | 33 795 | 0,9 |
| 1837 | 1 239 | 918 | 321 | 31 761 | 1,0 |

²⁵¹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 705. – Л. 123.

²⁵² Там же. – Д. 701. – Л. 103.

²⁵³ Там же. – Д. 706. – Л. 238 – 242; Д. 708. – Л. 119 – 122; Д. 710. – Л. 112 – 114; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 1995. – Л. 53 – 60.

²⁵⁴ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 472 – 476; Д. 1540. – Л. 499 – 503; Д. 1630. – Л. 493 – 500; Д. 1736а. – Л. 53 – 60.

В среднем в Омском округе ежегодный естественный прирост в 1834 – 1837 гг. составлял 0,95% (средний коэффициент – 9,6). Некоторое повышение аналогичных показателей происходит в 1840-е гг. Так, в 1847 – 1850 гг. он колеблется от 1,9 до 2,2%,²⁵⁵ что, очевидно, было связано с благоприятными изменениями в половозрастном соотношении населения, с высокой степенью брачности, а также с социально-экономическими и природными условиями, о которых было сказано ранее.

Таким образом, произведенный анализ источников показывает, что в конце XVIII – первой половине XIX вв. на территории южных округов Тобольской губернии сохранялся высокий уровень естественного прироста, который во многом зависел от условий жизни. О существовании подобных благоприятных факторов немало говорится в различных документах. Так, в губернаторских отчетах нередко можно встретить упоминания о значительных количествах земель и хороших урожаях. Приведем пример такой записи, относящейся к 1851 г.: «Казенные крестьяне, по свидетельству уездных властей, находятся в довольно хорошем положении. Они обладают в избытке удобными для хлебопашества и скотоводства землями и имеют возможность выгодно сбывать свои произведения, в особенности хлеб», «живут в совершенном довольстве, причем бывший в 1851 году изрядный урожай возвысил их средства».²⁵⁶ Речь здесь идет о Тюменском, Туринском, Ялуторовском, Курганском, Ишимском, Тарском и Омском округах. Вообще, урожайность в сам-10 и сам-12 была обычным явлением. Только в засушливые годы собирали мало зерна.

О богатых урожаях свидетельствуют и ежегодно составлявшиеся «Ведомости о посеве и урожае хлебов». Так, в Ишимском уезде в урожайном 1815 г. посев составил: озимых – 35 646 десятин, а яровых – 84 889. Собрано хлеба: четвертей озимых 202 794, яровых – 384 476.²⁵⁷ В этих ведомостях также распределялось количество уродившегося хлеба. Часть его полагалась «на семена», другая – «на продовольствие», а третья – в «остаток». До 1/3 собранного зерна оказывалась в «остатке». То есть существовали излишки хлеба, которыми можно было обеспечить постоянно пополнявшееся

²⁵⁵ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 2544. – Л. 676 – 687; Д. 2628. – Л. 647 – 659; Д. 2764. – Л. 753 – 755; Д. 2759. – Л. 48 – 53.

²⁵⁶ Там же. – Д. 3126. – Л. 6.

²⁵⁷ Там же. – Оп. 1. – Д. 355. – Л. 259 об.

население. Это условие создавало уверенность в завтрашнем дне у крестьянства.

Несомненно то, что суровые климатические условия и тяжелый крестьянский труд требовали хорошего питания. Путешественники, побывавшие в Сибири, часто отмечали обильную пищу сибиряков. Русский ученый П.П. Семенов-Тян-Шанский, неоднократно проезжавший через села Прииртышья в середине XIX в., писал: «Пища крестьян была необыкновенно обильна. В самых простых крестьянских избах я находил за обедом три или четыре кушанья. Мясная пища, состоявшая из говядины и телятины, домашней птицы и дичи, а также рыбы, входила в будничные столы. К этому присоединялись пшеничный и ржаной хлеб, пельмени – любимое блюдо сибиряков, овощи и молочные продукты, последние – в неограниченном количестве».²⁵⁸ Таким образом, калорийное питание обеспечивало здоровье сибирских жителей и формирование особого генофонда.

Уровень естественного воспроизводства населения определяется соотношением двух составляющих – рождаемости и смертности. Рождаемость у крестьян была высока и зависела не от сознательного внутрисемейного регулирования, а от половозрастной и брачной структуры населения. Уровень рождаемости колебался под воздействием экономических и экологических факторов, увеличиваясь вслед за урожайными годами (улучшался жизненный уровень населения), а также за годами сильных эпидемий (природа как бы стремилась компенсировать людские потери).

Характеризуя динамику рождаемости в Европе в 1801 – 1850 гг., Б.Ц. Урланис показывает колебания коэффициента рождаемости от 37,9 до 39,8 (на 1 тыс. жителей).²⁵⁹ В среднем данный показатель на протяжении указанного периода составлял 38,7. На основании материалов губернаторских отчетов можно сделать вывод о том, что на территории обследуемых нами округов коэффициент рождаемости оказался более высоким.²⁶⁰ Например, в Тарском округе в 1824 – 1850 гг. на 1 тыс. населения рождалось от 48,7 до 62,6 чел. ежегодно. В Ишимском округе – от 52,7 до 68,7 чел. В Омском округе отмечены колебания от 30,9 до 50,8: здесь в силу перечисленных выше причин в

²⁵⁸ Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. – М., 1946. – С. 42.

²⁵⁹ Урланис Б.Ц. Указ. соч. – С. 25.

²⁶⁰ Здесь далее см. прил. 2.

1820 – 30-е гг. естественный прирост был невысок, но в последующие десятилетия ситуация изменяется.

По данным губернаторских отчетов второй четверти XIX в., в Тарском округе в 1824 г. коэффициент рождаемости составил 60,5 на 1 тыс. жителей, при этом на долю родившихся лиц мужского пола приходится 36,0, а женского – 24,5. В Ишимском округе эти показатели были такими – 68,7, 35,1 и 33,6 соответственно. В отличие от приведенных примеров по Тарскому округу, где в течение восьми обследованных лет случаи преобладания мальчиков над девочками составляют равные доли, в Ишимском округе наблюдается перевес в пользу рождаемости девочек. В Омском округе чаще происходило обратное явление – приоритет среди рожденных лиц мужского пола.

В прил. 2 «Естественное движение населения во второй четверти XIX в.» в Ишимском, Тарском и Омском округах мы привели сведения, которые позволяют сравнить количество рожденных и умерших жителей («рождено на 1 тыс. умерших»)²⁶¹. Представленные данные показывают, что число рожденных постоянно превосходило число умерших. На протяжении всей второй четверти XIX в. нам не встретилось ни одного случая «естественной убыли» населения на территории южных округов Тобольской губернии.

В то же время смертность оставалась высокой, что было обусловлено многими причинами. Нередко высокую смертность определяло значительное число рождаемости: т.к. на долю умерших больше всего приходилось младенцев, то чем меньше их рождалось в какой-то момент, тем меньше были в ближайшем будущем показатели смертности. Помимо этого, на смертность оказывало влияние количество стариков среди жителей данной территории. Выше мы уже обращались к исследованию данного вопроса и убедились в том, что большинство населения южных уездов Тобольской губернии на протяжении всего исследуемого периода составляли лица зрелого возраста, высока была доля детей и незначительное количество престарелых жителей.

Другими факторами, существенно повышавшими смертность, являлись стихийные бедствия, неурожаи и эпидемии. В то же время А.Д. Колесников подчеркивает, что все эти негативные моменты в гораздо меньшей степени сказывались на сокращении сибирского населения. Например, в лесостепных уездах с их

²⁶¹ Там же.

высокоплодородными черноземными почвами запасы прошлых лет помогали населению с меньшими потерями переносить неурожай.²⁶²

О значительно меньшем влиянии неурожая в Западной Сибири содержится информация в «Ведомостях о числе посеянного и родившегося хлеба» за 1812 г.: «...всходы частью посеяны, но недостаток в Тобольском и Томском уездах могут быть восполнены из других уездов...».²⁶³ То есть для возмещения хлеба в одной местности в результате неурожая местные власти могли использовать продовольственные запасы из соседних регионов, что также исключало наступление голода.

Обратимся к анализу показателей смертности в приходах южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. (табл. 28).

Таблица 28

Смертность населения в приходах южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по данным метрических книг)²⁶⁴

| Год | На 1 тыс. рожденного населения прихода умершие составляли | | | | | |
|------|---|----------------|-----------|----------|--------------|-------------|
| | Николаевский | Преображенский | Ильинский | Троицкий | Дмитриевский | Богородский |
| 1778 | 500 | 128 | 282 | 542 | 235 | 412 |
| 1792 | 282 | 650 | 343 | 290 | 868 | 289 |
| 1805 | 634 | 322 | 496 | 433 | 394 | 338 |
| 1821 | 421 | 231 | 612 | 479 | 527 | 306 |
| 1837 | 321 | 230 | 908 | 792 | 744 | 400 |
| 1843 | 383 | 437 | 1000 | 522 | 378 | 412 |

Полученные данные позволяют говорить о существенных колебаниях смертности населения на исследуемых территориях. В отдельные годы число умерших не превышало 30% от общего

²⁶² Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – С. 338.

²⁶³ ГУОО ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 130. – Л. 55, 64.

²⁶⁴ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 861 об., 879; Д. 5. – Л. 715 об., 769; Д. 6. – Л. 28 об., 34; Д. 21. – Л. 594, 630 об.; Д. 22. – Л. 126, 170 об.; Д. 23. – Л. 776, 873; Д. 40. – Л. 317, 350; Д. 42. – Л. 508 об., 548 об.; Д. 43. – Л. 559, 575; Д. 56. – Л. 342, 380; Д. 57. – Л. 491, 513; Д. 58. – Л. 509 об., 530; Д. 87. – Л. 501, 619; Д. 88. – Л. 524, 239; Д. 90. – Л. 490 об., 515; Д. 115. – Л. 612, 644; Д. 119. – Л. 757, 859.

количества рожденных – как это было в Преображенском приходе в 1778, 1821, 1837 гг., в Николаевском – в 1792 и 1837 гг., в Ильинском и Дмитриевском – в 1778 г., в Троицком и Богородском – в 1792 г. Иногда смертность составляла более 50% от численности родившихся жителей – в Дмитриевском в 1792, 1821 и 1837 гг., в Николаевском – в 1805 г., в Ильинском – в 1821 и 1837 гг., в Преображенском – в 1792 г. Самый же высокий показатель смертности зафиксирован в Ильинском приходе в 1843 году, когда число рожденных и умерших оказалось одинаковым.

В Европе средний коэффициент смертности составлял в первой половине XIX в. 31,1 на 1 тыс. человек.²⁶⁵ В целом в Тобольской губернии аналогичные показатели оказываются ниже. Так, например, в 1824 г. количество умерших жителей составило по губернии 27,9 на 1 тыс. чел, в 1834 г. – 29,7, в 1847 г. – 26,6.²⁶⁶ В то же время ситуация в южных округах в эти же годы складывалась разная. Самая высокая смертность была в Ишимском округе (в среднем за приведенные годы она составила 44,03 на 1 тыс. чел.), а в Тарском и Омском округах эти данные приблизительно равны (28,65 и 28,59 в среднем соответственно).²⁶⁷

Несмотря на то, что многие исследователи считают традиционно преобладающей мужскую смертность, Б.Ц. Урланис отмечает, что в XIX в. женская смертность была очень высока в силу высокой материнской смертности и непосильного труда крестьянок в условиях крепостного строя: «В возрасте от 15 до 40 лет смертность женщин в России была выше смертности мужчин, после 40 лет этот показатель уравнивался, а к 50-ти годам мужская смертность на 14% превышает женскую»²⁶⁸. Подобные выводы применимы и к сибирскому региону, несмотря на разные условия жизни по сравнению с Европейской Россией. Так, проанализированный нами половозрастной состав умерших в Тарском, Ишимском и Омском округах во второй четверти XIX в.²⁶⁹ показывает, что в целом чаще умирали мужчины. Однако, действительно, женская смертность была особенно высока в возрасте 15 – 45 лет, и именно в этот период она часто превышала мужскую

²⁶⁵ Урланис Б.Ц. Указ. соч. – С. 31.

²⁶⁶ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 103 – 104; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 472 – 476; Оп. 2. – Д. 2628. – Л. 647 – 659.

²⁶⁷ Подсчитано по: прил. 2.

²⁶⁸ Урланис Б.Ц. Указ. соч. – С. 170.

²⁶⁹ Прил. 2.

смертность. В старших возрастах почти повсеместно преобладала мужская смертность.

Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющая часть среди умерших – дети в возрасте до 15 лет. В 1824 г. на их долю приходилось 55,9%, в 1834 – 63,7%, в 1848 г. – 59,3%.²⁷⁰ Более всего умирало детей в младенческом возрасте.

Таблица 29

**Детская смертность среди населения
приходов южных уездов Тобольской губернии в 1816 г.²⁷¹**

| Названия приходов | Родилось, абс. | Умерло, абс. | Умерло детей | | | | |
|-------------------|----------------|--------------|-----------------|--------------|---------------------------------------|-----------------|--------------|
| | | | до 1 года, абс. | до 1 года, % | до 1 года по отношению к рожденным, % | до 15 лет, абс. | до 15 лет, % |
| Николаевский | 48 | 23 | 6 | 26,1 | 12,5 | – | – |
| Преображенский | 139 | 35 | 16 | 45,7 | 11,5 | 4 | 11,4 |
| Ильинский | 264 | 110 | 75 | 68,2 | 28,4 | 11 | 10,0 |
| Троицкий | 217 | 103 | 71 | 69,0 | 32,7 | 5 | 4,9 |
| Богородский | 190 | 81 | 35 | 43,2 | 18,4 | 7 | 8,6 |
| Дмитриевский | 116 | 106 | 64 | 60,4 | 55,2 | 18 | 17,0 |

В качестве примера мы использовали данные метрических книг шести приходов за 1816 г. (табл. 29). Умершие дети в возрасте до 15 лет составили в 1816 г., по данным четырех приходов (Преображенского, Ильинского, Троицкого и Дмитриевского), от 57,1 до 78,2%. При этом несколько особняком выглядели Николаевский и Богородский приходы, где детская смертность составила значительно меньшие показатели – 12,5 и 51,8% соответственно. Это связано с половозрастным и социальным составом жителей, влиявшим на общее состояние невысокой рождаемости и незначительное число детей на этих территориях.

Больше же всего умирало детей в младенческом возрасте – от 45,7 до 69,0% от общего числа умерших жителей. Показатель

²⁷⁰ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 103 – 104; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 472 – 475; Оп. 2. – Д. 2628. – Л. 647 – 659.

²⁷¹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 51. – Л. 518, 480; Д. 53. – Л. 196 – 197, 216 об. – 217; Д. 54. – Л. 154 об., 169.

младенческой смертности по отношению к рожденным в этом же году детям колеблется на территории данных приходов от 11,5 до 55,2%.

Сходную картину наблюдаем и в другие годы. Так, доля умерших детей в 1827 г. в тех же приходах в возрасте до 15 лет составила от 71 до 93%, тогда как младенческая смертность колебалась в пределах 52,4 – 70,2% от общего показателя смертности.²⁷²

Ю.А. Гагемейстер писал в середине XIX в.: «Огромное число детей умирает в малолетстве от небрежности родителей, потому что число родившихся в Сибири значительно».²⁷³ Конечно же, причинами высокой детской смертности были отсутствие врачебной помощи, недостаток медицинских знаний у населения. В отчете тобольского губернатора за 1851 г. сказано о нехватке врачей: «из 21 вакансий только 4 замещены».²⁷⁴ Сомнительно, что в иные годы складывалась более удовлетворительная ситуация в области «народного здоровья».

Причины смерти записывались церковнослужителями в метрические книги со слов самих прихожан, поэтому о них возможно составить лишь приблизительное представление. Часто в первой половине XIX в. были называемы такие болезни как «родимец, горячка, чахотка, оспа» и др. Воспользуемся свидетельствами лишь некоторых документов (табл. 30).

Таблица 30

Причины смертей (по материалам метрических книг 1813 г.)²⁷⁵

| Причины смерти | Ильинское | | Красноярское | | Такмыкское | | Логиновское | |
|----------------|-----------|------|--------------|------|------------|------|-------------|------|
| | м.п. | ж.п. | м.п. | ж.п. | м.п. | ж.п. | м.п. | ж.п. |
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 |
| Родимец | 32 | 27 | 18 | 13 | 9 | 11 | 4 | 6 |
| Чахотка | 10 | 8 | 4 | 5 | 1 | – | 2 | 1 |
| Оспа | 17 | 5 | 6 | 5 | – | – | – | – |
| После родов | – | 1 | – | 1 | – | – | – | – |
| Скоропостижно | 1 | – | 4 | – | – | – | 2 | – |

²⁷² Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 65. – Л. 559 – 560, 582 – 583; Д. 66. – Л. 282, 410; Д. 67. – Л. 207 об., 263 – 263 об.

²⁷³ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. – С. 63.

²⁷⁴ ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3126. – Л. 13об.

²⁷⁵ Там же. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 49. – Л. 473об. – 475об., 497 – 499; Д. 51. – Л. 46 – 48об., 93об. – 94.

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 |
|--------------|----|----|----|----|----|----|----|----|
| Понос | – | 1 | 7 | 5 | 8 | 4 | 6 | – |
| Горячка | 1 | 4 | 6 | 8 | 2 | 2 | – | 3 |
| Утонул | 2 | – | – | – | – | – | – | – |
| Сгорел | – | – | 1 | – | – | – | – | – |
| Удушье | – | – | – | – | 1 | 1 | – | – |
| От старости | – | – | – | – | 2 | 1 | 2 | – |
| Умерло всего | 63 | 46 | 46 | 37 | 23 | 19 | 16 | 10 |

Как видим, самая распространенная названная болезнь – родимец, от нее умирали младенцы в возрасте до одного года. Это еще раз подтверждает чрезвычайно высокую смертность грудных детей. На втором месте в этом списке – «горячка», далее – «чахотка» и «понос». В списках пострадавших от них – представители всех возрастов.

Некоторые болезни носили эпидемический характер, и местная администрация предпринимала попытки остановить их, не дать распространиться. В документах нередко упоминается о сибирской язве, от которой гибли и люди, и животные. Например, в рапорте инспектора войск Сибирской инспекции генерал-майора Лаврова Сибирскому генерал-губернатору говорится следующее: «Свирепствующая каждый год на сибирской линии... сибирская язва и ныне открылась», «к 12 июля 1807 года умерло 60 человек, лошадей и рогатого скота – 123».²⁷⁶

Распространение этой болезни связывалось с тем, что на территории Тобольской губернии было много болот и озер, где и водились возбудители этой болезни: «Сибирская язва... происходит от насекомых, которые еще неизвестны... Чем лето жарче, чем более дожди перепадают, тем изобильней бывают насекомые. Коль же скоро ночи начнут быть холодны, что вредит насекомым, тогда... язва исчезает».²⁷⁷ Отчеты представляют и ход самой болезни, которая «распространяется после укуса в течение четырех суток, при том все тело раздувается, дыхание крайне затруднено, а потом прекращается жизнь страждущего».²⁷⁸

В фонде сибирского генерал-губернатора обнаружались и документы, в которых определяются меры для предотвращения сибирской язвы: земским судам после появления болезни не

²⁷⁶ Там же. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 32, 36.

²⁷⁷ Там же. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 24 – 24об.

²⁷⁸ Там же. – Л. 24об.

разрешать въезд и выезд из селения, разделить здоровый и нездоровый скот. Называются и средства для лечения: прокалывать рану, обрабатывать нашатырем, смешанным с табаком или стручковым перцем, для защиты животных периодически смазывать их составом из конопляного масла и скипидара.²⁷⁹

В 1848 г. в Тобольской губернии свирепствовала появившаяся впервые эпидемическая холера. В первые дни июля от нее умерло 86 человек, причем только в Тобольске было зафиксировано 1612 больных, из которых умерло 897 чел.²⁸⁰ Эпидемия распространилась и на Тюменский, Ишимский округа и др. Для локализации болезни местные власти создали временную больницу в Тобольске, неимущим бесплатно предоставляли лекарства из казенной аптеки. Велась просветительская работа среди населения для предотвращения распространения болезни, во всех округах Тобольской губернии были созданы специальные врачебные комитеты.²⁸¹

Особое беспокойство властей вызывали частые заболевания оспой. Так, в Ильинском приходе в 1813 г. от оспы умерло 22 человека (всего умерших – 109), в Троицкой церкви отмечено 11 подобных случаев (из 83).²⁸² Для сокращения смертности от оспы правительство стремилось распространить оспопрививание на территории всей Российской империи. В Сибири первый подобный опыт относится к 1771 г., когда было привито 69 человек, взрослых и малолетних.²⁸³ Однако очевидно, что успеха подобные мероприятия не имели, и население относилось к ним настороженно из-за сложившихся предрассудков. Поэтому власти были озабочены внедрением оспопрививания.

Для агитации пытались использовать церковь: духовенство призывали во времена больших церковных праздников называть имена всех выздоровевших после прививки от оспы, показывать этих людей. Чиновники неустанно подчеркивали: «Наблюдения показывают, что от оспы умирает каждый седьмой ребенок, но ни разу не умер привитый!» Для усиления надзора предлагалось создавать специальные комитеты в губернских городах, которые должны были учитывать всех родившихся детей и контролировать, чтобы все они были привиты, составлять ведомости об

²⁷⁹ Там же. – Л. 25 – 32.

²⁸⁰ Там же. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 2543. – Л. 10 – 12 об.

²⁸¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 2543. – Л. 10 – 12 об.

²⁸² Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 49. – Л. 463 – 485.

²⁸³ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – С. 568.

оспопрививании.²⁸⁴ Для успеха дела перечислялись также следующие меры: показывать прививание оспы во всех училищах, учить прививанию повивальных бабок, издавать сочинения о прививании.

В дальнейшем сведения о прививании оспы стали включаться и в губернаторские отчеты. Сопоставление количества рожденных и привитых от оспы показывает, что и в последующие десятилетия это соотношение ни разу не составило даже 50%. Например, в 1807 г. в Тобольской губернии «сим спасительным средством» (оспопрививанием – Н.К.) воспользовались 1/8 от всех рожденных, в 1808 г. – менее 1/6 от рожденных».²⁸⁵ И хотя к середине XIX в. ситуация сдвинулась, но все же оставляла желать лучшего: в 1851 г. родилось 66 776 душ обоего пола (д.о.п.), а оспа была привита 23 574 детям,²⁸⁶ что составило 35,3% от всех рожденных. К тому же, если «в городах дело осуществлялось более успешно, то в округах эта операция совершается неудовлетворительно как по нерасположению населения, так и по недостатку числа оспопрививателей».²⁸⁷

Сказывалась острая нехватка врачей, поэтому начальником МВД в 1839 г. даже было предложено Священному синоду обучать оспопрививанию воспитанников семинарий. Для этого предполагалось за счет казны отправлять воспитанников из сибирских епархий (по 4 человека из Иркутской и Тобольской семинарий) в Санкт-Петербургское и Московское отделения Медико-хирургической академии. Высказывалось мнение, что таковые врачи, будучи «привязанными» к Сибири узами родства и привычкою к тамошним обычаям, охотно возвратятся на родину и долговременною службою вознаградят правительство в употребленных на образование их издержек.²⁸⁸ На это последовал ответ о невозможности делать прививки священникам, т.к. «это отняло бы слишком много времени, несовместимо с основной деятельностью лиц духовного звания, ибо связано с пролитием крови и может ухудшить взаимоотношения с прихожанами, которые негативно относятся к оспопрививанию».²⁸⁹

Помимо разного рода болезней и эпидемий, значительно влияла на уровень смертности доля умерших среди ссыльных и переселенцев, особенно в первые годы их нахождения в Сибири. Мы

²⁸⁴ ГУОО ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 169. – Л. 3 – 4.

²⁸⁵ Там же. – Л. 3.

²⁸⁶ Там же. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3126. – Л. 14об., 16об.

²⁸⁷ Там же. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3126. – Л. 14об.

²⁸⁸ РГИА. – Ф. 796. – Оп. 445. – Д. 674. – Л. 4.

²⁸⁹ Там же. – Л. 7 – 9.

уже писали, что многие из прибывавших умирали еще в пути из-за невзгод и многочисленных трудностей. Но и на новом месте многие ссыльные и переселенцы-крестьяне умирали, особенно в первые годы после переезда.

В отчете о прибывших в Сибирь ссыльных в 1828 г. сказано, что из 2 487 мужчин умер 441 (17,73%), а из 621 женщины – 74 (11,92%).²⁹⁰ В сравнительной «Ведомости смертности, бывшей между переселенцами в Тобольской губернии за 1824 – 1846 гг.» приводятся данные, что в первый год пребывания в Сибири умерло 6,6% прибывших крестьян, во второй год – 0,2%, в третий и четвертый – по 0,4%. В последующие годы происходит спад уровня смертности среди переселенцев, а составители ведомости подчеркивают, что во все годы «смертность была от болезней не заразительных, а обыкновенных».²⁹¹

Еще одной причиной высокой смертности постоянно оставалось то, что на территории Тобольской губернии остро ощущался недостаток медицинских учреждений. В 1852 г. в губернаторском отчете записано, что во всех городах губернии было 9 больниц, а в округах – всего 3.²⁹² Да и на медицинские нужды выделялось мизерное количество средств – всего 0,5% от всех расходов в губернии.²⁹³

Таким образом, несмотря на стремление властей снизить распространение заболеваний и тем самым уменьшить смертность, очевидно, что принимаемые меры были явно недостаточны. Все-таки, несмотря на то, что на протяжении всего исследуемого нами периода мы не наблюдали тенденции к сокращению смертности среди жителей южных уездов Тобольской губернии, и она сохранялась высокой в первую очередь за счет большой детской смертности, а также как результат отсутствия медицинских учреждений и врачебной помощи, но естественный прирост оставался значительным. Это было характерным явлением для всех десятилетий конца XVIII – первой половины XIX вв.

²⁹⁰ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 706. – Л. 21.

²⁹¹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 2392. – Л. 59 – 60.

²⁹² Там же. – Д. 3315. – Л. 183, 193.

²⁹³ Там же. – Л. 193.

*Соотношение естественного прироста и внешнего притока
населения в увеличении численности жителей южных уездов
Тобольской губернии*

Итак, увеличение численности населения как в целом по Сибири, так и ее южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв., происходило за счет естественного прироста и внешнего притока, включавшего, в свою очередь, водворение ссыльных и добровольных переселенцев. Помимо этого, осуществлялся отток жителей в другие регионы, а мужское население выбывало еще и вследствие необходимости выполнения рекрутской повинности. Как мы уже могли убедиться, процессы, оказывавшие влияние на формирование населения, нашли отражение во многих исторических исследованиях. В то же время важно установить соотношение названных составных частей в общем росте населения.

Косвенным образом найти ответ на поставленный вопрос пытались еще историки XIX в. В «Историческом обозрении Сибири» П.А. Словцова сказано, что численность населения возрастала «за счет естественного детородства, притока преступников, бродяг и переселенцев».²⁹⁴ При этом автор уделял внимание лишь механическому притоку жителей и не затрагивал вопрос о естественном движении населения. Другой исследователь XIX в., Н.М. Ядринцев, освещал миграционные процессы, происходившие на территории Сибири, описывая передвижение сюда ссыльных, вольных переселенцев из числа государственных крестьян и беглых. При этом Н.М. Ядринцев не признавал колонизационного значения ссылки: «Увеличение населения Сибири путем ссылки ничтожно».²⁹⁵ Ю.А. Гагемейстер, на основе данных, извлеченных из отчетов губернаторов, казенных палат, ведомостей из Тобольской епархии, указал количество рожденных и умерших жителей, ссыльных и переселенцев в Тобольской губернии в первой половине XIX в., но в его труде отсутствовали выводы о соотношении этих показателей, влиявших на высокий прирост населения.²⁹⁶

Не было оставлено без внимания исследование процессов формирования населения Сибири и в трудах советских историков. А.Г. Рашин, анализируя развитие населения Российской империи с

²⁹⁴ Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. – С. 567.

²⁹⁵ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – С. 250.

²⁹⁶ Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. – Ч. 1 – 2.

1811 по 1913 гг., уделил много внимания рассмотрению вопросов естественного движения, в том числе и на территории Сибири. Как писал ученый, «темпы роста населения Сибири превышали соответствующие темпы по европейским губерниям России, что явилось следствием переселенческого движения».²⁹⁷ Р.М. Кабо подчеркивала, что в первой половине XIX в. происходило увеличение сельского населения Сибири по сравнению с городским, а обусловлено это было тем, что именно в сельскую местность шел основной приток жителей, тогда как городское население росло за счет естественного прироста.²⁹⁸ По мнению М.М. Громыко, несмотря на высокий естественный прирост в целом по Западной Сибири в XVIII в., он не играл все же важной роли, поскольку перекрывался оттоком населения из региона.²⁹⁹

Таким образом, отмечая наличие различных факторов в формировании населения Сибири, многие историки обращались главным образом к миграционным процессам и считали, что именно они оказывают определяющее влияние на формирование населения края.

Важный вывод о соотношении двух факторов увеличения числа населения – естественного прироста и миграций – сделал В.К. Яцунский: «рост численности населения в колонизируемых районах выше»,³⁰⁰ причем происходил он не столько за счет миграционных процессов, сколько в результате более высокого естественного прироста. В ряде работ В.М. Кабузана отмечается, что для Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. был характерен повышенный прирост населения, при этом на долю естественного прироста приходилось примерно около 70%. Делая подобный вывод, автор ссылаясь на работы А.Д. Колесникова, в которых характеризовались указанные процессы.³⁰¹

Как писал А.Д. Колесников, «на протяжении всего периода увеличение населения шло за счет естественного прироста, только в периоды наивысшего заселения лесостепных уездов (Омского и Каинского в 1763 – 1782 гг.) внешний приток превышал естественный

²⁹⁷ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. – С. 68.

²⁹⁸ Кабо Р.М. Города Западной Сибири. – С. 154 – 155.

²⁹⁹ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке... – С. 17, 23, 104.

³⁰⁰ Яцунский В.К. Изменения в размещении Европейской России в 1724 – 1916 гг. – С. 207.

³⁰¹ Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока; Он же. Народы Сибири в XVIII веке; Он же. Народы России в первой половине XIX века.

прирост». ³⁰² В своей монографии он приводил множество примеров, подтверждающих этот вывод. Так, в Ишимском уезде с 1763 по 1782 гг. население увеличилось на 8 114 м.д., при этом 3/4 дал естественный прирост, а 1/4 – внешний приток (переселенцы – около 5 тыс. и ссыльные – 2 200 м.д.). В то же время из Ишимского уезда выбывало население: приблизительно 3 500 переселенцев и 1 100 м.д. отдано в рекруты. ³⁰³ По Тобольской губернии с 1847 по 1861 гг. 73% приходится на естественный прирост, 14% – на приток переселенцев и 13% – на ссыльных. ³⁰⁴

В губернаторских отчетах середины XIX в. также есть упоминания о том, что увеличение населения имело разные составляющие: «во-первых, из-за прибыли родившихся против числа умерших, во-вторых, от переселения из внутренних губерний государственных крестьян, в-третьих, от вступивших вновь ссыльных». ³⁰⁵ В этой фразе обращает на себя внимание то, что, перечисляя различные причины прироста, губернатор на первое место ставит высокую рождаемость. Каков же в действительности был удельный вес этих факторов, оказывавших влияние на формирование населения южных уездов Тобольской губернии?

Исповедные ведомости и метрические книги позволяют оценить общее количество православного населения и влияние естественного прироста на его формирование на территории отдельных приходов. В Богородском приходе (Омский уезд) естественный прирост в конце XVIII в. составлял ежегодно в среднем 1,3%. ³⁰⁶ В конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII в. исповедные ведомости неоднократно фиксировали уменьшение численности жителей прихода (в 1789, 1791, 1792 гг.). На протяжении остальных лет прирост населения был незначителен. Начиная с 1793 г., численность жителей здесь стала расти, главным образом, за счет внешнего притока. К примеру, в 1793 г. показатели общего увеличения населения и его естественного прироста составляли 1,5 и 0,4%, соответственно, в 1796 г. – 6,3 и 1,5%. Следовательно, можно говорить о том, что в конце XVIII века

³⁰² Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – нач. XIX вв. – С. 380.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же. – С. 384 – 385.

³⁰⁵ ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3146а. – Л. 1об.

³⁰⁶ Здесь и далее подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 237 – 278; Д. 17. – Л. 235 – 275; Д. 18. – Л. 351 – 392; Д. 21. – Л. 226 – 256; Д. 25. – Л. 505 – 535; Д. 29. – Л. 105 – 139; Д. 41. – Л. 209 – 252.

миграционные процессы оказывали важную роль на формирование населения в Богородском приходе, и в некоторые годы естественный прирост играл второстепенное значение. В целом же естественный прирост на данном этапе оставался высоким на фоне небольшого среднегодового прироста (0,6%) на территории данного прихода.

На территории Дмитриевского прихода (Омский уезд) в конце XVIII в. также происходило увеличение населения. При этом выделялось несколько лет, когда большой удельный вес имел механический прирост жителей по сравнению с естественным приростом (среднегодовой показатель которого составил с 1788 по 1801 гг. 1,7%).³⁰⁷ Это 1791 – 1792 и 1796 гг., когда естественный прирост составлял только 20 – 40% от общего прироста населения. В 1793 – 1794 гг. часть крестьян переехала в другие деревни, причем наиболее значительными эти миграции стали в 1794 г., когда произошло сокращение жителей прихода почти на 7%. В целом же на территории Дмитриевского прихода, за исключением названных лет, естественный прирост занимал первое место в приросте населения.

Ранее мы уже подробно рассматривали, как происходили миграционные процессы на территории Тарского уезда в конце XVIII – первой половине XIX в. Исповедные ведомости позволяют оценить роль этих процессов в складывании населения Преображенского и Николаевского приходов.³⁰⁸ Как уже отмечалось, на территории данных приходов в конце XVIII в. происходило сокращение общей численности населения вследствие оттока крестьян (в 1790, 1792, 1795 и 1797 – 1799 гг.). Естественный прирост на протяжении всех лет оставался высоким (в среднем 2,7% в Преображенском и 1,8% в Николаевском приходе), и в те годы, когда население приходов увеличивалось, а не сокращалось, именно естественный прирост играл определяющую роль в данном процессе.

³⁰⁷ Здесь и далее подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 13. – Л. 156 – 234 об.; Д. 17. – Л. 169 – 233; Д. 18. – Л. 286 – 349; Д. 21. – Л. 205 – 225; Д. 25. – Л. 483 – 504; Д. 29. – Л. 366 – 387; Д. 41. – Л. 394 – 411.

³⁰⁸ Здесь и далее подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 14. – Л. 164 – 183, 212 – 243; Д. 19. – Л. 89 – 110, 115 – 145, 462 – 486 об., 487 – 512; Д. 22. – Л. 108 – 130, 131 – 160, 431 – 498 об., 503 – 535; Д. 26. – Л. 112 – 139, 167 – 197; Д. 28. – Л. 114 – 142, 174 – 214, 481 – 505, 541 – 571; Д. 32. – Л. 119 – 149, 181 – 225, 521 – 547, 603 – 639; Д. 36. – Л. 106 – 130, 211 – 249, 463 – 487, 545 – 574; Д. 40. – Л. 818 – 842, 914 – 945.

На территории Ильинского прихода³⁰⁹ (Ишимский уезд) в конце XVIII в. среднегодовой естественный прирост составлял 1,5%. Численность населения при этом постоянно менялась. В 1788 – 1789 и 1792 гг. в результате оттока жителей она уменьшилась. В остальные же годы происходило увеличение населения, осуществлявшееся за счет естественного прироста, игравшего наибольшее значение по сравнению с механическим притоком населения. И только в течение трех лет – 1793, 1794 и 1795 гг. – было зафиксировано преобладание внешнего притока жителей, на долю которого пришлось более 80% над естественным приростом в общем увеличении населения.

Троицкий приход (Ишимский уезд) зарегистрировал увеличение общей численности его населения за счет естественного прироста (его среднегодовой показатель равен 2,5%), за исключением 1789 – 1791 гг., когда большой «наплыв» новых жителей привел к приросту на 51,7% и естественный прирост был перекрыт внешним притоком.³¹⁰

Таким образом, сводные данные о численности населения по исповедным ведомостям и информация метрических книг об естественном движении населения позволяют сделать вывод, что естественный прирост и внешний приток в конце XVIII в. играли неодинаковую роль в общем росте населения названных приходов. Естественный прирост повсеместно оставался высоким на данном этапе, и лишь в отдельные годы внешний прирост превосходил его в результате усиления миграционных процессов.

Ревизские сказки являются источником, который позволяет не только определить изменение численности населения в конце XVIII – первой половине XIX вв., но и установить влияние различных условий на его формирование. Как уже подчеркивалось ранее, число жителей увеличивалось неодинаково на разных территориях Тобольской губернии: для старозаселенных уездов характерны замедленные темпы роста народонаселения, во вновь осваиваемых лесостепных – повышенные, но в целом рост народонаселения шел равномерно в пределах естественного роста.

³⁰⁹ Здесь и далее подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 1294 – 1351; Д. 12. – Л. 277 – 368; Д. 16. – Л. 293 – 376 об.; Д. 20. – Л. 599 – 661 об.; Д. 23. – Л. 730 – 776; Д. 24. – Л. 525 – 576; Д. 27. – Л. 484 – 525; Д. 30. – Л. 437 – 489; Д. 34. – Л. 518 – 597; Д. 39. – Л. 549 – 596.

³¹⁰ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 1410 – 1499; Д. 12. – Л. 369 – 461; Д. 16. – Л. 379 – 470; Д. 20. – Л. 663 – 749; Д. 23. – Л. 777 – 874; Д. 24. – Л. 577 – 627; Д. 27. – Л. 526 – 609; Д. 30. – Л. 489 – 538; Д. 34. – Л. 597 – 641; Д. 35. – Л. 600 – 649; Д. 39. – Л. 596 – 651.

**Рост численности мужского населения южных уездов Тобольской губернии
во второй половине XVIII – первой трети XIX вв.³¹¹**

| Ревизия | Тарский уезд | Ишимский уезд | Омский уезд |
|------------------------|--------------|---------------|-------------|
| III ревизия (1763 г.) | 10 620 | 12 658 | 2 442 |
| IV ревизия (1782 г.) | 13 156 | 23 862 | 9 847 |
| V ревизия (1795 г.) | 15 035 | 35 632 | 13 242 |
| VII ревизия (1816 г.) | 18 819 | 45 632 | 22 350 |
| VIII ревизия (1834 г.) | 24 340 | 54 026 | 32 874 |

В табл. 31 предоставлены сведения о численности мужского податного населения на территории трех южных уездов Тобольской губернии – Тарского, Ишимского и Омского с 1763 по 1834 гг. Очевидно, что в каждом из этих уездов происходило постоянное увеличение численности жителей, однако прирост этот был неодинаков в разные периоды.

В табл. 32 мы поместили результаты подсчетов среднегодового прироста между ревизиями на данных территориях.

**Среднегодовой прирост мужского населения южных уездов
Тобольской губернии во второй пол. XVIII – первой трети XIX вв.**

| Период | Тарский уезд | Ишимский уезд | Омский уезд |
|-----------------------|--------------|---------------|-------------|
| С III по IV ревизию | 1,25 | 4,45 | 15,96 |
| С IV по V ревизию | 0,77 | 3,79 | 2,65 |
| С V по VII ревизию | 1,19 | 1,78 | 3,26 |
| С VII по VIII ревизию | 1,63 | 1,71 | 2,61 |

Как следует из приведенных данных, темпы роста населения в южных уездах Тобольской губернии были неравномерными, особенно во второй половине XVIII в. Для Тарского уезда характерны замедленные темпы роста (от 0,77 до 1,63% в год), поскольку здесь отдельные районы заселялись и вместе с тем часть жителей выбывала на новые земли. Общее же увеличение населения происходило главным образом за счет естественного прироста, который в среднем составлял по уезду 2,1% ежегодно. На территории Ишимского и

³¹¹ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 156. – Оп. 20. – Д. 45. – Л. 36, 173, 211; Д. 46. – Л. 41, 116, 200; д. 47. – Л. 128, 256, 390.

Омского уездов идет оседание переселенцев и водворение ссыльных, поэтому их население между III и V ревизиями росло темпами, значительно превышающими естественный прирост. В Ишимском уезде общий прирост колебался от 3,79 до 4,45%, а в Омском – от 2,65 до 15,96% ежегодно. В то же время естественный прирост равнялся в Ишимском уезде около 2,4% в год, в Омском – 2,3%. Это означает, что главным условием, влиявшим на формирование населения этих двух уездов во второй половине XVIII в. был механический приток жителей, а естественный прирост находился на втором месте.

В целом темпы роста были высокими в 1763 – 1782 гг. за счет водворения ссыльных и притока переселенцев, начали снижаться они после 1782 г. Всего к 1782 г. в Сибири насчитывалось 29 108 м.д. поселщиков – ссыльных в счет рекрут, из них в Омском уезде было размещено 3 088 м.д. (10,6%), в Тарском – 1 300 м.д. (4,5%), а в Ишимском – 1 945 м.д. (6,7%).³¹²

С конца XVIII в. приток переселенцев продолжался только в Омский уезд, поэтому в нем и в 1795 – 1834 гг. внешний приток занимает по-прежнему ведущее значение по сравнению с естественным приростом. На остальных территориях комплектование населения Западной Сибири закончилось и после проведения V ревизии увеличение численности жителей продолжалось в пределах естественного прироста.

Ревизские сказки позволяют представить подробную картину соотношения составных частей прироста населения на примере отдельных населенных пунктов.

В своем исследовании мы использовали данные только о численности мужского населения, поскольку ревизские сказки предоставляют эти сведения в наиболее полном объеме, нежели о женском населении. Как следует из подсчетов, приведенных в табл. 33, соотношение различных составных частей, определявших среднегодовое движение населения села Логиновского в 1782 – 1850 гг., было неодинаковым на разных этапах.

С 1782 по 1795 гг. происходило сокращение населения Логиново. Ежегодно оно уменьшалось в среднем на 1,84%. Большое влияние на формирование данного показателя оказывал отток крестьян-переселенцев. Ранее мы уже подробно рассматривали миграционные

³¹² Колесников А.Д. Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства // Проблемы истории советского общества Сибири. – Новосибирск, 1970. – Вып. 2. – С. 116.

процессы, происходившие в эти годы на территории села Логиновского. В среднем из села выбывало ежегодно 1,60% д.м.п. Помимо этого, 0,51% мужского населения отправлялось в рекруты. Естественный прирост и прибывавшие переселенцы, составлявшие соответственно в среднем 0,23 и 0,04% ежегодно, не перекрывали значительного оттока населения из Логиновского на данном этапе. Поэтому с 1782 по 1795 гг. количество жителей села не росло, а уменьшалось.

Таблица 33

**Среднегодовое движение населения (д.м.п.)
с. Логиновское с 1782 по 1850 гг. (%)³¹³**

| Период | Общий прирост | Увеличение населения | | | Сокращение населения | |
|-------------|---------------|----------------------|----------------------|------------------|----------------------|----------------------|
| | | Естественный прирост | Прибыло переселенцев | Прибыло ссыльных | Выбыло переселенцев | Отправлено в рекруты |
| 1782 – 1795 | – 1,84 | 0,23 | 0,04 | – | 1,60 | 0,51 |
| 1795 – 1812 | 0,70 | 0,87 | 0,41 | 0,29 | 0,58 | 0,29 |
| 1812 – 1834 | 2,02 | 0,16 | 0,93 | 1,09 | 0,04 | 0,12 |
| 1834 – 1850 | 1,64 | 0,54 | 0,42 | 1,07 | 0,04 | 0,35 |

Между V и VI ревизиями на территории села происходило увеличение населения. В среднем ежегодно оно росло на 0,7% в течение 17 лет (с 1795 по 1812 гг.). Общий прирост складывался из естественного прироста (0,87%), прибывших переселенцев (0,41%) и ссыльных (0,29%). Таким образом, население Логиновского увеличивалось в эти годы главным образом за счет высокой рождаемости. Внешний приток находился на втором месте. На данном этапе происходило и сокращение числа жителей: выбывшие в другие населенные пункты составили 0,58% мужского населения, а в рекрутах оказалось 0,29% мужчин. В целом отток населения из Логиновского с 1795 по 1812 гг. несколько превышал его приток, а значит, можно говорить о том, что увеличение населения происходило за счет естественного прироста.

³¹³ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 643. – Л. 1 – 35.

С 1812 по 1834 гг. численность душ мужского пола в Логиновском увеличивалась наиболее быстрыми темпами – в среднем на 2,02% в год. Основную составляющую часть этого показателя давало большое количество ссыльных (1,09%), добровольных переселенцев (0,93%). На долю естественного прироста приходилось 0,16%. Выбывшие жители состояли из переселенцев (0,04%) и рекрутов (0,12%).

С XVIII по IX ревизии население Логиновского возрастало на 1,64% ежегодно. Как и на предыдущем этапе, это увеличение шло главным образом за счет механического прироста – на долю ссыльных приходилось 1,07%, добровольных переселенцев – 0,42% мужского населения. Естественный прирост в это время составлял примерно 1/3 от общего роста населения. Убыль населения в 1834 – 1850 гг. происходила в результате переездов крестьян в другие населенные пункты (0,04%) и отправки мужчин в рекруты (0,35%).

Следовательно, с 1812 по 1834 гг. и с 1834 по 1850 гг. соотношение различных составных частей, влиявших на численность жителей Логиновского, зависело в первую очередь от водворенных ссыльных и переселенцев и в меньшей степени от естественного прироста, который уравнивался в своих показателях с числом выбывших из села крестьян.

Рассмотренный процесс движения населения на территории Логиновского с 1782 по 1850 гг. позволяет сделать вывод о том, что увеличение жителей происходило в разные годы в зависимости от разных факторов. Если в конце XVIII – начале XIX вв. это было в первую очередь естественное движение населения, то, начиная с 1812 по 1850 гг. основной составляющей явился внешний приток жителей в село. В целом в первой половине XIX в. в Логиновском появляется 46 д.м.п. ссыльнопоселенцев. Общее количество жителей села увеличилось с 1795 по 1850 гг. на 105 д.м.п.³¹⁴

Сходные с Логиновским процессы наблюдались на территории других обследованных нами населенных пунктов. В период между IV и V ревизиями происходило либо сокращение их населения, либо его незначительный прирост. Так, в Такмыцкой слободе количество жителей сокращалось в среднем в эти годы на 0,63%, а в Бетеинском увеличивалось всего лишь на 0,12% ежегодно.³¹⁵ Притока ссыльных в

³¹⁴ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144,653.

³¹⁵ Здесь и далее подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189 – 224 об.; Д. 49. – Л. 501 – 151 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 286. – Л. 1 – 13 об.;

эти годы не происходило, а отток жителей из этих сел существенно превосходил число прибывших добровольных переселенцев. К тому же в Такмыцкой слободе незначительным оказался естественный прирост (0,24% в год), что и повлияло в конечном итоге на общее сокращение жителей в слободе между 1782 и 1795 гг. На территории Бетеинского в эти же годы естественный прирост был более высок (в среднем 1,43%), что и привело хоть к незначительному, но увеличению общей численности населения, несмотря на большое количество выехавших из села.

В последующие годы происходило непрерывное увеличение числа жителей, причем главным образом за счет естественного прироста. На втором месте находился приток ссыльных, и он неуклонно возрастал с 1795 по 1850 гг. как в Такмыцкой слободе, так и в Бетеинском. Например, в Такмыке население выросло за период с 1782 по 1834 гг. более чем на 330 д.м.п., а количество сосланных составило примерно четвертую часть от общего прироста населения.³¹⁶ Вновь прибывшие крестьяне составляли незначительную долю прироста жителей. Да и количество выехавших на житье в другие места превосходило число новоселов, приехавших жить сюда с 1795 по 1812 гг. Впоследствии сложившееся соотношение составных частей естественного прироста и внешнего притока в Такмыке и Бетеинском будет сохраняться. При этом отток крестьянского населения прекратился, поскольку процесс освоения практически всех территорий Тобольской губернии подошел к своему завершению. Но постоянно происходили рекрутские наборы, которые в среднем ежегодно сокращали мужское население рассматриваемых сел на 0,6%.

Анализ сведений, содержащихся в губернаторских отчетах по Тарскому округу, позволил нам получить следующую демографическую картину, сложившуюся во второй четверти XIX в.³¹⁷ Общая численность жителей округа возросла на 47,3% (в 1824 г. она составила 40 444 чел., в 1852 г. – 76 743 чел.). Однако сам процесс роста происходил в эти годы неравномерно. Максимальным он был в 1834 г. (17,22%) и 1850 г. (17,04%). Значительным оставалось увеличение населения в 1851 году (5,22%). К тому же, в 1829 и 1851

Д. 298. – Л. 113 – 128; Д. 360. – Л. 1 – 40; Д. 458. – Л. 305 – 373; Д. 535. – Л. 1 – 29; Д. 648. – Л. 1 – 62.

³¹⁶ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189 – 224 об.; Д. 458. – Л. 305 – 373.

³¹⁷ Приложение 1.

гг. общий прирост превышал естественный (соответственно составлявший 1,18 и 1,89%).

В остальные годы мы наблюдаем превышение естественного прироста над общим ростом населения. В 1830 г. разница между этими двумя показателями составила 0,02%, в 1831 г. – 2,04%, в 1836 г. – 2,78%, в 1837 г. – 0,9%, в 1848 г. – 1,59%, в 1849 г. – 1,48%. И в течение трех лет население округа не увеличивалось, а уменьшалось: в 1835 г. оно сократилось на 0,02%, в 1847 г. – на 0,70%, в 1849 г. – на 1,65%. Происходило это отнюдь не вследствие сокращения рождаемости, т.к. естественный прирост в эти два года оставался достаточно высоким (1835 г. – 2,45%, 1847 г. – 2,97%, 1848 г. – 3,13%), а в результате оттока населения за пределы округа. Как мы видим, в целом для формирования населения Тарского округа в 30 – 40-е гг. XIX в. характерным был значительный естественный прирост, превышающий общий рост численности жителей региона.

Как уже отмечалось, одним из источников механического увеличения населения являлся приток ссыльных. В губернаторских отчетах приводятся общие данные об их поступлении в Западную Сибирь и Тобольскую губернию в течение года, но не показан порядок их распределения по округам. Конечно, это не дает возможности говорить о числе вновь прибывших ссыльных и членов их семей на территорию каждого округа, но мы можем руководствоваться общими сведениями, которые названы в указанном источнике для того, чтобы сделать вывод об общем количестве жителей данной категории. При этом необходимо учитывать, что ссыльные в течение года не только «прибывали вновь» (присылались новые, у них появлялось потомство), но и «убывали» (их перемещали в другие разряды, некоторые бежали или умирали). С учетом всех этих изменений мы можем представить влияние изменения общего числа ссыльных и членов их семей на количество населения определенной территории.

В целом за период с 1829 по 1852 гг. общее количество ссыльных на территории Тарского округа увеличилось на 64,91% (с 2034 до 5795 чел.).³¹⁸ Но это увеличение не было поступательным на протяжении всего периода. Так, в 1829 г. общее число ссыльных уменьшилось на 58 человек или на 2,85%, по сравнению с их количеством в начале этого же года. Аналогичная ситуация сложилась и в 1834 г., когда был зафиксирован значительный рост

³¹⁸ Там же.

населения, но вот число ссыльных и членов их семей сократилось на 18,92%. Таким образом, можно говорить о том, что механический прирост населения, имевший место в эти два года на территории Тарского округа, происходил за счет добровольных переселенцев, а не за счет помещения здесь ссыльных.

Количество ссыльных сокращается в 1836 г. (на 8,29%) и в 1847 г. (на 9,95%). Однако в эти годы ситуация с развитием механического прироста на территории Тарского округа складывалась неблагоприятная, поскольку в 1836 г. он «перекрывался» показателями естественного прироста, а в 1847 г. вообще была отмечена убыль населения. По-видимому, уменьшение общего количества ссыльных сыграло определенную роль в движении населения. Однако мы можем лишь констатировать сам факт, а причин уменьшения численности ссыльных на территории Тарского округа лишь на основании губернаторских отчетов мы установить не имеем возможности.

Все же в большинстве своем количество ссыльных в Тарском округе имело тенденцию к увеличению. Максимальным этот рост оказывается в 1831 г. (на 22,87%). В 1837 г. их численность возросла на 21,61%, в 1849 г. – на 22,89%, в 1848 г. – на 16,3%, в 1850 – 1851 гг. – на 20,32%. Таким образом, именно в эти годы увеличение количества ссыльных и членов их семей в Тарском округе оказало определенную роль в общем росте населения на данной территории. Однако не следует преувеличивать значимость этой роли, поскольку в указанные годы отмечается превышение естественного прироста над общим ежегодным увеличением населения. Исключение составляют 1850 и 1851 гг. В это время доля естественного прироста составляет 15,6 и 36,2% от общего увеличения населения. Но связано это было не только с ростом количества водворяемых ссыльных, а еще и с тем, что именно в эти годы в Тарском округе было размещено значительное количество переселенцев из числа государственных крестьян. Так, в 1851 г. сюда прибыло 1 019 переселенцев,³¹⁹ что составило 1,4% от общей численности жителей округа. Всего же в Тарском округе было зафиксировано 3 896 переселенцев из государственных крестьян с 1846 по 1855 гг.

По данным из Тобольской губернии, население Ишимского округа с 1824 по 1852 гг. возросло с 82 074 до 181 677 чел. (на 54,82%). Однако и на территории Ишимского округа население

³¹⁹ Ядринцев Н.М. Указ. соч. – С. 462.

увеличивалось неравномерно на протяжении всех этих лет. Так, за 1829 – 1832 гг. население возросло на 0,35%, за 1834 – 1838 гг. – на 23,64%, за 1847 – 1852 гг. – на 19,34%.³²⁰ При этом выделяются годы, когда происходило не увеличение, а, напротив, сокращение населения (1829, 1831, 1836 гг.). Наибольший прирост наблюдается в 1834 г. (на 29,78%) и в два года, следовавших за 1850 г. (на 14,94%). Однако, по-видимому, это значительное увеличение населения связано не столько с приростом, как механическим, так и естественным, сколько с XVIII и IX ревизиями, проводимыми именно в эти годы (в 1834 и 1850 гг.), показавшими подлинную картину численности жителей. В остальные же годы ежегодный прирост колебался от 0,35 до 4,43%.

Естественный прирост населения, составлявший на данном этапе в Ишимском округе от 1,35 до 2,70%, оставался традиционно высоким. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в 1829, 1831 и 1836 гг., когда отмечалось общее сокращение численности населения, связано это было с оттоком этого населения из Ишимского округа. Приток же населения на данной территории происходил наиболее быстрыми темпами в течение 1834, 1847, 1849 и 1850 гг., когда данные общего прироста превышали показатели естественного прироста населения. В остальные годы увеличение населения округа шло главным образом за счет высокой рождаемости.

Рассмотрим процесс изменения численности ссыльных и членов их семей на территории Ишимского округа.³²¹ По сведениям из губернаторских отчетов, общее число ссыльных, находившихся в округе с 1829 по 1852 гг., возросло в 14,09 раз (с 657 до 9260 чел.). Наибольшими темпами количество ссыльных увеличилось с 1847 по 1852 гг. – на 15,49%. В то же время на протяжении трех лет общая численность ссыльных уменьшалась: в 1830 г. – на 31,39%, в 1834 г. – на 11,81%, в 1836 г. – на 10,33%. Таким образом, приток ссыльных оказал некоторое влияние на увеличение численности населения Ишимского округа. Особенно заметным он был в 1829, 1831, 1837, 1847 гг. Однако, как и при рассмотрении аналогичных данных по Тарскому округу, мы не можем сделать вывод о том, что именно этот источник пополнения населения выходит на первое место в округе среди других в эти годы, поскольку губернаторские отчеты не предоставляют нам такой возможности, не отражая общего количества сосланных на данную территорию.

³²⁰ Приложение 1.

³²¹ Там же.

Помимо ссыльных, в 30 – 40-е гг. XIX в. в Ишимском округе оседали добровольные переселенцы из числа государственных крестьян из европейских губерний России. За время осуществления реформы П.Д. Киселева в округе было размещено их наибольшее количество. Всего здесь зарегистрировано 7 224 переселенцев с 1846 по 1855 гг. (19,7% от общего числа). Наибольший поток пришелся на 1852 г., когда в округе было размещено 3 997 человек, что составило 2,2% от всех жителей Ишимского округа.

В Омском округе с 1824 по 1852 гг. число жителей увеличилось на 83,14% (с 21 424 до 127 082 чел.).³²² Максимальное увеличение населения произошло в 1829 г. (27,88%), 1835 г. (10,99%), 1850 г. (9,77%) и 1851 г. (10,86%). В эти, а также остальные годы, за исключением 1834, 1836, 1847 – 1848 гг., отмечается превышение показателей механического прироста населения по сравнению с естественным приростом. Это подтверждает сделанные ранее выводы о том, что Омский округ в этот период оставался колонизуемым районом и именно сюда направлялся большой поток переселенцев. Поэтому, хотя рождаемость здесь, как и на территории других округов, была высока, а в отдельные годы естественный прирост достигал 2,15 – 2,68% в год, но механический прирост все-таки перекрывал его. Следовательно, внешний приток жителей на территории Омского округа, в отличие от других рассматриваемых нами южных округов Тобольской губернии, играл значительную роль в формировании населения по сравнению с естественным приростом.

На протяжении четырех лет население на территории Омского округа не росло, а сокращалось. В 1834 г. оно уменьшилось на 2,62%, в 1836 г. – на 6,02%, в 1847 г. – на 2,27%, в 1848 г. – на 6,07%. Повторимся, что сведения за 1834 г. наиболее достоверны вследствие проведенной в этом году VIII ревизии, а значит, мы не можем однозначно утверждать, что сокращение населения произошло именно вследствие его оттока или возросшей смертности. Уменьшение же числа жителей Омского округа в оставшиеся три года – 1836, 1847 и 1848 гг. – подтверждает, что его население перемещалось и за пределы данной территории, что показывают сведения об общей численности населения. Следует отметить также, что естественный прирост в эти годы составлял соответственно 0,87, 2,04 и 2,15%. Это означает, что население округа увеличивалось за счет значительной рождаемости, однако уровень миграций за пределы

³²² Там же.

рассматриваемой территории оказывался более высоким, вследствие чего общая численность русского населения сокращалась, а естественный прирост не перекрывал подобных миграционных потоков.

В разделе губернаторских отчетов, демонстрирующем численность ссыльных, находившихся в Омском округе с 1829 по 1852 гг., отмечено увеличение этой части населения с 831 до 6 490 чел. (в 7,81 раз).³²³ Более всего ссыльных было размещено здесь во второй половине 30-х – первой половине 40-х гг. XIX в., в результате чего их количество возросло в 6,26 раз. В отдельные годы число ссыльных и членов их семей сокращалось. Наибольшее уменьшение состоялось в 1830 г. (на 12,91%), в 1834 г. (на 43,63%), в 1847 г. (на 11,79%). Подобные показатели подтверждают вывод о том, что ссылка, которая являлась одним из источников пополнения населения южных округов Тобольской губернии, не составляла все же постоянно главную его часть и на территории Омского округа.

Большая часть ссыльных направлялась в южные районы Тобольской губернии, которые располагали значительным земельным фондом. Однако ссылка дала лишь незначительное пополнение населения этой территории. Несмотря на постоянное увеличение количества ссылаемых на территорию Сибири, в середине XIX в. ссыльные и их потомки составляли в Тобольской губернии в общей сложности около 10% от всего населения.³²⁴ Поскольку многие из ссылаемых были крестьянами, ставшие жертвами феодального произвола, то, прибыв на место, они, преодолевая массу трудностей, обзаводились хозяйством, вливались в состав населения Сибири.

К старожильческому населению Ишимского, Омского и Тарского округов Тобольской губернии добавлялось ежегодно в 40 – 50-е гг. XIX в. большое количество мигрантов, как ссыльных, так и добровольных крестьян-переселенцев из малоземельных губерний Российской империи. Ведомость, сохранившаяся в Омском архиве, позволяет проанализировать соотношение в общей численности населения доли ссыльных и переселенцев в 1851 г. (табл. 34).

В 1851 г. переселенцы превосходили прибывших ссыльных в Ишимском и Тарском округах, а их численность сохранялась равной в Омском округе. Переселенцы разместились в более чем 20% волостей названных округов. При этом более всего их оказалось в Ларихинской

³²³ Там же.

³²⁴ Колесников А.Д. Ссылка и заселение Сибири. – С. 57.

(26,4%), Сладковской (18,5%), Соколовской (4,3%) и Жилияковской (3,5%) волостях Ишимского округа. В Омском округе больше всего переселенцев в 1851 г. было размещено в Серебренской (20,5%), Кулачинской (12,4%), Лузинской (4,8%) и Кабырдатской (2,7%) волостях, а в Тарском округе – в Бергамаской (31,8%), Такмыцкой (0,6%) и Викуловской (0,09%).

Таблица 34

**Распределение мигрантов в волостях
Ишимского, Омского и Тарского округов в 1851 г.³²⁵**

| Показатели | Ишимский округ | Омский округ | Тарский округ |
|--|-------------------|--------------------|-------------------|
| Всего волостей | 28 | 18 | 11 |
| Всего населения ³²⁶ (д.о.п.) | 151 325 | 88 037 | 54 629 |
| Переселенцы размещены в волостях в количестве (д.о.п.) | 6 3 825 (2,5%) | 7 1 416 (1,6%) | 3 2 837 (5,2%) |
| Ссылные размещены в волостях в количестве | 17 579 (0,4%) | 12 1 416 (1,6%) | 9 1 261 (2,3%) |

Ссылные определены более чем в 60% волостей, но значительно меньшими группами. В 1851 г. в 28 волостях Ишимского уезда прибывшие ссылные составили 0,38% от общего числа государственных крестьян, в 18 волостях Омского округа – 1,61%, в 11 волостях Тарского округа – 2,31%.³²⁷ Правительство стремилось распределять их по несколько человек в разные селения. Теперь уже не встречалось, как это было ранее, новых деревень или сел, полностью заселенных ссылными.

В целом же можно сделать вывод о том, что в общей сумме вновь прибывшие, вольные переселенцы и ссылные, составили около или немногим более 3% в Ишимском и Омском округах и 7,5% в Тарском округе в 1851 г. Таким образом, приведенные данные позволяют говорить о том, что, несмотря на увеличение потока добровольных

³²⁵ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3096. – Л. 28 – 45, 62 – 89, 273 – 292.

³²⁶ Указано только податное население.

³²⁷ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3096. – Л. 28 – 45, 62 – 89, 273 – 292.

переселенцев и ссылаемых в середине XIX в., внешний приток населения не оказывал все же решающей роли в общем увеличении населения южных округов Тобольской губернии.

Оценивая соотношение естественного прироста и внешнего притока в формировании населения Сибири, В.М. Кабузан пришел к следующим заключениям: «В 1830 – 40-е гг. общий механический прирост в Сибири составил 60% от общего прироста, причем на долю ссыльных приходилось 34,9%, а легальных переселенцев – 23,3%. В 1850-е гг. количество ссыльных сравнялось с числом легальных переселенцев».³²⁸ Однако наше исследование показывает, что подобный вывод применим лишь к развитию населения Омского округа, тогда как на территории Ишимского и Тарского округов в 30 – 40-е гг. XIX в. преобладало общее увеличение жителей за счет естественного прироста, и лишь в отдельные годы механический приток ссыльных и добровольных переселенцев перекрывал его.

Таким образом, на основании приведенных данных можно говорить о том, что, несмотря на большие потоки ссылаемых и переселенцев из числа государственных крестьян во второй четверти XIX в. в Сибирь, эти категории жителей не играли определяющей роли в формировании населения края.

Как отмечалось выше, существует еще один показатель, оказывавший влияние на развитие сибирского населения – число рекрутов от каждого округа, отправляемых на военную службу. Рекрутская повинность была введена Петром I в начале XVIII в. и стала источником постоянного оттока населения.

Ежегодная убыль мужского населения из-за рекрутской повинности в Ишимском уезде между 1782 – 1795 гг. составила примерно 4%.³²⁹ Сведения, извлеченные из ревизий, показывают, что рекрутчина приводила к сокращению мужского населения на 6% в год в конце XVIII – первой половине XIX вв. Например, в селениях Ильинской волости ситуация с 1795 по 1812 гг. складывалась следующим образом: из села Ильинского и деревни Баландиной ушли в рекруты по 7% от того количества мужчин, которые проживали здесь в начале периода, в деревнях Ельцовой, Долматовой, Малые

³²⁸ Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX вв. (1795 – 1917 гг.). – С. 28.

³²⁹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 155. – Л. 185; Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 172. – Л. 287.

Ярки, Копотиловой, Беляевой, Синициной – по 6%.³³⁰ Следовательно, ежегодно рекрутчина сокращала местное мужское население на 0,4%.

В губернаторских отчетах второй четверти XIX в. приводятся также сведения о рекрутских наборах. Поэтому мы имеем возможность проанализировать эти данные и сделать выводы о влиянии рекрутчины на развитие населения южных округов Тобольской губернии на данном этапе (табл. 35). Приведенные сведения по округам состоят из двух основных показателей – количество «отправляющих повинность» в каждом округе и число поступивших в рекрутский набор в течение года.

Таблица 35

Отправление рекрутской повинности в южных округах Тобольской губернии в конце 20-х – 30-е гг. XIX вв.³³¹

| Год | Ишимский округ | | Тарский округ | | Омский округ | |
|------|-------------------------------|------------------------|-------------------------------|------------------------|-------------------------------|------------------------|
| | Всего отправляющих повинность | Поступило в рекруты, % | Всего отправляющих повинность | Поступило в рекруты, % | Всего отправляющих повинность | Поступило в рекруты, % |
| 1827 | 39 914 | 160 (0,40) | 16 313 | 65 (0,40) | 2 919 | 12 (0,41) |
| 1829 | 39 703 | 146 (0,37) | 16 174 | 41 (0,25) | 3 209 | 13 (0,41) |
| 1830 | 39 606 | 158 (0,40) | 16 153 | 65 (0,40) | 3 269 | 13 (0,40) |
| 1831 | 39 625 | 554 (1,40) | 16 130 | 226 (1,40) | 3 369 | 45 (1,34) |
| 1835 | 52 337 | 261 (0,50) | 20 155 | 102 (0,51) | 4 549 | 24 (0,53) |
| 1840 | 57 903 | 225 (0,40) | 19 730 | 76 (0,40) | 31 938 | 124 (0,39) |

Мы подсчитали соотношение количества «отправляющих повинность» к общей численности мужского населения по обследуемым округам и установили, что больше всего «отправляющих повинность» было на данном этапе в Ишимском округе – более 90% мужского населения. В Тарском округе этот показатель превышает 60%, а в Омском – 20%. Таким образом, жители Ишимского округа могли поставлять более всего рекрутов.

³³⁰ Подсчитано по: прил. 3.

³³¹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 706. – Л. 130 – 131, 133; Д. 705. – Л. 64 – 65, 67 – 68; Д. 706. – Л. 62 – 63; Д. 708. – Л. 63 – 64; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1540. – Л. 106, 526; Оп. 2. – Д. 1994. – Л. 213.

В целом же убыль мужского населения в конце 20-х –30-е гг. XIX в. в результате рекрутских наборов колеблется в разные годы от 0,37 до 0,50% от общей численности душ мужского пола Ишимского округа, отправляющих повинность, от 0,25 до 0,51% – в Тарском округе и от 0,39 до 0,53% – в Омском округе. Самый крупный рекрутский набор был произведен в 1831 г., когда Россия готовилась ввести войска в Европу для подавления там революций. Тогда из Ишимского округа было отправлено в рекруты 1,40% мужского населения, из Тарского – 1,40%, из Омского – 1,34%. В среднем ежегодное сокращение мужского населения, которое происходило в результате рекрутских наборов, составляло около 0,6% на территории рассматриваемых нами округов.

Обращает на себя внимание и то, что Ишимский округ вообще лидирует среди других округов Тобольской губернии по количеству призываемых в рекруты. Так, в 1827 г. всего по губернии было отправлено в рекруты 869 мужчин, при этом от Ишимского округа на военную службу из этого количества рекрутов ушли 18,4% (160 чел.), от Ялutorовского – 18,3% (159 чел.), от Курганского – 17,2% (150 чел.), от Тюменского – 12,0% (104 чел.), от Тобольского – 10,1% (88 чел.), от Тарского – 7,5% (65 чел.), от Омского – 1,4% (12 чел.) и т.д.³³² Приблизительно так же распределены соответствующие показатели и в другие годы.

Следует помнить, что отправление рекрутской повинности зависело и от социального положения сибирского населения. Так, зажиточные крестьяне стремились избежать тяжелой рекрутчины для своих сыновей и переложить эту обязанность на плечи малоимущих жителей. Подобные примеры можно найти в истории практически каждого населенного пункта. В Такмыцкой слободе семья Тюменцевых отправила в рекруты 6 мужчин с 1776 по 1832 г. Из семьи Лопатиных повинность отбывали 5 человек, при этом сразу трое сыновей Михайлы Архипова стали рекрутами в 1818, 1820, 1830 гг.³³³ У Петра Тихонова Пешкова было 7 сыновей, трое из них ушли в рекруты: Данило – в 1775 г., Павел – в 1788 г., Семен – в 1794 г.³³⁴ В селе Логиновском рекрутскую повинность отбывали сразу двое сыновей Якова Иванова Ненилина – Ксенофонт (с 1785 г.) и Михайла

³³² Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 706. – Л. 130, 131.

³³³ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 458. – Л. 354.

³³⁴ Там же. – Д. 31. – Л. 201; Д. 136. – Л. 16.

(с 1811 г.). Отсюда же были отправлены в рекруты двое братьев Масловых – Никита (с 1805 г.) и Егор (с 1810 г.).³³⁵ Подобных примеров, когда из одной семьи забирали в рекруты по несколько сыновей, было множество.

Однако были и такие семьи, в которых на протяжении многих десятилетий не зафиксировано подобных событий. К примеру, в селе Бетеинском не было ни одного рекрута на протяжении 1782 – 1850 гг. в семьях Киргинцевых, Горскиных, Кайгородовых, Климышевых и некоторых других.³³⁶ Аналогичные примеры мы находим в селе Логиновском (семьи Немчиновых, Пелымсковых, Ростовцевых),³³⁷ в Такмыцкой слободе (семьи Панфиловых, Сумлениновых, Щербаковых, Разноглазовых, Зубовых и др.).³³⁸

Таким образом, налицо неравномерное распределение рекрутской повинности между различными крестьянскими семьями, связанное, по-видимому, с неодинаковым материальным положением этих крестьян.

Подведем итоги последней части нашего исследования, посвященной выявлению соотношения естественного прироста и внешнего притока в общем увеличении населения южных районов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Церковные источники (исповедные ведомости и метрические книги), проанализированные нами по группе приходов, показали, что в 80 – 90-е гг. XVIII в. естественный прирост занимал ведущие позиции в увеличении населения, по сравнению с внешним притоком, за исключением отдельных лет. Данные ревизских сказок, с помощью которых мы проанализировали изменение численности мужского населения Ишимского, Тарского и Омского уездов с 1763 по 1834 гг., свидетельствуют о неравномерности среднегодового прироста на разных этапах. Во второй половине XVIII в. этот источник фиксирует высокие темпы роста на территории Ишимского и Омского уездов, происходившие главным образом за счет бурных миграционных процессов на данных территориях. Ранее нами было установлено, что переселенцы в основном были жителями Тобольской губернии, а переезды совершались в ее пределах. В первой половине XIX века

³³⁵ Там же. – Д. 144. – Л. 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6.

³³⁶ Там же. – Д. 49. – Л. 501 – 515 об.; Д. 286. – Л. 1 – 13 об.; Д. 535. – Л. 1 – 29.

³³⁷ Там же. – Д. 144. – Л. 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 643. – Л. 1 – 35.

³³⁸ Там же. – Д. 31. – Л. 189 – 224 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 298. – Л. 113 – 128; Д. 360. – Л. 1 – 40; Д. 458. – Л. 305 – 373; Д. 648. – Л. 1 – 62.

аналогичная ситуация сохранялась только в Омском округе, который продолжал активно осваиваться. В это же время увеличение численности населения в Ишимском округе происходило в основном уже за счет естественного прироста. Тарский уезд занимает особое место в этом ряду, поскольку он во второй половине XVIII в. был не только районом оседания, но и выхода переселенцев. Среднегодовой прирост здесь как в конце XVIII в., так и в первой половине XIX в. складывался главным образом за счет естественного прироста населения.

Рассмотренные процессы движения населения и выявление соотношения различных составных частей в среднегодовом приросте на территории отдельных населенных пунктов показали, каким образом осуществлялись миграционные процессы, как складывался естественный прирост и какова была доля рекрутской повинности в общей убыли численности жителей. Извлеченная из ревизских сказок информация позволила нам сделать вывод о том, что, начиная с V ревизии увеличение населения сел Логиновского, Бетеинского и Такмыцкой слободы происходило за счет естественного прироста, а после VI ревизии на первый план выходит механический приток.

Информация, представленная в губернаторских отчетах второй четверти XIX в., свидетельствует, что на данном этапе механический приток населения становится преобладающим в общем приросте только к началу 50-х гг. XIX в. Произошло это как в результате увеличения численности ссылаемых на территорию южных округов Тобольской губернии, так и как итог осуществления переселенческой политики правительства в результате проведения реформы П.Д. Киселева. Естественный прирост явился главной частью общего роста населения Ишимского и Тарского округов в конце XVIII – первой половине XIX в. Исключением во второй четверти XIX в. оставался Омский округ, где показатели внешнего притока населения перекрывали естественный прирост, что стало следствием незавершенности колонизации данного региона.

Таким образом, анализ различных источников показал, что именно естественный прирост играл главную роль в процессе увеличения количества жителей южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.

3. Брачно-семейные отношения

Главной формой семейной организации в изучаемое время была патриархальная семья, черты которой хорошо прослеживаются на примере семьи крестьянской. Семья – это сложная общественная структура, выполняющая множество функций: рождение и воспитание детей, хозяйственные задачи и т.д. Можно говорить о том, что поскольку крестьянская семья во многом зависела от производственного процесса, то и сами семейные отношения нередко покоились не на эмоциональной привязанности, а на производственной зависимости, господстве и подчинении. Ведь мысль о хлебе насущном в буквальном смысле пронизывала всю крестьянскую жизнь. Поэтому основополагающим принципом крестьянской семьи всегда являлось разделение труда, а точнее – половозрастное разделение труда. Главенствовал самый опытный и старший по возрасту мужчина, который распорядился собственностью, трудом домочадцев, разбирал семейные споры, следил за нравственностью и пр. Руководить домом помогала жена, а в случае ее смерти – самая опытная женщина семьи. Это было необходимо, поскольку все заботы делились на мужские и женские. Мужчины выполняли работы, требовавшие физической силы: смотрели за рабочим скотом, пахали, молотили, возили сено, рубили дрова, охотились, занимались рыбной ловлей. Женщинам доставалась значительная часть полевых работ, обработка огорода, уход за скотом, кроме того, они пряли, ткали, шили, убирали дом, готовили пищу и пр. Условия жизни в крестьянских семьях были таковы, что трудились и взрослые, и дети. При этом каждый был занят, у каждого было свое место. Необходимо учитывать также и то, что крестьянская семья зависела от сельской общины в производстве урожая, в выполнении разного рода повинностей.

От количества семей, их качественного состава и способа формирования зависят многие факторы, определявшие развитие населения. Вообще знание истории семейных отношений не только интересно, но и важно для понимания эволюции российского общества. К тому же, по мнению многих авторитетных исследователей семейной истории, XVIII и XIX века стали временем, когда в структуре и функционировании семьи происходили фундаментальные изменения.³³⁹ Брачно-семейные отношения,

³³⁹ Семья, дом и узы родства в истории. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 33.

некоторые изменения, в том числе в численности крестьянской семьи, будут рассмотрены нами на примере отдельных населенных пунктов и приходов, расположенных в южных уездах Тобольской губернии.

Изучая вопросы, касающиеся формирования семьи, З.Я. Бояршинова отмечает, что соотношение мужского и женского населения в XVIII в. на территории Западной Сибири было примерно равным, но во вновь осваиваемых районах преобладали мужчины.³⁴⁰ Действительно, на колонизируемых землях требовалось приложить больших трудовых усилий, связанных с необходимостью распашки новых участков, возведения хозяйственных построек. В.А. Зверев, исследовавший более поздний период, также отмечает, что среди сибирских старожилов традиционно несколько преобладало женское население, а среди переселенцев – мужчины.³⁴¹ В предыдущей части нашего исследования было определено, что в Омском уезде мужское население превосходило женское (особенно во второй половине XVIII в.), поскольку, в отличие от других регионов, расположенных на юге Тобольской губернии, на его территории оставалось более всего свободных земель, которые продолжали активно осваиваться и в первой половине XIX в. Очевидно, что подобное соотношение мужского и женского населения должно было сказываться и на динамике его брачности.

В обследуемых нами приходах Тарского, Ишимского и Омского уездов на 1 тыс. человек в среднем коэффициент брачности составлял 8,7 в конце XVIII в. (результат получен на основании расчетов по сведениям, приведенным в табл. 36). Наиболее высок он в Ильинском (13,0) и Преображенском приходах (10,3). Связано это со многими причинами: благоприятным половозрастным составом, социально-экономическими условиями, активными миграционными процессами на данных территориях. При этом переезжали, как правило, лица молодого и зрелого возрастов, активно участвовавшие в семейно-брачных процессах. Среди мигрантов было много семей с детьми, которые, повзрослев, вступали в брак на новом месте. Высоким оказывается коэффициент брачности и на территории других приходов – Богородского (9,5), Дмитриевского (8,1) и Троицкого (7,1). И это несмотря на то, что в Богородском и Троицком приходах

³⁴⁰ Бояршинова З. Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода. – С. 15.

³⁴¹ Зверев В. А. Особенности демографического поведения крестьян-новоселов в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск, 1987. – С. 74.

мы ранее отмечали меньшее число женского населения. Очевидно, мужчины находили себе жен за пределами данных территорий, которые переезжали жить в семью мужа. Другой причиной является постепенное выравнивание половозрастного состава населения у потомков ссыльных, которые составляли значительную часть жителей Богородского прихода (с. Баженово).

Таблица 36

Коэффициент брачности в приходах южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII в. (на 1 тыс. чел.)³⁴²

| Приход | Коэффициент брачности | | | Средний показатель |
|----------------|-----------------------|------|------|--------------------|
| | 1788 | 1792 | 1801 | |
| Николаевский | 1,2 | 4,9 | 6,0 | 4,0 |
| Преображенский | 8,7 | 9,6 | 12,5 | 10,3 |
| Дмитриевский | 8,5 | 6,1 | 9,7 | 8,1 |
| Богородский | 8,9 | 13,2 | 6,3 | 9,5 |
| Троицкий | 6,8 | 7,0 | 7,4 | 7,1 |
| Ильинский | 11,9 | 20,7 | 6,5 | 13,0 |

На территории Николаевского прихода зафиксировано наименьшее число браков в конце XVIII в. (коэффициент брачности – 4,0). Причина, по-видимому, заключается в диспропорции мужского и женского населения – здесь численность женщин существенно превышает количество мужчин, особенно в зрелом возрасте. К тому же, на данной территории в это время наблюдается отток населения – крестьяне уезжали в поисках лучшей доли в наиболее благоприятные районы.

Б.Ц. Урланис определил, что в России в середине XIX в. на 1 тыс. человек коэффициент брачности составлял 8,28.³⁴³ Данный показатель на территории южных округов Тобольской губернии во второй четверти XIX в. за 25 лет (с 1824 по 1849 гг.) в среднем составил 8,8. При этом наиболее высоко его значение было в Ишимском округе –

³⁴² Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 12. – Л. 367 – 368, 460 – 460 об.; Д. 13. – Л. 235 – 236, 275 – 277 об.; Д. 14. – Л. 153 – 164, 212 – 212; Д. 21. – Л. 545 – 546, 595 – 596; Д. 22. – Л. 430 – 431, 502 – 503; Д. 23. – Л. 775 – 776, 873 – 874; Д. 39. – Л. 595 – 596, 650 – 651; Д. 40. – Л. 841 – 842, 943 – 945; Д. 41. – Л. 409 – 410, 251 – 251 об.

³⁴³ Урланис Б.Ц. Избранное. – М., 1995. – С. 40.

10,2. В Омском округе коэффициент брачности был равен 8,6, а в Тарском – самый небольшой из всех обследуемых территорий – 7,6.³⁴⁴

Как видим, перевес женского населения над мужским в Ишимском округе оказал влияние на высокое состояние брачности его жителей. Тарский округ имел самый низкий из трех округов показатель брачности. И это несмотря на то, что здесь существовало «благоприятное» соотношение мужского и женского населения. В то же время в Омском округе, несмотря на «нехватку» женщин, заключалось значительное количество браков. Очевидно, что мужчины находили себе жен за пределами данного округа. Большое количество браков на территории Омского округа было определено также и тем, что эта территория принимала значительное число мигрантов.

Итак, полученные нами данные для южных округов Тобольской губернии превышают или совпадают с аналогичными общероссийскими показателями для этого же периода, а высокая степень брачности положительно сказывалась на естественном приросте населения.

Вступление в брак в сибирской деревне, как и повсеместно в крестьянских семьях, происходило по воле родителей. Это являлось свидетельством того, что общие интересы семьи главенствовали над индивидуальными, а личность была поглощена семьей. При заключении брака важное значение имели материальные расчеты, но не только. Родители обязательно принимали во внимание статус семьи, с которой хотели породниться, личные качества избранника – жениха или невесты. Необходимо учитывать также и то, что по существующим традициям женитьба сына добавляла в семью новые рабочие руки – невестку, а вот замужество дочери, напротив, приводило чаще всего к их потере (девушки уходили в семью мужа). По-видимому, это должно было каким-то образом сказываться на решении вопроса о свадьбе – родители жениха были заинтересованы как можно раньше женить сына, а вот с девушками, по-видимому, дело должно было обстоять иначе.

Вообще, определение возраста вступления в брак занимает важное значение в оценке вопросов семейных отношений. При этом в некоторых исторических исследованиях бытует мнение о трудности

³⁴⁴ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 102 об., 103 об.; Д. 705. – Л. 119, 120 об.; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 99, 473; Оп. 2. – Д. 1995. – Л. 53 об.; Д. 2764. – Л. 754.

определения брачного возраста для населения в конце XVIII – первой половине XIX в. Действительно, ревизские сказки не дают возможности осветить данный вопрос, т.к. в них отмечается только наличие брачных пар, но не сам момент вступления в брак и возраст жениха и невесты, поэтому какие-либо точные выводы на основании данного источника делать затруднительно. Однако метрические книги, в которых священники фиксировали время (число, месяц) и возраст вступающих в брак, позволяют осветить данную тему.

Обработка подобных сведений трех населенных пунктов – сел Бетеинского (Омский округ) и Логиновского и Такмыцкой слободы (Тарский округ), относящихся к 1844 г., показала следующие результаты (табл. 37).

Таблица 37

Распределение вступивших в брак пар по возрастным группам в селах южных уездов Тобольской губернии в 1844 г. (%) ³⁴⁵

| Возраст вступления в брак | Село Логиновское | | Слобода Такмыцкая | | Село Бетеинское | |
|---------------------------|------------------|------|-------------------|------|-----------------|------|
| | м.п. | ж.п. | м.п. | ж.п. | м.п. | ж.п. |
| До 20 лет | 6,7 | 13,3 | 22,2 | 27,8 | 20,0 | 30,0 |
| От 20 до 25 лет | 40,0 | 46,7 | 47,2 | 44,4 | 55,0 | 45,0 |
| От 26 до 30 лет | 26,6 | 20,0 | 19,4 | 19,4 | - | 5,0 |
| Свыше 30 лет | 26,6 | 20,0 | 11,1 | 8,3 | 25,0 | 20,0 |
| Вступило в брак | 15 пар | | 36 пар | | 20 пар | |

Как видно из данных, приведенных в табл. 37, в брак вступали лица в молодом возрасте. В то же время данные метрических книг опровергают мнение, что чаще всего это были ранние браки. Так, число лиц мужского пола, вступивших в брак до 20 лет, не превышает 22,2%. В то же время у женщин этот показатель оказывается выше – до 30,0%. Подобная разница связана с тем, что невеста, как правило, была моложе жениха. Основной же возраст вступления в брак – от 20 до 25 лет на территории всех исследованных населенных пунктов в 1844 г. В этот период женились от 40,0 до 55,0% мужчин и выходили

³⁴⁵ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 105. – Л. 308 – 347; Д. 121. – Л. 248 – 301, 406 – 447.

замуж от 44,4 до 46,7% женщин. Данная тенденция будет сохраняться на территории Тобольской губернии на протяжении всего XIX в.³⁴⁶

Лица, вступавшие в брак в более зрелом возрасте, совершали, как правило, повторные браки. Так, в 1844 г. Логиновском селе вторично вышли замуж 2 женщины, 33 и 34 лет, и женились 3 мужчин, 38, 40 и 44 лет. В Такмыцкой слободе это были женщины 21, 27, 29, 35 и 36-летнего возраста и мужчины 32-летнего и 56-летнего возраста. В Бетеинском второй раз вышли замуж 3 женщины (34, 38, 41 лет).³⁴⁷

Причины повторного вступления в брак выяснить с помощью метриков и ревизий возможно не всегда. Называя всех вторично вышедших замуж женщин вдовами, для мужчин источник не указывает причину повторной женитьбы. Но, скорее всего, ею могла стать смерть первой жены. Хорошо известно, что разводы не поощрялись православной церковью и случались крайне редко. В губернаторских отчетах во второй четверти XIX в. фиксируются эти сведения. Например, в Тарском округе отмечено больше всего разводов: в 1827 и 1835 гг. – по 3, в 1836 г. – 26, в 1837 г. – 16, в 1838 г. – 4, в 1840 г. – 9, в 1848 и 1849 гг. – по 3. В Ишимском округе зафиксированы разводы в 1848 г. (15), 1849 г. (6) и 1852 г. (10), в Омском – в 1847 г. (1) и в 1848 г. (1).³⁴⁸

Случаи повторных браков отмечают и ревизии. Например, в Такмыцкой слободе (данные V ревизии) у Федора Матвеева сына Щербакова жена – Авдотья Иванова, крестьянская дочь из Логиновского погоста. У них было четверо детей – Ефим, Николай, Никифор и Марфа. Авдотья, по-видимому, умерла после проведения ревизии 1795 г. (дату смерти для женщин эти источники не называли). Вторая жена Федора Щербакова – Ульяна Максимова, моложе мужа на 12 лет, у них две дочери – Прасковья и Анисья.³⁴⁹ Точную дату повторного брака этот источник не указывает, однако установить ее можно было бы с помощью метриков.

³⁴⁶ Зверев В.А. Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во 2 пол. XIX – нач. XX вв.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – нач. XX века. – Новосибирск, 1985. – С. 77.

³⁴⁷ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 105. – Л. 308 – 347; Д. 121. – Л. 248 – 301, 406 – 447.

³⁴⁸ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 706. – Л. 239; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1540. – Л. 450; Д. 1630. – Л. 494; Д. 1736а. – Л. 54; Оп. 2. – Д. 1805. – Л. 232; Д. 1995. – Л. 54; Д. 2544. – Л. 677; Д. 2628. – Л. 648; Д. 2764. – Л. 754; Д. 3315. – Л. 22.

³⁴⁹ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 136. – Л. 5; Д. 298. – Л. 119 об.

Ясно одно: одинокая жизнь не поощрялась крестьянским обществом, да и в материальном плане была не выгодна. Но особенно это касалось мужчин зрелого возраста, и об этом свидетельствуют документы. К примеру, изучение материалов V и VI ревизий Ильинского села показало, что всего с 1782 по 1812 гг. здесь было 23 мужчины-вдовца и 32 женщины-вдовы.³⁵⁰ При этом обращает на себя внимание то, что большинство из них – пожилые люди. Так, среди мужчин-вдовцов, которым уже за 55 лет – 10 человек, среди женщин-вдов, которым исполнилось 47 лет, – 25 человек. Конечно, для таких второй брак был маловероятен; 8 же мужчин женились вторично. Кирилло Васильев Долгушин овдовел в 31 год. После смерти его жены Зеновии осталось 5 детей. Второй раз он женился примерно спустя 4 года.³⁵¹ У Афанасия Петрова Долгушина жена Аграфена умерла, когда ему было 32 года, оставив 3 детей. Вскоре после этого он женился на Матрене, и у них появилась дочь.³⁵² У Якова Иванова Быкова жена Дарья умерла, когда ему исполнилось 43 года, а у них было 3 детей. Он женился на Анне Даниловой (младше его на 19 лет), впоследствии родившей еще 3 детей.³⁵³ Вообще, в повторных браках нередко жены были намного младше своих мужей. Так, Ефросинья Иванова, вторая жена Василия Тихонова Останина, была младше на 20 лет и т.д.³⁵⁴

В данном документе нам встретились два случая, когда вторично выходили замуж женщины. Аграфена Захарова Быкова (вдова в 34 года, с двумя детьми) «вышла замуж в деревню Бадандину».³⁵⁵ До переезда они проживали отдельной семьей. Дарья Трушникова, оставшаяся без мужа уже в 25 лет, с детьми, также отсутствует в ревизских списках села Ильинского.³⁵⁶ Но оговоримся, что прямого указания на замужество в этом случае нет, и требуется дополнительное исследование списков тех мест, куда они выбыли. Другие же женщины, еще не старые, оставшись без мужей и с детьми, оставались одинокими: Дарья Андреева Куликова (вдова в 31 год, имела 6 детей), Анна Прокопьева Куликова (в 30 лет, 2 детей).³⁵⁷

³⁵⁰ Там же. – Д. 175. – Л. 1 – 34; Д. 312. – Л. 658 – 669 об.

³⁵¹ Там же. – Д. 175. – Л. 6.

³⁵² Там же. – Л. 9.

³⁵³ Там же. – Л. 14.

³⁵⁴ Там же. – Л. 18.

³⁵⁵ Там же. – Л. 26.

³⁵⁶ Там же. – Л. 7.

³⁵⁷ Там же. – Л. 11.

Встретились нам и подобные примеры среди мужчин, когда они по каким-либо причинам не брали вторую жену, и самостоятельно растили детей: Тарас Кузьмин Фомин (вдовец с 47 лет, 2 детей), Сидор Иванов Романов (с 48 лет, 5 детей), Терентий Феофанов Путилов (с 44 лет, 6 детей).³⁵⁸ Всего таких случаев 5. В этом случае на помощь мужчинам, конечно же, приходили их родные (как правило, в таких семьях были и другие родственники – родители, братья или сестры и пр.).

Метрический учет православного населения, осуществлявшийся «по третям», помогает ответить на вопрос, в какое время заключалось более всего браков сибирскими крестьянами. Венчание – церковный обряд, связанный не только с православными традициями, но с и циклом сельскохозяйственных работ. Так, браки не заключались во время постов, в период уборки урожая. Больше всего новых брачных пар фиксировалось в метрических книгах в январской трети. При этом среди четырех месяцев первой трети постоянно лидирует как месяц, когда было больше всего свадеб, январь. На втором месте – сентябрьская треть, а наибольшее количество свадеб – в октябре и ноябре. Так, в Дмитриевском приходе в 1841 г. в январе венчались 13 пар, в апреле – 4 пары, а в ноябре – 3.³⁵⁹ Всего зарегистрировано 20 браков. Таким образом, в течение январской трети здесь заключено 85% всех браков, а сентябрьской – 15%. В Николаевском приходе в 1844 г. венчались 15 пар, из них 66,7% браков приходится на январскую треть.³⁶⁰ В том же году в Преображенском приходе 44,4% венчаний состоялось в январской трети, а 38,9% – в сентябрьской.³⁶¹

По мнению Н.А. Миненко, до 80% браков заключались между жителями разных деревень на территории Западной Сибири.³⁶² Ревизские сказки второй половины XVIII в. позволяют именно так ответить на данный вопрос, но этот источник не освещает ситуации в первой половине XIX в., т.к. сведения о том, откуда взята невеста, здесь отсутствуют. Подробно проанализировать этот процесс позволяют метрические книги, т.к. священники в обязательном порядке фиксировали, откуда родом как жених, так и невеста (табл. 38).

³⁵⁸ Там же. – Л. 18, 28.

³⁵⁹ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 105. – Л. 346 об.

³⁶⁰ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 121. – Л. 300 – 301.

³⁶¹ Там же. – Л. 406 – 407.

³⁶² Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – 1 пол. XIX в.). – С. 195.

Браки между жителями селений, % ³⁶³

| Населенный пункт | Год | Вступившие в брак – жители одного населенного пункта | Вступившие в брак – жители разных населенных пунктов |
|-------------------|------|--|--|
| С. Логиновское | 1844 | 40,0 | 60,0 |
| Такмыцкая слобода | 1800 | 45,0 | 55,0 |
| | 1844 | 22,0 | 78,0 |
| С. Бетеинское | 1841 | 45,0 | 55,0 |
| | 1848 | 26,3 | 73,7 |

Браки могли заключаться как между жителями одного и того же селения, так и различных населенных пунктов. Наибольшее их число фиксировалось как в конце XVIII в., так и во второй половине XIX в. между жителями разных населенных пунктов. При этом жених и невеста могли проживать на территории одного прихода, но в разных деревнях либо один из них был родом из населенного пункта, относящегося к другому приходу или волости. Подсчеты, произведенные на основании данных метрических книг, свидетельствуют, что процент браков между жителями одной и той же деревни ниже и колеблется от 22,0 до 45,0%. Возможность освещения вопроса о том, жителями каких населенных пунктов были венчавшиеся пары, важен еще и потому, что это позволяет представить процессы внутренних миграций сибирского населения: как известно, по существующим традициям жена переезжала жить в семью мужа.

Браки среди сибирских крестьян чаще всего были внутрисословными. Прежде всего, это было обусловлено однородностью социального состава деревень. В то же время некоторые исследователи затрудняются ответить на данный вопрос в силу отсутствия прямых указаний на этот счет в большинстве источников, т.к. «об этом можно судить только по косвенным данным»³⁶⁴. Однако метрические книги позволяют сделать точные

³⁶³ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 36. – Л. 463 – 487, 545 – 574; Д. 105. – Л. 308 – 347; Д. 121. – Л. 248 – 301, 406 – 44; Д. 141. – Л. 459 – 541.

³⁶⁴ Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки нач. XVIII века. – С.103.

выводы на этот счет, потому что в них определена сословная принадлежность вступающих в брак.

Браки, заключаемые между крестьянами, составляли более 70%. Например, в селе Бетеинском в 1841 г. было зафиксировано 20 браков. Из них в 14 случаях (70%) жених и невеста были крестьянами. Оставшиеся браки были заключены между посельщиками, солдатскими женами или мещанами и крестьянами.³⁶⁵ В 1848 г. в том же селе заключено 38 браков, и 33 из них – между крестьянами (87%). Помимо этого состоялись браки между поселенцем, православным Ефимом Григорьевым, 36 лет, Бетеинской волости деревни Рогозинской, женатым первым браком, и дочерью посельской Марией Петровой Грибашевой, 30 лет, жительницей села Бетеинского. Другой брак заключен между отставным солдатом Иаковом Сергеевым Могилевым, 50 лет, жителем Бетеинской волости деревни Суховской (2 брак) и вдовой солдатской женой Дарьей Алексеевой Кокиной, 50 лет, из деревни Верблюжьей.³⁶⁶ В слободе Такмыцкой в 1844 г. заключено 36 браков, из них 30 (83%) – между крестьянами, 3 брака заключены между поселенцами и крестьянами, 2 брака – между крестьянами и дочерьми солдат, 1 – между отставным солдатом и крестьянкой.³⁶⁷

Как видим, старожилы сибирских сел вступали в браки со ссыльными. Но, как мы уже могли убедиться, это не стало массовым явлением. Обращаясь к вопросу о влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян в Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в., Н.А. Миненко отмечала, что приток ссыльных разрушал сословную замкнутость сибирских сельских браков, упрочивая представления о необязательности церковного венчания, т.к. это связано с немалыми расходами на священнослужителя. В другой работе Н.А. Миненко подчеркивала, что «вообще нравственность крестьян менее всего определялась официальным законодательством и церковью».³⁶⁸ Исследуемые нами источники не отражают данных процессов, и мы не можем с их помощью ответить на вопрос о степени распространения гражданских браков среди крестьян. Однако

³⁶⁵ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 105. – Л. 308 – 347.

³⁶⁶ Там же. – Д. 141. – Л. 507 об., 597.

³⁶⁷ Там же. – Д. 121. – Л. 406 – 447.

³⁶⁸ Миненко Н.А. К изучению семейной этики сибирского крестьянства 2 пол. XVIII века. – С. 83; Она же. О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII – 1 пол. XIX в. – С. 293.

думается, что их число не могло быть велико, т.к. большинство сибирского населения (в том числе и ссыльные) строго следовало православным обычаям.

Крестьянская семья была союзом родственным, а не супружеским. Поэтому в характеристике семейных отношений сибирских крестьян важную роль играет оценка внутрисемейного состава и формы семьи. Однако при их характеристике необходимо учитывать всю сложность и многообразие подходов к данному вопросу. Так, к примеру, в западной историографии принято выделять два основных понятия – «домохозяйство» и «семья». Домохозяйство – это совместно проживающая «домовая группа» (или «домовое сообщество»), т.е. люди, которые живут вместе в одном жилище. Семья – супружеская чета (или один из супругов после смерти другого) с ребенком или несколькими детьми. Обе эти единицы взаимосвязаны, т.к. домохозяйство могло состоять из нескольких семей, и подвижны, поскольку, к примеру, семьи могли разрастаться в результате рождения детей, а домохозяйства – принятия родственников. В том случае, если выросшие дети образовывали собственные семьи, они могли выделяться в самостоятельные семьи и пр.

Для освещения этого вопроса мы использовали данные ревизий и церковные документы. Заметим сразу, что эти документы, если следовать указанной градации, изображают чаще всего не семьи, а именно домохозяйства. При этом ревизские сказки и исповедные ведомости представляют неодинаковую картину в изображении численности и состава семей, поскольку их составители, как уже упоминалось в первой главе нашей работы, преследовали различные цели.

Ревизские сказки семьи уже разделившихся родственников нередко показывали как единую семью, порой достигающую 20 человек и даже более. В то же время исповедные ведомости дают иное представление: семьи не столь велики, но помимо родственников – мужа, жены и детей, их родителей, братьев и сестер и т.д. – включают подворников. Поэтому при количественном анализе семей нами подворники не учитывались, т.к. они не являлись родственниками для «основной семьи» (табл. 39).

В ревизских сказках преобладают семьи от 4 до 10 человек во всех исследуемых селениях, а меньшинство представляют семьи от 15 до 18 человек. К тому же повсеместно здесь присутствуют семьи с

числом более 19 членов. Церковные источники показывают иную картину: в селе Логиновском и Такмыцкой слободе преобладают семьи от 4 до 6 человек, однако процент подобных семей более значителен (53,8 и 42,9% соответственно). В то же время в соответствии с исповедными ведомостями в Бетеинском 42,9% семей – от 7 до 10 членов, 23,8% – от 4 до 6 чел., 14,3% всех семей – от 11 до 14 человек. Исповедные ведомости обнаруживают на данной территории и семьи из 15 – 18 человек, в отличие от Логиновского и Такмыка, где подобные семьи данным источником не зафиксированы.

Таблица 39

Численность крестьянской семьи в конце XVIII в., % ³⁶⁹

| Количество человек в семье | Логиновское село | | Такмыцкая слобода | | Бетеинское село | |
|----------------------------|------------------|----------------------|-------------------|----------------------|------------------|----------------------|
| | Ревизские сказки | Исповедные ведомости | Ревизские сказки | Исповедные ведомости | Ревизские сказки | Исповедные ведомости |
| 1 – 3 | 16,7 | 12,8 | 21,5 | 20,4 | 10,9 | 9,5 |
| 4 – 6 | 33,3 | 53,8 | 27,8 | 42,9 | 26,1 | 23,8 |
| 7 – 10 | 26,7 | 28,2 | 32,9 | 33,7 | 26,1 | 42,9 |
| 11 – 14 | 10,0 | 5,1 | 6,3 | 3,1 | 13,0 | 14,3 |
| 15 – 18 | – | – | 6,3 | – | 8,7 | 9,5 |
| 19 и более | 13,3 | – | 5,1 | – | 15,2 | – |

Таким образом, в данном случае численный состав семьи, состоящий из 7 – 10 человек в Бетеинском, представленный исповедными ведомостями, больше. Замеченная разница, по-видимому, связана с тем, что в старозаселенных населенных пунктах (к которым относятся село Логиново и Такмыцкая слобода Тарского уезда) семьи состояли из меньшего количества членов, чем в колонизируемых районах, на территории которого находилось село Бетеинское (Омский уезд). Причина кроется в хозяйственной необходимости: уже освоенные территории не требовали такого приложения крестьянского труда, как колонизируемые земли, поэтому на территориях старозаселенных районов чаще происходили

³⁶⁹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 483 – 504; Д. 26. – Л. 112 – 139, 167 – 197; ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 49. – Л. 501 – 516 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 144. – Л. 625 – 655; Приложения 7, 8.

дробления крестьянских дворов, что приводило к возможности сокращения рабочих рук на каждую семью.

В исторической литературе авторы, изучающие состояние семейных отношений у сибирских крестьян, исследуют так же вопрос о средней численности крестьянского двора. К данной теме обращается З.Я. Бояршинова. В соответствии с осуществленными ею подсчетами, построенными на данных IV и V ревизий, в Западной Сибири наиболее типичной была семья из 9 – 10 человек (4 – 5 ревизских душ).³⁷⁰ В первой четверти XIX века в результате разделов крестьянских семей их численность повсеместно уменьшается до 6 – 7 человек (3 рев. души), что, как подчеркивает З.Я. Бояршинова, являлось характерным для всей дореформенной России.³⁷¹

В конце XVIII – первой половине XIX века на территории южных уездов Тобольской губернии существовали разнообразные семьи, отличавшиеся как по численности, так и по составу. Так, в соответствии с данными исповедных ведомостей, в 1792 году в селе Ильинском Ишимского уезда³⁷² численность семьи колебалась от 3 до 13 человек. В среднем на один двор приходилось по 8,4 чел. (4,3 м.п. и 4,1 ж.п.). Наибольшее же число дворов представлено семьями, состоящими от 5 до 8 чел.

В селе Логиновском Тарского уезда в 1794 году встречаются семьи от 2 до 12 человек, но больше всего семей от 4 до 7 человек. На один двор в среднем приходится 6,4 чел. (3 м.п. и 3,4 ж.п.).³⁷³ К подобным же выводам пришли исследователи в монографии «Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX вв.)», где приводятся аналогичные данные о людности крестьянского двора в конце XVIII века: «В Тарском округе наиболее типичными были семьи 1 – 3 д.м.п.».³⁷⁴

Исповедные ведомости Дмитриевского прихода за 1793 год показывают в селе Бетеинском семьи от 2 до 18 человек со средней численностью двора 10,2 чел. (5 м.п. и 5,2 ж.п.). Наиболее распространенной здесь является семья от 5 до 8 человек.³⁷⁵

Таким образом, выводы, сделанные историками относительно ситуации, сложившейся в конце XVIII века, оказываются применимыми к обследуемым нами территориям. На данном этапе в

³⁷⁰ Бояршинова З.Я. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи. – С. 77.

³⁷¹ Бояршинова З.Я. Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода. – С. 17.

³⁷² Приложение 8.

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX). – С. 61.

³⁷⁵ Приложение 9.

среднем на крестьянский двор приходится по 4 д.м.п., что являлось необходимым условием нормального ведения крестьянского хозяйства. Колебания в средней численности крестьянского двора, отмеченные нами в результате анализа данных исповедных ведомостей, отражают особенности процесса формирования населения на различных территориях. Там, где он близок к завершению, численность крестьянского двора меньше. И, напротив, на колонизируемых землях размер крестьянской семьи больше.

Но, как уже отмечалось ранее, материалы исповедных ведомостей и ревизских сказок по-разному фиксируют сведения о семьях, а значит и выводы о численности и поколенном семейном составе на основе сопоставления данных материалов будут неодинаковыми. Так, сравним информацию о Такмыцкой слободе за 1795 год.³⁷⁶ Церковные источники регистрируют больше домохозяйств или дворов, чем ревизии (98 против 79). Однако, людность крестьянского двора³⁷⁷ в первом источнике показана меньшая – 5,8 д.о.п. (в ревизии – 7,4 д.о.п.). Наибольшее число семей, учтенных исповедными ведомостями включает от 3 до 8 человек. В основном, это двухпоколенные семьи (69 семей или 70,4%). В то же время ревизии учитывают больше семей, состоящих из 1 человека. Как правило, это одинокий мужчина (холостой или вдовец) или, реже, женщина. В исповедных ведомостях в Такмыцкой слободе подобных семей мы не встретили, но эти одинокие люди записаны здесь как подворники, живущие в других семьях. Преобладают в ревизиях семьи из 4-х и 7-и человек, а по 6 семей имеют в своем составе 2, 3, 9 и 10 д.о.п. Учитывают ревизские сказки и семьи с численностью от 14 человек и более. Однако и в ревизиях также преобладает семья двухпоколенная (49 семей – 62,8%). Таким образом, в ревизиях меньшее число семей, но эти семьи значительно по своему количественному составу. Причина подобного расхождения кроется в том, что в отличие от исповедных ведомостей, где каждая семья записывалась отдельно, ревизии фиксировали и сыновьи семьи, чьи дома находились на территории отцовской усадьбы, как единую семью.

Как уже отмечалось, исследователи считают, что в начале XIX века происходило сокращение людности крестьянского двора, выразившееся в интенсивных семейных разделах, связанных с

³⁷⁶ Приложение 4.

³⁷⁷ В дальнейшем под семьей подразумевается именно домохозяйство или крестьянский двор.

нежеланием исполнять рекрутскую повинность (в рекруты набирали мужчин из больших семей). Другой причиной, повлиявшей на уменьшение семьи, стала способность сравнительно небольшими силами управляться с налаженным хозяйством. В 1830-е гг. вновь наблюдается тенденция роста семей, вызванная запретом семейных разделов со стороны властей. В 1823 году появился указ Сената о запрете казенным крестьянам делить семьи на малые.³⁷⁸ В каждом дворе должно было оставаться по 3 – 4 работника в возрасте 15 – 60 лет. В случае необходимости семейного раздела крестьяне должны были обращаться к волостному голове. Немаловажным фактором, консервировавшим неразделенную семью, на взгляд Н.А. Миненко, являлась и крестьянская община, которая была призвана сдерживать семейные разделы и ограничивать личную инициативу в брачно-семейных отношениях.³⁷⁹ Это и явилось причиной роста численности семей и усложнения их структурно-поколенного состава.

Подобные выводы не всегда подтверждаются на примере исследуемых нами населенных пунктов. Так, материалы ревизии 1812 года по селу Логиновскому показывают, что в среднем на 1 двор приходилось по 3,5 д.м.п.³⁸⁰ По сравнению с предыдущей ревизией это означало не уменьшение, а напротив, некоторое увеличение людности крестьянского двора. Ревизия 1834 года учитывает в Логиновском 65 семей.³⁸¹ Большинство среди них включало от 4 до 6 д.о.п. В среднем на один двор приходилось по 5,2 д.о.п. (примерно 2,5 рев. душ), что означало уменьшение численного состава семьи. Значительно больше в Логиновском, по сравнению с 1794 годом, встречается семей, включающих от 1 до 3 человек.

Ревизские сказки по Такмыцкой слободе показывают несколько иную тенденцию. В 1794 году в среднем на один двор приходилось по 8,1 д.о.п. (4,2 д.м.п. и 3,9 д.ж.п.). К 1812 году, действительно, происходит сокращение людности крестьянского двора – в среднем 4,0 д.м.п.³⁸² Но в 1834 г. средняя численность крестьянской семьи в Такмыцкой слободе еще больше сократилась: 7,4 д.о.п. (3,6 д.м.п. и 3,8 д.ж.п.).³⁸³ В данном населенном пункте налицо гораздо больший численный состав семьи. Распространенной на данном этапе стала

³⁷⁸ РГИА. – Ф. 1589. – Оп. 1. – Д. 771. – Л. 2 – 2об.

³⁷⁹ Миненко Н.А. Община и русская крестьянская семья в юго-западной Сибири (XVIII – 1 пол. XIX века). – С. 124 – 125.

³⁸⁰ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 301. – Л. 1 – 6.

³⁸¹ Приложение 9.

³⁸² Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 298. – Л. 113 – 128.

³⁸³ Приложение 9.

семья из 4 – 6 д.о.п. (39 семей – 26,7%). Множество семей включало от 7 до 12 человек (48 семей или 32,9%). 29 семей из 146 учтенных (19,9%) состояли из 1 – 3 человек. Встречались в Такмыцкой слободе семьи в 13 (2 семьи), 14 (4 семьи), 15 (3 семьи), 16 (1 семья), 18 (3 семьи), 19 (2 семьи) и 20 человек (1 семья).

Думается, что причина разницы в людности крестьянского двора в начале XIX века связана с неодинаковыми условиями развития различных населенных пунктов даже на территории одного и того же округа. По-видимому, и крестьяне не всегда следовали распоряжениям властей, запрещавшим семейные разделы. Налицо тенденция к сокращению численности семей в обследованных нами населенных пунктах в первой трети XIX века.

Изменение числа фамилий на территории населенного пункта дает возможность, как мы уже убедились, установить наличие и интенсивность миграционных процессов. Подробно на исследовании данного вопроса мы останавливались в соответствующей части нашей работы, где было отмечено, что переезжать из одной местности в другую могли как целые семьи, что приводило к исчезновению фамилий, так и их отдельные представители. Часто выезжали сыновья после выделения из отцовской семьи. Таким образом, обследование фамильного фонда позволяет осветить вопрос и о семейных разделах. Обращение к характеристике фамильного фонда показывает, что число фамилий на территории различных сибирских сел не оставалось постоянным ни на протяжении второй половины XVIII века, ни позже, в первой половине XIX века. Проанализировав этот процесс с помощью ревизских сказок на материалах по Тарскому уезду (Логиновское село и Такмыцкая слобода), мы проследили, за счет чего происходило увеличение количества семей. Ранее уже называлась одна из причин – развитие миграционных процессов и размещение впоследствии в данных селениях новых семей. Но сопоставление списков одних и тех же фамилий на протяжении ряда десятилетий продемонстрировало, что существовало еще одно условие, определявшее рост числа семей.

В селе Логиновском наблюдалось незначительное увеличение как числа фамилий (с 21 до 22), так и числа семей (с 32 до 37) с 1782 по 1795 гг.³⁸⁴ Однако, при ближайшем рассмотрении выясняется, что происходило это не за счет семейных разделов, а в результате

³⁸⁴ Здесь и далее подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 643. – Л. 1 – 35; Приложение 6.

миграционных процессов. С 1795 по 1812 гг. фамильный фонд сократился (с 22 до 17), что чаще всего было вызвано миграциями, но выросло число семей, что было вызвано семейными разделами. Количество семей в эти годы выросло с 37 до 40. На следующем этапе, с 1812 по 1834 гг., очевидным является увеличение как фамилий, так и семей. Фамилий теперь 29, а семей – 65. Именно на данном этапе в Логиновском происходит увеличение населения и количества семей, связанное прежде всего с разделами семей.

В то же время ревизии, как мы уже убедились, показывают уменьшение людности двора на данном этапе, что наряду с показателями об увеличении числа одинаковых фамилий в с. Логиновском доказывает наличие бурного процесса семейных разделов. Ревизии отмечают разделы в семьях Неупокоевых, Бархатовых, Шмаковых, Ростовцевых, Пелымских и Ивановых. Так, из семьи Егора Гавриловича Неупокоева (в 1812 году – 3 д.м.п.) выделяется к 1834 году две семьи его сыновей – Григория и Ивана, племянника Николая Алексеевича и внука Ивана Козьмича. Семья Федора Алексеева Бархатова к 1812 году разделилась на две семьи во главе с его внуками, Семеном Антоновым и Иваном Васильевым. К 1834 году из этих двух семей выделилось еще семь. Семья Михаила Васильевича Шмакова по сравнению с ревизией 1812 года к 1834 г. выделяет три семьи – его детей Григория и Петра и внука Алексея Алексеевича. Из братской неразделенной семьи Андрея Федорова Ростовцева к 1834 году отделилась семья младшего брата Мосея.

В Такмыцкой слободе наблюдаются несколько иные процессы, связанные с миграциями. С 1782 по 1812 гг. отсюда уезжают многие семьи, вместо них вселяются новые.³⁸⁵ Но с 1795 по 1834 гг. происходит одновременно как общее увеличение числа семей (с 79 по 93 в 1795 – 1812 гг. и с 93 до 146 в 1812 – 1834 гг.), так и растет число семейных разделов, о чем свидетельствует также сокращение людности крестьянского двора в Такмыке. В промежутке между этими двумя ревизиями происходит раздел семей Панфиловых (4 семьи вместо 1), Щербаковых (4 – вместо 1), Горнасталевых (2 – вместо 1), Тюменцевых (5 – вместо 1), Лысенковых (3 – вместо 1), Шершовых (4 – вместо 1) и т.д.³⁸⁶ Всего нами зафиксировано 26

³⁸⁵ Здесь и далее подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189 – 224 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 298. – Л. 113 – 128; Д. 458. – Л. 305 – 373; Д. 648. – Л. 1 – 62.

³⁸⁶ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 298. – Л. 113 – 128; Д. 458. – Л. 305 – 373.

семейных разделов, происшедших на данном временном промежутке в Такмыцкой слободе.

Итак, несмотря на стремление со стороны администрации приостановить семейные разделы во второй четверти XIX века, мы не наблюдаем их уменьшения на территориях рассмотренных нами населенных пунктов, расположенных в южных уездах Тобольской губернии. Необходимо отметить также, что к моменту проведения IX ревизии в 1850 году количество семейных разделов сократится, их будет происходить очень мало. Таким образом попытки властей приостановить семейные разделы осуществляются несколько позже, в 1840-е гг.

В отечественных исторических исследованиях, посвященных составу крестьянской семьи, не существует понятия «домохозяйство», хотя часто встречается термин «двор», но наиболее традиционным стало деление семей на две основные формы: неразделенная (большая) и разделенная (малая или нуклеарная) семья. Неразделенными или большими принято называть семьи, в которых вместе с родителями жили их взрослые сыновья с семьями, а также семьи, состоящие из женатых братьев и пр. Думается, что сам термин «большая семья» отличается расплывчатостью. Ведь в нем заложено несколько значений – что такая семья включает несколько поколений, несколько супружеских пар, что она расширена за счет родственников. Поэтому, конечно же, требуется в каждом случае дополнительное уточнение, о какой именно большой семье идет речь. Если же включить в анализ семей такие критерии как количество поколений в семье и сложность ее состава, то картина будет выглядеть наиболее рельефно.

Малая семья представлена наименее разнообразным составом: это супружеская пара или один из супругов – вдова или вдовец, родители с неженатыми детьми и т.д.

Обращает на себя внимание разность в представлениях среди современных историков о составе крестьянской семьи. Так, Л.А. Дашкевич, разрабатывая тему жизненного цикла семьи на примере подворных переписей Пермской губернии, считала, что вся жизнь крестьян проходила в составе большой семьи.³⁸⁷ О том, что неразделенная семья была распространена на территории Восточной Сибири, говорит и исследование В.А. Горелова, в котором отмечалось

³⁸⁷ Дашкевич Л.А. Типичный жизненный цикл семьи: новые подходы к проблеме // Всесоюзная конференция по исторической демографии. – М., 1991. – С. 15.

широкое бытование подобных семей даже в конце XIX века в Приангарье.³⁸⁸ В работе З.Я. Бояршиновой было показано сохранение неразделенной семьи в Западной Сибири до начала XIX века. Причиной этого, по мнению автора, явились трудности освоения, большие земельные пространства, экстенсивный характер производства, примитивность орудий труда, натуральный характер хозяйства и его многоотраслевая направленность, тяжелое податное бремя.³⁸⁹ Формирование же малых семей началось, в основном, после упрочения крестьянского хозяйства. Особенно массовыми семейные разделы, как отмечено ранее, становились в первой четверти XIX века. В ряде работ высказывается другое мнение, что в конце XVIII века в Тобольской губернии господствующее положение занимала все же малая двухпоколенная семья, на долю которой приходилось 56% всех семей сибирских крестьян, и подобная тенденция оставалась характерной и для других территорий – Русского Севера, центра России.³⁹⁰ Н.М. Шепукова писала, что одним из условий, повлиявшим на хозяйственную жизнь и состав крестьянских семей во второй половине XVIII века, стала отмена десятинной пашни в 1762 году.³⁹¹ Произведенный при этом переход на денежный оброк способствовал, по-видимому, возможности отказа от необходимости жить в составе большой неразделенной семьи, т.к. единицей обложения теперь становилась ревизская душа, а не крестьянский двор.

Обращение к историческим документам позволяет согласиться с тем, что все семьи в своем развитии могли проходить по несколько этапов, превращаясь из нуклеарной (родители с детьми) в сложную (с появлением собственных семей у детей), а затем выделяя вновь нуклеарные семьи (после отпочкования самостоятельных семей из отцовских). Основой изучения процессов развития жизненных циклов семьи могут стать сведения ревизий, поскольку, как уже отмечалось, отправной точкой каждой ревизии становилось население, установленное по предыдущей переписи. Поэтому мы получаем интереснейшую информацию о динамике развития каждой семьи. К тому же эти ретроспективные данные позволяют с большой

³⁸⁸ Горелов В.А. Указ. соч. – С. 96.

³⁸⁹ Бояршинова З.Я. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи. – С. 75 – 76.

³⁹⁰ Люцидарская А.А. Указ. соч. – С. 100; Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX). – С. 62.

³⁹¹ Шепукова Н.М. К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Сибири // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск, 1965. – Вып. 2. – С. 183 – 184.

точностью реконструировать родственные связи между совместно проживающими людьми.

Сравнение данных ревизских сказок одного и того же селения в ходе нескольких переписей позволяет осветить имевшие место изменения в составе каждой семьи. В качестве примера рассмотрим подобные процессы, происходившие на протяжении более чем полувека, в семье Петра Александрова Логинова, жителя села Логиновского Тарского уезда.

Таблица 40

**Изменения в составе семьи Логиновых с 1795 по 1850 г.
(по данным ревизских сказок)³⁹²**

| Состав семьи | V ревизия (1795 г.) | VI ревизия (1812 г.) | VIII ревизия (1834 г.) | IX ревизия (1850 г.) |
|---|------------------------|-------------------------|---------------------------|-------------------------|
| Петр Александров Логинов | 35 лет | Ум. (1805) | - | - |
| Его жена Акулина Ивановна, из деревни Решетниковой, дочь посельщика | 30 лет | ? | - | - |
| Их сын Василий | 7 лет | 23 года | Ум. (1817) | - |
| Сын Василия Алексей | - | - | 21 год | Рекр(1843) |
| Алексея жена Акси́нья | - | - | 22 года | ? |
| Алексея дети Иван | - | - | 1 год | 17 |
| Василиса | - | - | 1 год | ? |
| Козма | - | - | - | 15 |

Перед нами – история семьи, позволяющая увидеть как трансформировался ее состав – от малой к большой. Подобная таблица, изображающая семью Логиновых в течение нескольких десятилетий показывает не только то, какие изменения произошли в ней на протяжении данного периода, но и позволяет сделать выводы о причинах этих перемен. Мы составляем заключения и о том, какие условия определяли численность этой старожильской семьи из села Логиновского, чьи предки находились у истоков основания данного населенного пункта: рождаемость и смертность, женитьба и необходимость исполнения рекрутской повинности. Аналогичные схемы, изображающие развитие всех семей какого-либо села,

³⁹² ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 629 об.; Д. 301. – Л.1; Д. 455. – 249 об.; Д. 643. – Л. 1.

составленные на основе ревизских сказок, могли бы предоставить ценнейшую информацию как о процессах развития населения, так и некоторых факторах, оказывавших влияние на эти процессы. В то же время, неясно, кто была жена Василия Петровича, что произошло с женой главы семьи Акулиной Ивановой в промежутке между V и VI ревизиями (скорее всего, она умерла), какова судьба дочери Алексея Васильевича, Василисы и пр.

Такие материалы позволяют составлять и генеалогические таблицы, которые могут показать историю жителей сибирских сел от самых первых переселенцев до XX века. Конечно, для получения подобной информации понадобилось бы привлечение не только сведений ревизий, но иных источников – дозорных книг, перечневых списков служилых и крестьян, содержащих данные за XVII век, волостных списков и переписи населения конца XIX века (первичные сведения сохранилась в виде индивидуальных карт в ГУТО ГА г. Тобольска).

Например, в селе Баженовском, основанном вскоре после появления указа 1760 года о ссылке крестьян в счет рекрут и заселенном, в основном, ссыльными, ревизия 1782 года фиксирует появление посельщика Льва Борисова, 60 лет, в прошлом крепостного из Воронежской губернии. Вместе с ним прибыли его жена и трое сыновей: Кузьма, 15 лет, Осип, 12 лет, и Степан, 8 лет.³⁹³ В ревизии 1795 года сообщается, что жена умерла в 1789 году, а сыновья женились и имеют детей.³⁹⁴ Ревизией 1858 года в селе Баженово уже учтено 5 семей Борисовых.³⁹⁵

Итак, семья не являлась застывшей и неизменной структурой. В то же время для того, чтобы сделать выводы о соотношении малых и больших семей на определенном этапе их жизненного цикла, мы должны зафиксировать ту ситуацию, которая сложилась в конкретный момент времени. С этой целью в Приложении 10 подробно описан состав и неразделенной, и малой семьи на примере трех населенных пунктов южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII века.

Неразделенная семья преобладала в селе Бетеинском (71,4%). Состав данной семьи наиболее разнообразен именно здесь (всего 16 вариантов различных семей), поскольку помимо традиционных, названных выше, больших семей, в Бетеинском встречались

³⁹³ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 34. – Л. 394.

³⁹⁴ Там же. – Д. 48. – Л. 401 – 402.

³⁹⁵ Там же. – Д. 756. – Л. 219 - 437.

следующие типы неразделенных семей – женатые братья и тетка-вдова, семья вдовца с женатым сыном, внуками и матерью-вдовой, супруги с женатыми сыновьями и неженатыми детьми и др.

В Бетеинском была представлена и малая семья. Прежде всего, это родители с неженатыми детьми (11 случаев – 28,6%). Помимо этого, есть одна семья, состоящая только из супругов.

В Бетеинском в 54,8% семей вместе с родителями жили женатые сыновья. В этом селе существовали и примеры, не столь часто встречавшиеся нам во время обследования наших источников, когда в семью принимался зять. Это семья вдовца Ивана Семенова Лопарева, 76 лет. У него зять – Гаврила Чешегоров, 34 лет, с женой Федосьей Ивановой, 34 лет, и детьми – Яковом, 9 лет, Григорием, 1 года, Анной, 6 лет, Параскевой, 4 лет. Другая подобная семья Ивана Тимофеева Ваганова, 66 лет, с супругой Ксенией Савельевой, 66 лет, зятем Захаром Веденеевым, 41 год, его женой Евдокией Ивановой, 32 лет, детьми Афонасием, 5 лет, Филиппом, 1 год, Анной, 8 лет.³⁹⁶

Следует отметить, что в обоих случаях, и в семье Ивана Лопарева, и в семье Ивана Ваганова, живут и подворники, что означает экономическую необходимость иметь «лишних» работников – как подворников-мужчин, так и зятей. В примаки шли, как правило, мужчины из бедных семей, заинтересованные в приобретении имущества и, в первую очередь, земли. По мнению В.А. Горелова, примачество было весьма распространенным явлением в Восточной Сибири, а положение принятого зятя напоминало положение батрака.³⁹⁷ Однако, ситуация могла складываться и по-другому. В случаях, когда у супругов не было сыновей, глава-отец для сохранения семьи стремился, чтобы замужние дочери жили по-прежнему вместе с ним, а впоследствии, когда сам не сможет уже заниматься руководством семьей и управлением хозяйством, передавали свои права зятю.

В селе Ильинском в конце XVIII века также преобладала большая семья – 35 из 46 (76,1%). Чаще всего это были супруги с женатым сыном или сыновьями и внуками. Женатые сыновья проживали со своими родителями (либо кем-то одним из них) в 91,4% (32 примера) всех семей в Ильинском. Здесь мы так же встретили случай принятия зятя Артема Ягодина в семью Василия Долгушина.³⁹⁸

³⁹⁶ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 209 об., 224 об.

³⁹⁷ Горелов В.А. Указ. соч. – С. 98.

³⁹⁸ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 78.

Наименьшее же количество неразделенных семей оказалось в селе Логиновском Тарского уезда – 15 из 39 (38,5%).³⁹⁹ При этом наиболее распространенными из больших семей стали здесь семьи супругов с женатым сыном и внуками и неженатыми детьми (5 случаев). Женатые сыновья жили со своими родителями в Логиновском в 11 семьях (73,3% от количества неразделенных семей). Среди малых семей подавляющее большинство составляли семьи из родителей с неженатыми детьми – 21. По-видимому, преобладание в Логиновском малых семей связано с тем, что эта территория была освоена в наибольшей степени.

Проведенное обследование, таким образом, позволяет нам с оговорками согласиться с выводом Н.А. Миненко о преобладании в конце XVIII века в колонизируемых районах Западной Сибири неразделенных братских и смешанных отцово-братских семей.⁴⁰⁰ Данный вывод можно безоговорочно отнести к селам Бетеинскому Омского уезда и Ильинскому Ишимского уезда. Особняком выглядит село Логиновское, которое можно выделить как регион, который стал осваиваться ранее других, а поэтому и состав семей здесь вполне мог выглядеть иначе.

Общая характеристика состава семей по поколениям позволяет говорить о преобладании двух- и трехпоколенных семей в конце XVIII века.⁴⁰¹ В Ильинском двухпоколенных семей – 45,7%, трехпоколенных – 54,3%. В Бетеинском соответственно – 50% и 45,2%, в Логиновском – 71,8% и 20,5%. В Такмыцкой слободе и исповедные ведомости, и ревизии демонстрируют преобладание двухпоколенных семей (соответственно – 70,4% и 62%⁴⁰²). Таким образом, произведенный нами анализ сведений по селу Логиновскому, Бетеинскому и Такмыцкой слободе в конце XVIII века показывает приоритет таких семей. В то же время наши подсчеты не совпадают с выводами «о значительной доле однопоколенных семей – 40,9%», которые были получены на основании данных по населенным пунктам Тарского уезда.⁴⁰³ Очевидно, что столь высокий процент однопоколенных семей был зафиксирован авторами за счет села Могильно-Посельского, в котором, в основном, жили ссыльнопереселенцы, а среди них было множество одиноких мужчин.

³⁹⁹ См. здесь и далее Приложение 10.

⁴⁰⁰ Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – 1 пол. XIX века). – С. 57.

⁴⁰¹ Приложение 8.

⁴⁰² Приложение 7.

⁴⁰³ Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX). – С. 63.

В целом же доля однопоколенных семей не превышает 12% в конце XVIII века и 25% в 1830-е гг., что показало наше исследование.

В соответствии с осуществленным анализом данных ревизий более позднего периода, мы установили, что и в дальнейшем двухпоколенные семьи по-прежнему составляли большинство на территориях, обследованных нами. Произведенные подсчеты, представленные в Приложении 10, показывают, что в селе Логиновском двухпоколенная семья составляла 50,8% от общего числа семей в 1834 году, тогда как трехпоколенная – 23,1%, а однопоколенная – 24,6% (выше уже отмечалось увеличение числа небольших семей от 1 до 3 человек). В Такмыцкой же слободе число двухпоколенных и трехпоколенных семей практически одинаково в 1834 году – 63 (43,2%) и 64 (43,8%), что означает увеличение числа трехпоколенных семей и одновременно сокращение числа двухпоколенных семей по сравнению с концом XVIII века (в 1794 году двухпоколенных семей было 62,0%, а трехпоколенных – 26,6%).⁴⁰⁴ В Такмыцкой слободе малые семьи составляли 52,8% от общего числа всех учтенных семей, а в селе Логиновском – около 70%. В целом источники позволяют сделать вывод о преобладании двухпоколенной малой семьи на территории Тарского уезда и в 1834 году.

Таким образом, анализ состава семьи, основанный на исповедных ведомостях и ревизских сказках на территории ряда населенных пунктов южных районов Тобольской губернии в конце XVIII и первой половине XIX века показывает, что в эти десятилетия встречались различные по численности и составу семьи, однако, преобладающей все же оставалась малая двухпоколенная семья.

Одна из важнейших структурных характеристик семьи отражается уже в самом порядке, по которому члены семьи перечисляются в документах. И в исповедных ведомостях, и в ревизиях первым в семейном списке записывался глава семьи. Глава семьи – лицо, осуществляющее контроль над хозяйством и оказывающее материальную поддержку другим членам семьи. Главой семьи мог быть как отец или старший сын, так и женщина-вдова. Обследование 127-и семей в трех населенных пунктах – селах Логиновском, Бетеинском и Ильинском по данным исповедных ведомостей позволяет говорить о том, что чаще всего это был мужчина. В неразделенной семье мы обнаружили 76 подобных

⁴⁰⁴ Приложения 7, 9.

примеров (из 80), в малой – 44 (из 47). При этом в большинстве случаев главой семьи становился отец – в 61-й большой семье и в 44-х малых. Такой статус сохранялся за ним до самой смерти. Нам не встретилось в документах ни одного случая, когда даже совсем престарелый отец передал бы свои функции главы семьи сыну или кому бы то ни было другому.

Старший брат возглавлял неразделенную братскую семью в 15 случаях из 76 (он занимал этот «пост» в случае смерти отца). Женщина же становилась главой семьи вследствие смерти своего мужа – 4 примера в составе неразделенной семьи и 3 – в малой.⁴⁰⁵ Как видим, подобные примеры не были достаточно частыми, но все же встречались. В то же время гораздо чаще случались ситуации совместного проживания родителей с женатыми сыновьями и братьев после смерти отца.

При этом материалы ревизий позволяют установить, когда и почему старший сын или вдова стали во главе семьи, если смерть отца имела место в промежутке времени, прошедшем после предыдущей переписи. Например, в ревизской сказке Ильинского села за 1795 год указано, что главой семьи являлась «умершего Перфилия Трушников вдова Ирина Данилова», а в 1786 году, после ее смерти, семью возглавил единственный сын Афанасий.⁴⁰⁶ Материалы исповедных ведомостей подтверждают эти события: в 1787 году Афанасий Перфильев Трушников – глава семьи, у него жена и пятеро детей.⁴⁰⁷

После главы семьи в списке следовали его жена, их дети. Далее назывались братья, другие родственники и их семьи, если они были. При этом жесткого правила в порядке указания родственников не соблюдалось. Например, в исповедных списках Красноярской слободы нам встретилось две братские семьи – Алексея Сысолятина и Космы Манталаева.⁴⁰⁸ Вот как записана первая:

Алексей Георгиев Сысолятин, 37 лет
Братья его Гаврило, 28 лет
Василий, 17 лет
Мать его вдова Ефимия Ильина, 60 лет
Дочери ее Ефимия, 19 лет

⁴⁰⁵ Приложение 10.

⁴⁰⁶ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 175. – Л. 4.

⁴⁰⁷ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 1290.

⁴⁰⁸ Там же. – Л. 1411 об., 1417 об.

Ирина, 12 лет
Алексея жена Татьяна Федорова, 38 лет
Алексея дети Иоанн, 12 лет
Дорофей, 10 лет
Афанасий, 3 года
Гаврилы жена Пелагея Остапова, 26 лет
Гаврилы дети Григорий, 10 лет
Михаил, 1 год
Наталья, 6 лет.

А вот как выглядит вторая запись:

Косма Степанов Манталаев, 67 лет
Жена Ирина Иванова, 61 год
Брат его Корнелий, 16 лет
Козмы падчерица солдатская жена Евдокия Никифорова
Киселева, 25 лет.

Аналогичный пример – в списках села Баженово за 1796 год:

Степан Котомин, 33 года
Жена Татьяна Григорьева, 36 лет
Братья его Алексей, 28 лет
Петр, 23 года
Борис, 21 год
Алексея жена Параскева Корнеева, 28 лет
Мать их Ульяна Семенова, 65 лет.⁴⁰⁹

Основная структура перечисления задавалась патрилинейным родством. То есть, семья сибирских крестьян – это родственный союз, основным критерием которого является родство по отцовской линии. Встречались ли исключения из означенного правила? Да, но нечасто. К примеру, это случаи, когда в семью принимали мужа дочери – зятя (об этом речь шла выше), когда усыновлялись незаконнорожденные дети. Другим исключением, на этот раз достаточно распространенным, становились надворники (или подворники).

В. Даль писал, что в Сибири подворник – «жилец, постоялец. Подворник иногда живет без платы за прожитье, чистит двор и

⁴⁰⁹ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 29. – Л. 107.

сторожит дом», «подворничать – искать себе пристанища в людях».⁴¹⁰ То есть, подворниками называли людей, которые в силу различных житейских обстоятельств вынуждены были селиться в семьях других крестьян. Среди подворников мы находим переселенцев, которые еще не успели обзавестись своим собственным хозяйством на новом месте, стариков, уже не способных полностью обеспечить себя всем необходимым, одиноких женщин с детьми и т.д. По-видимому, это явление было весьма распространенным в хозяйстве сибирских крестьян, в том числе и на более ранних этапах развития.⁴¹¹ Подобные семьи встречались и на территории Восточной Сибири, где в случае, когда две семьи, которые из-за малого количества рабочих рук не в силах были вести самостоятельного хозяйства, заключали между собой «договор» и объединялись.⁴¹² В использовании подворников была заинтересована как семья, нуждавшаяся в «лишних» рабочих руках, так и сами подворники, которым требовалась та или иная помощь. Однако как уже отмечалось выше, оценить степень привлечения подворников в крестьянские хозяйства на территории Тобольской губернии позволяет лишь один источник – исповедные ведомости, особо выделяющие эту категорию в составе семьи.

Таблица 41

**Привлечение в хозяйства крестьян подворников в 1794 г.
(по данным исповедных ведомостей)⁴¹³**

| Населенный пункт | Всего крестьянских дворов | Используют труд подворников | |
|------------------|---------------------------|-----------------------------|------|
| | | Абс. | % |
| С. Логиновское | 39 | 4 | 10,3 |
| Сл. Такмыцкая | 99 | 21 | 21,2 |
| С. Бетеинское | 42 | 20 | 47,6 |
| С. Ильинское | 46 | 14 | 30,4 |

Таким образом, труд подворников оказался наиболее востребованным в Бетеинском селе Омского уезда (47,6%), а в наименьшей степени – в селениях Тарского уезда, селе Логиновском и Такмыцкой слободе (10,3 и 21,2% соответственно). В Ильинском

⁴¹⁰ Даль В. Указ. соч. – Т. 3. – С. 166.

⁴¹¹ Бояршинова З.Я. Крестьянская семья западной Сибири феодального периода. – С. 11.

⁴¹² Горелов В.А. Указ. соч. – С. 97.

⁴¹³ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 730 – 776; Д. 25. – Л. 483 – 505; Д. 26. – Л. 112 – 139, 167 – 197.

селе Ишимского уезда труд подворников также использовался в значительном количестве крестьянских семей (около 1/3). Как уже отмечалось выше, подобная разница была обусловлена различными экономическими условиями, наличием малоосвоенных земель и переселенцев на территории этих населенных пунктов. Логиновское село и Такмыцкая слобода относились к «старозаселенным» деревням, поскольку они возникли в конце XVIII века. Данные селения были расположены в более северных районах, по сравнению с месторасположением Бетеинского и Ильинского сел. К тому же, Такмыцкую слободу и Логиновское село покинуло в конце XVIII века множество старожилов, переселившихся в более южные области. Села Бетеинское и Ильинское образовались позже на несколько десятилетий (соответственно, в 30-е и 50-е гг. XVIII века). Здесь к концу XVIII века сохранилось еще значительное количество свободных земель, которые требовали приложения крестьянского труда. Сюда приезжали жить крестьяне из других деревень. Поэтому и подворники в Бетеинском и Ильинском селах встречались чаще.

Заметим так же, что подворники могли периодически «кочевать» от одной семьи к другой. Это становится очевидным в случае анализа списков исповедных ведомостей за несколько лет. Так, к примеру, в Ильинском селе Сергей Семенов Комисаров, 50 лет, в 1787 году числился как подворник у вдовы Степаниды Вавиловой Копыловой.⁴¹⁴ В 1797 году он же записан как подворник в семье вдовца Михайлы Ануфриева Важенова,⁴¹⁵ а в 1798 году – в семье Егора Никитина Симонова.⁴¹⁶

Изучение всех сохранившихся исповедных списков с целью получения представления об изменениях в составе крестьянской семьи и сличения затем с материалами ревизий – задача чрезвычайно трудоемкая и непосильная для одного исследователя. Поэтому мы проанализировали данные исповедных списков лишь по нескольким приходам. Сравнение списков исповедных ведомостей одного прихода, составленных на протяжении ряда лет, позволило нам проследить историю многих семей. В качестве примера мы используем данные об одной из них. Это семья крестьян, жителей Ишимского уезда, Петра Степанова Бабушкина, из Ильинского села.

Петр Степанов Бабушкин был главой семьи, состоявшей в 1787 году из его жены, трех сыновей, снохи и внука, родившегося в 1788

⁴¹⁴ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 1312 об.

⁴¹⁵ Там же. – Д. 30. – Л. 450 об.

⁴¹⁶ Там же. – Д. 34. – Л. 528 об.

году.⁴¹⁷ В 1792 году данной семьи в исповедных списках Ильинского нет: очевидно, это было упущением составителей, но спустя год она вновь появляется, при этом вместо Харитины Григорьевой (снохи главы семьи), которая, по всей видимости, умерла, зафиксирована Федора Иванова как вторая жена Ивана. В 1793 году в списке отсутствует и сын Ивана – Григорий, которому к этому моменту должно было исполниться 6 лет (он появится в списках 1795 года, но возраст при том будет назван явно ошибочный – 5 лет). Еще спустя 2 года (за 1794 год исповедные ведомости не сохранились) Петр Степанов Бабушкин со своей семьей записан не как самостоятельный хозяин, а как подворник в семье Михаила Важеникова. При этом сын Петра Иван назван вдовцом, но у него записана трехлетняя дочь Параскева. Возможно, что его вторая жена Федора умерла после родов. Еще одно изменение, отмеченное в 1795 году – у второго сына главы семьи Егора появилась жена. В 1797 году у Ивана записана новая жена – Матрона Семенова, ей 16 лет. Женился и третий, младший сын Петра, Арсений. В 1798 году произошло отделение старшего женатого сына Ивана с женой и детьми. Данные исповедных ведомостей за 1801 год уже не фиксируют самих Петра Степановича, его жену Марью Артемьевну, а также его младших сыновей с женами. В списках Ильинского села осталась семья Ивана Петровича Бабушкина, у которого есть жена и трое детей и подворники.

А теперь обратимся к информации о семье Петра Степанова Бабушкина, имеющейся в ревизских сказках того же времени. Сразу становится очевидным, что V ревизская перепись Ильинского села позволяет нам расширить представления об этой семье. Так, сказка свидетельствует, что у Петра Степанова был еще один сын, не названный в церковных материалах, Алексей, поскольку с 1785 года он числился в рекрутах. Были у Петра и дочери (также не упомянутые в исповедных списках) – Настасья, судьба которой неясна (она могла быть выдана замуж), и Елена (умерла в 1791 году). При этом, повторим, Елена не упоминалась в исповедных ведомостях вообще. Но не записано в ревизии о том, что у Ивана Петрова была жена (по метрикам в это время Иван – вдовец, но, в сказке об этом не сказано), а его дети Гаврило и Параскева названы детьми его отца, Петра Степанова. Заметим, что Параскеве в этот момент 3 года, а ее

⁴¹⁷ Приложение 12.

«матери» – 53 года. Поэтому, очевидно, что составитель ревизии ошибся, назвав детей Ивана детьми его отца.

Прошло 17 лет. За этот период, в соответствии с материалами ревизии 1812 года, в семье Бабушкиных произошли серьезные изменения. Так, в переписи 1812 года сказано, что Петр Степанов Бабушкин «переселился самовольно в деревню Шелегину Красноярской волости в 1796 году. Эта информация объясняет исчезновение данной семьи из исповедных списков Ильинского села, но неясным остается то, что все-таки Петр Бабушкин числился здесь и в 1797 и 1798 гг. по церковным документам! Ну, а его сын Иван Петров Бабушкин являлся в 1812 году главой собственной семьи. Женщины, как уже упоминалось, в данной ревизии не учитывались вообще. Но мы видим, что у Ивана к этому моменту было уже 4 сына (самый старший сын Гаврило, о котором уже упоминалось, отправлен в рекруты в 1808 году).

Таким образом, мы смогли реконструировать историю семейства Бабушкиных, жителей села Ильинского, на основе сопоставления исповедных ведомостей 1787 – 1801 гг. и ревизских сказок 1795 и 1812 гг. Проведенное исследование позволило еще раз убедиться в необходимости осуществления подобных сравнений, способных прояснить некоторые неясности и несостыковки, которые возникают при обращении только к одному из источников.

Приведенные примеры свидетельствуют о возможности составления на основе исповедных ведомостей подробной истории всех семей, проживавших на территории прихода, а данные ревизских сказок могли бы позволить восполнить возникающие пробелы, связанные с миграциями населения.

Ранее мы касались вопроса многодетности крестьянской семьи, когда анализировали вопросы естественного движения населения южных уездов Тобольской губернии. Крестьянство вообще было заинтересовано иметь много детей: расходы на их содержание были невысокими (питание и одежда), а уже с 6 – 8 лет дети и подростки участвовали в процессе воспроизводства материальных благ. Так распространение продуктовой и денежной ренты приводило к необходимости увеличивать число детей, т.к. они помогали получать прибавочный продукт. К тому же при традиционных формах демографического поведения, когда крестьяне не знали эффективных средств регулирования рождаемости, она складывалась стихийно и была максимально возможной.

Все исследованные нами источники подтверждают, что детей в семьях крестьян было много. Это не зависело от формы семьи и было характерным явлением, даже несмотря на высокую младенческую смертность. И церковные документы, и ревизские сказки фиксируют в среднем по 3 – 4 ребенка на каждую семью. К примеру, в Такмыцкой слободе данные документы в 1795 году показывают в среднем по 3,4 ребенка на семью, в Логиновском – по 3,5, в Бетеинском – по 3,8.⁴¹⁸ При подсчетах нами были исключены недавно сформировавшиеся молодые семьи, в которых еще не родились дети, поскольку это не отразило бы ситуацию достоверно. В 1834 году отмечается некоторое сокращение среднего количества детей в русских крестьянских семьях этих селений: в Такмыке – 2,7, в Логиново – 2,5, в Бетее – 2,9.⁴¹⁹ В то же время анализ документов показывает, что за эти десятилетия произошло увеличение числа супружеских пар. В Такмыцкой слободе их число выросло на 58,3% (со 128 до 307) за 1795 – 1834 гг., в Логиновском селе – на 29% (с 66 до 93), в Бетеинском – на 44% (с 92 до 164). Следовательно, можно говорить о том, что в перспективе в этих семьях должны были рождаться дети. Крестьянские семьи по-прежнему оставались многодетными.

Убедиться в многочисленности крестьянских семей помогут нам списки семей. В исповедных записях Ильинского села за 1792 год, в семье Степана Макаровича Ильина названо 6 детей: Ефим, 13 лет, Петр, 11 лет, Петр же, 10 лет, Михайло, 7 лет, Агриппина, 4 года и Марья, 1 год. При этом Агафье Павловне, их матери, 36 лет, и, значит, в этой семье, вероятно, впоследствии должны были появиться еще дети.⁴²⁰ В семье Панфила Васильевича Долгушина, 41 года, также крестьянина из Ильинского, в 1792 году было 6 детей: Василий, 18 лет, Иван, 16 лет, Семен, 9 лет, Михайло, 5 лет, Зиновья, 13 лет, Параскева, 2 года. Жене Панфила Федосье Никитичне 41 год.⁴²¹

По данным ревизских сказок, у жителей Такмыцкой слободы в 1834 году Данилы Петрова Панфилова и его жены Прасковьи Филипповой, у Дмитрия Кириллова Ботвина и его жены Натальи Ивановой, у Михайлы Андреева Гурова и его жены Параскевы Степановой было по 7 детей. У Василия Федорова Лысенкова и его

⁴¹⁸ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 49. – Л. 501 – 516 об.; Д. 136. – Л. 1 – 32 об.; Д. 144. – Л. 629 – 655.

⁴¹⁹ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 286. – Л. 1 – 13 об.; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 458. – Л. 305 – 373.

⁴²⁰ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 142.

⁴²¹ Там же. – Л. 145.

племянника Степанова Андреева Лысенкова – по 5 детей. В семьях Филиппа Васильева Шершова, Нефёда Петрова Гурова, Федора Лукина Мусарина – по 4 детей.⁴²² Следует принять во внимание и то, что в действительности детей подчас было больше, поскольку ревизии не учитывали детей, которые рождались и умирали в промежутке между переписями.

В демографии используется термин «фертильность», означающий возрастные рамки, на протяжении которых женщина могла рожать детей. Максимальными рамками фертильности считается период от 15 до 50 лет. У крестьянок в сибирских селениях рождалось большое количество детей. Так, у жены Ивана Тихоновича Щербакова из Логиновского села, к 49 годам родилось 7 детей. Первая дочь Дарья родилась, когда ей было 17 лет, последний сын Иван родился, когда ей было 44 года.⁴²³ Но трое из детей умерли: Филипп (в 1,5 года), Варвара (в 2 года), Максим (в 14 лет).

В семье Дмитрия Алексеевича Шмакова, жителя Такмыцкой слободы, было 9 детей: Матвей, 17 лет, Матвей же, 6 лет, Николай, 2 года, Катерина, 16 лет, Феклиста, 14 лет, Харитинья, 12 лет, Авдотья, 10 лет, Афросинья, 3 года, Аксинья, 6 месяцев. В момент рождения девятого ребенка его жене Пелагее Лаврентьевне, было 36 лет.⁴²⁴

Таким образом, крестьянские семьи были многодетными, и женщины рожали максимально возможное количество детей, хотя часть их умирала, и чаще всего во младенчестве.

В заключение данной части нашей работы подведем итоги состояния семейных отношений на территории Тарского, Ишимского и Омского уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. Большой объем информации о развитии брачно-семейных отношений предоставляют документы церковного учета населения. Их анализ позволил выявить не только новые сведения, но и уточнить данные ревизских сказок, которые традиционно используются в исторической литературе для характеристики семей.

Половозрастной состав с преобладанием молодежи и зрелых лиц, почти повсеместное отсутствие значительного перевеса мужчин или женщин в общей структуре населения, а также возраст вступающих в брак благоприятно сказывались на естественном воспроизводстве населения. Положительным было и то, что венчались чаще всего

⁴²² Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 458. – Л. 305 – 373.

⁴²³ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31. – Л. 194; Д. 136. – Л. 7.

⁴²⁴ Там же. – Д. 455. – Л. 256 об.; Д. 643. – Л. 9.

жители различных населенных пунктов, а не родственники, что способствовало появлению здорового потомства.

Анализ церковных источников и ревизских сказок позволяет свидетельствовать о разнообразии семей как по форме, так и по составу, но все же на протяжении конца XVIII – первой половине XIX вв. преобладала малая двухпоколенная семья. Конечно, количественный состав семьи не оставался неизменным, существовала тенденция по сокращению людности крестьянского двора в первой трети XIX века, особенно в уже освоенных районах, где не требовалось приложения значительных трудовых усилий. Однако, местные власти стремились предотвратить семейные разделы, что нашло отражение в некотором увеличении количественного состава семей в конце исследуемого периода.

В семьях сибирских крестьян характерным оставалось значительное количество детей, что было определено социально-экономическим развитием региона, отсутствием крепостного права, наличием большого фонда земель и хозяйственными успехами освоения края.

Сложный семейный состав, включавший подчас не два, а более поколений, несколько брачных пар, различных родственников, а также посторонних, по современным понятиям, лиц, может вызывать удивление у современного человека. Но, очевидно, что разнообразные структуры семейных сообществ «согласованы» с экологической и экономической ситуацией.

В то же время существовала общая черта в развитии всех семей сибирских крестьян – это родственный союз, главным критерием для которого являлось родство по отцовской линии. Такой вывод позволяют сделать материалы ревизий. Однако, если принять во внимание церковные источники, то выясняется, что наличие во многих семьях сибирских крестьян такой категории как надворники, делает подобный вывод спорным. Но если же учесть, что надворники не являлись членами семьи, а лишь на сравнительно небольшой период оказывались причисленными к определенным семьям, тогда наш вывод станет однозначным.

Итак, с точки зрения преобладающей структуры семьи южные уезды Tobольской губернии никоим образом не представляли собой гомогенного пространства. Мы убедились, что даже сравнительно небольшие по численности населенные пункты и невысокая людность

крестьянского двора не исключали многообразия и сложности семейных структур.

Приложения

Движение населения Тарского округа (по данным губернагорских отчетов)¹

| Год | Всего населения на начало года | Увеличение населения за год | | Естественный прирост за год | | Численность ссыльных и членов их семей | |
|------|--------------------------------|-----------------------------|--------|-----------------------------|------|--|-----------------|
| | | Абс. | % | Абс. | % | Всего | Увеличение (%) |
| 1829 | 45909 | 1326 | 2,89 | 541 | 1,18 | 2034 | - 58 (- 2,85) |
| 1830 | 47235 | 584 | 1,23 | 592 | 1,25 | 1976 | 166 (8,4) |
| 1831 | 47819 | 49 | 0,10 | 1021 | 2,14 | 2142 | 490 (22,87) |
| 1834 | 49184 | 8473 | 17,22 | 1425 | 2,89 | 4297 | - 813 (- 18,92) |
| 1835 | 57667 | - 12 | - 0,02 | 1415 | 2,45 | 3484 | 208 (5,97) |
| 1836 | 57655 | 27 | 0,05 | 1630 | 2,83 | 3692 | - 306 (- 8,29) |
| 1837 | 57682 | 1145 | 1,98 | 1661 | 2,88 | 3386 | 732 (21,61) |
| 1847 | 60748 | - 426 | - 0,70 | 1807 | 2,97 | 3739 | - 372 (- 9,95) |
| 1848 | 60322 | 978 | 1,62 | 1940 | 3,21 | 3367 | 549 (16,3) |
| 1849 | 61300 | - 1014 | - 1,65 | 1917 | 3,13 | 3916 | 900 (22,98) |
| 1850 | 62314 | 10621 | 17,04 | 1653 | 2,65 | 4816 | 979 (20,32) |
| 1851 | 72935 | 3808 | 5,22 | 1379 | 1,89 | 5795 | - |

¹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 705. – Л. 120 – 123; Д. 706. – Л. 119 – 123; Д. 708. – Л. 119 – 122; Д. 710. – Л. 112 – 114; ГУОО ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 472 – 476; Д. 1540. – Л. 499 – 503; Д. 1630. – Л. 493 – 500; Д. 1736а. – Л. 53 – 60; Оп. 2. – Д. 1805. – Л. 230 – 237; Д. 2544. – Л. 676 – 687; Д. 2628. – Л. 647 – 659; Д. 2759. – Л. 48 – 53; Д. 2764. – Л. 753 – 755; Д. 3128. – Л. 230 – 237; Д. 3315. – Л. 21 – 25.

Движение населения Ишимского округа (по данным губернаторских отчетов)²

| Год | Всего населения на начало года | Увеличение населения за год | | Естественный прирост за год | | Численность ссыльных и членов их семей | |
|------|--------------------------------|-----------------------------|-----------------|-----------------------------|------|--|----------------------|
| | | Абс. | % | Абс. | % | Всего | Увеличение (%) |
| 1829 | 87166 | - 86 | - 0,09 | 1442 | 1,65 | 657 | 117 (17,81) |
| 1830 | 87080 | 458 | 0,53 | 1649 | 1,89 | 774 | - 243 (- 31,39) |
| 1831 | 87538 | - 65 | - 0,07 | 1536 | 1,75 | 531 | 117 (22,03) |
| 1834 | 89150 | 26553 | 29,78 | 2411 | 2,70 | 2327 | - 275 (- 11,81) |
| 1835 | 115703 | 400 | 0,35 | 2571 | 2,22 | 2052 | 117 (5,70) |
| 1836 | 116103 | - 627 | - 0,54 | 1847 | 1,59 | 2169 | - 224 (- 10,33) |
| 1837 | 115476 | 1269 | 1,09 | 1900 | 1,65 | 1945 | 359 (18,46) |
| 1847 | 146538 | 3011 | 2,05 | 1937 | 1,35 | 7826 | 586 (7,49) |
| 1848 | 149549 | 1811 | 1,21 | 2661 | 1,78 | 8412 | 182 (2,16) |
| 1849 | 151360 | 6700 | 4,43 | 2473 | 1,63 | 8594 | 343 (3,99) |
| 1850 | 158060 | 23617 (за 2 г.) | 14,94 (за 2 г.) | 2224 | 1,41 | 8937 (за 2 г.) | 323 (3,61) (за 2 г.) |
| 1852 | 181677 | - | - | - | - | 9260 | - |

² Там же.

Движение населения Омского округа (по данным губернаторских отчетов)³

| Год | Всего населения на начало года | Увеличение населения за год | | Естественный прирост за год | | Численность ссыльных и членов их семей | |
|------|--------------------------------|-----------------------------|--------|-----------------------------|------|--|-----------------|
| | | Абс. | % | Абс. | % | Всего | Увеличение (%) |
| 1829 | 20821 | 5805 | 27,88 | 521 | 2,50 | 831 | 29 (3,49) |
| 1830 | 26626 | 1365 | 5,31 | 234 | 0,88 | 860 | - 111 (- 12,91) |
| 1831 | 27991 | 2121 | 7,58 | 749 | 2,68 | 749 | - 32 (- 4,27) |
| 1834 | 31271 | - 821 | - 2,62 | 234 | 0,75 | 1311 | - 572 (- 43,63) |
| 1835 | 30450 | 3345 | 10,99 | 362 | 1,19 | 739 | - 34 (- 4,60) |
| 1836 | 33795 | - 2034 | - 6,02 | 293 | 0,87 | 705 | 176 (24,96) |
| 1847 | 111300 | - 2524 | - 2,27 | 2272 | 2,04 | 8207 | - 968 (- 11,79) |
| 1848 | 108776 | - 6607 | - 6,07 | 2335 | 2,15 | 7239 | 28 (0,39) |
| 1849 | 102169 | 2263 | 2,21 | 1948 | 1,91 | 7267 | - 29 (- 0,40) |
| 1850 | 104432 | 10199 | 9,77 | 2346 | 2,25 | 7238 | - 748 (- 10,33) |
| 1851 | 114631 | 12451 | 10,86 | 2211 | 1,93 | 6490 | - |

³ Там же.

Естественное движение населения Тарского округа во второй четверти XIX века⁴

| Год | Рождаемость (на 1 тыс. населения) | | Смертность (на 1 тыс. населения) | | Рождено на 1 тыс. умерших | | |
|------|-----------------------------------|--------|----------------------------------|--------|---------------------------|--------|------|
| | д.о.п. | д.м.п. | д.о.п. | д.ж.п. | д.м.п. | д.ж.п. | |
| 1824 | 60,5 | 36,0 | 26,5 | 24,5 | 11,4 | 15,1 | 2285 |
| 1827 | 50,4 | 25,0 | 31,7 | 25,4 | 16,0 | 15,7 | 1588 |
| 1830 | 50,2 | 25,0 | 37,7 | 25,2 | 20,4 | 17,3 | 1332 |
| 1834 | 54,7 | 29,4 | 25,7 | 25,3 | 13,9 | 11,8 | 2127 |
| 1837 | 48,7 | 25,3 | 19,9 | 23,4 | 11,5 | 8,4 | 2446 |
| 1840 | 52,8 | 26,2 | 21,4 | 26,6 | 11,7 | 9,7 | 2465 |
| 1847 | 62,6 | 31,3 | 32,9 | 31,3 | 16,5 | 16,4 | 1905 |
| 1850 | 60,0 | 31,6 | 33,4 | 28,4 | 19,1 | 14,3 | 1793 |

Половозрастной состав умерших среди населения Тарского округа во второй четверти XIX века, в %

| Год | До 15 лет | | | От 15 до 45 лет | | | От 45 до 60 лет | | | От 60 до 100 лет | | | Свыше 100 лет | | |
|------|-----------|--------|--------|-----------------|--------|--------|-----------------|--------|--------|------------------|--------|--------|---------------|--------|--------|
| | д.о.п. | д.м.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.м.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.м.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.м.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.м.п. | д.ж.п. |
| 1824 | 50,0 | 16,1 | 33,9 | 26,6 | 15,0 | 11,6 | 16,2 | 7,9 | 8,3 | 7,2 | 4,3 | 2,9 | - | - | - |
| 1827 | 63,2 | 32,7 | 30,5 | 14,6 | 7,5 | 7,1 | 14,9 | 7,3 | 7,6 | 7,2 | 3,1 | 4,1 | - | - | - |
| 1830 | 62,6 | 31,9 | 30,6 | 18,4 | 11,1 | 7,3 | 11,9 | 7,3 | 4,6 | 7,1 | 3,7 | 3,4 | - | - | - |
| 1834 | 53,8 | 33,4 | 20,4 | 16,4 | 7,4 | 9,0 | 13,8 | 7,8 | 6,0 | 16,9 | 5,2 | 10,7 | 0,2 | 0,2 | - |
| 1837 | 61,8 | 36,7 | 25,1 | 13,9 | 7,4 | 6,5 | 11,1 | 5,9 | 5,2 | 13,2 | 7,8 | 5,4 | - | - | - |
| 1840 | 41,8 | 22,3 | 19,5 | 6,6 | 2,7 | 3,9 | 10,3 | 6,3 | 4,0 | 41,2 | 23,1 | 18,1 | 0,2 | - | 0,2 |
| 1847 | 64,4 | 32,4 | 32,0 | 16,7 | 8,0 | 8,7 | 9,1 | 4,6 | 4,5 | 9,8 | 5,2 | 4,6 | - | - | - |
| 1850 | 62,2 | 36,9 | 25,3 | 12,4 | 6,2 | 6,2 | 9,5 | 5,8 | 3,7 | 15,9 | 8,5 | 7,4 | - | - | - |

⁴ РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 701. – Л. 103 – 104; Д. 706. – Л. 119 – 123, 238 – 242; ГАОО. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1449. – Л. 472 – 476; Д. 1736а. – Л. 53 – 60; Оп. 2. – Д. 1995. – Л. 53 – 60; Д. 2544. – Л. 676 – 687; Д. 2759. – Л. 48 – 53.

Приложение 2 (продолжение)
Естественное движение населения Ишимского округа во второй четверти XIX века⁵

| Год | Рождаемость (на 1 тыс. населения) | | Смертность (на 1 тыс. населения) | | Рождено на 1 тыс. умерших | |
|------|-----------------------------------|--------|----------------------------------|--------|---------------------------|--------|
| | д.о.п. | д.м.п. | д.о.п. | д.ж.п. | д.м.п. | д.ж.п. |
| 1824 | 68,7 | 35,1 | 40,9 | 33,6 | 20,9 | 20,0 |
| 1827 | 60,4 | 30,3 | 51,6 | 30,1 | 26,5 | 25,1 |
| 1830 | 64,2 | 31,6 | 45,2 | 32,6 | 22,5 | 22,7 |
| 1834 | 67,7 | 33,5 | 40,7 | 34,2 | 20,1 | 20,6 |
| 1837 | 60,1 | 30,5 | 43,7 | 29,6 | 22,4 | 21,3 |
| 1840 | 52,7 | 26,3 | 36,9 | 26,4 | 19,2 | 17,7 |
| 1847 | 62,4 | 30,9 | 49,0 | 31,5 | 24,6 | 24,4 |
| 1850 | 58,4 | 29,1 | 44,3 | 29,3 | 22,4 | 21,9 |

Половозрастной состав умерших среди населения Ишимского округа во второй четверти XIX века, в %

| Год | До 15 лет | | От 15 до 45 лет | | От 45 до 60 лет | | От 60 до 100 лет | | Свыше 100 лет | | |
|------|-----------|--------|-----------------|--------|-----------------|--------|------------------|--------|---------------|--------|--------|
| | д.о.п. | д.м.п. | д.ж.п. | д.м.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. |
| 1824 | 54,4 | 27,0 | 27,4 | 19,4 | 9,9 | 9,5 | 17,4 | 9,6 | 7,8 | 8,2 | 4,0 |
| 1827 | 72,1 | 38,1 | 34,0 | 13,2 | 6,2 | 7,0 | 9,0 | 4,4 | 4,6 | 5,7 | 2,7 |
| 1830 | 67,0 | 33,4 | 33,6 | 11,1 | 5,7 | 5,4 | 18,8 | 9,0 | 9,8 | 2,8 | 1,5 |
| 1834 | 63,3 | 30,5 | 32,8 | 20,1 | 9,9 | 10,2 | 9,2 | 4,7 | 4,5 | 7,2 | 4,1 |
| 1837 | 67,0 | 34,5 | 32,5 | 17,2 | 8,5 | 8,7 | 10,0 | 5,3 | 4,7 | 5,7 | 2,9 |
| 1840 | 67,1 | 34,5 | 32,6 | 15,0 | 7,6 | 7,4 | 10,6 | 5,8 | 4,8 | 7,4 | 4,1 |
| 1847 | 64,3 | 32,3 | 32,0 | 18,6 | 9,0 | 9,6 | 10,2 | 5,0 | 5,2 | 6,9 | 3,9 |
| 1850 | 79,4 | 40,3 | 39,1 | 3,9 | 2,2 | 1,7 | 8,4 | 4,2 | 4,2 | 8,4 | 3,8 |

⁵ Там же.

Приложение 2 (продолжение)
Естественное движение населения Омского округа во второй четверти XIX века⁶

| Год | Рождаемость (на 1 тыс. населения) | | Смертность (на 1 тыс. населения) | | Рождено на 1 тыс. умерших | |
|------|-----------------------------------|--------|----------------------------------|--------|---------------------------|--------|
| | д.о.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. |
| 1824 | 31,5 | 16,1 | 30,4 | 16,9 | 13,4 | 1035 |
| 1827 | 39,3 | 18,2 | 25,3 | 14,4 | 10,9 | 1554 |
| 1830 | 44,8 | 20,9 | 35,9 | 20,7 | 15,2 | 1244 |
| 1834 | 30,9 | 14,9 | 23,4 | 13,4 | 10,0 | 1319 |
| 1837 | 39,0 | 18,1 | 28,9 | 15,7 | 13,2 | 1349 |
| 1840 | 45,6 | 22,0 | 34,0 | 18,5 | 15,5 | 1341 |
| 1847 | 42,9 | 21,2 | 22,5 | 11,5 | 11,0 | 1906 |
| 1850 | 50,8 | 25,8 | 28,3 | 14,9 | 13,4 | 1792 |

Половозрастной состав умерших среди населения Омского округа во второй четверти XIX века, в %

| Год | До 15 лет | | От 15 до 45 лет | | От 45 до 60 лет | | От 60 до 100 лет | | Свыше 100 лет | |
|------|-----------|--------|-----------------|--------|-----------------|--------|------------------|--------|---------------|--------|
| | д.о.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. | д.о.п. | д.ж.п. |
| 1824 | 67,4 | 31,0 | 18,0 | 5,7 | 8,6 | 4,1 | 6,0 | 2,6 | - | - |
| 1827 | 55,9 | 21,2 | 28,2 | 13,4 | 13,1 | 7,6 | 2,7 | 1,7 | 0,1 | 0,1 |
| 1830 | 58,5 | 27,9 | 16,2 | 5,9 | 17,8 | 4,5 | 7,5 | 3,7 | - | - |
| 1834 | 58,5 | 27,0 | 19,2 | 6,1 | 11,9 | 4,0 | 8,6 | 3,1 | 0,2 | 0,1 |
| 1837 | 64,5 | 28,7 | 13,8 | 6,3 | 11,0 | 6,0 | 10,7 | 5,9 | - | - |
| 1840 | 69,7 | 33,4 | 12,3 | 4,0 | 13,7 | 6,1 | 4,2 | 2,0 | 0,1 | 0,08 |
| 1847 | 60,5 | 32,3 | 19,1 | 8,6 | 16,8 | 5,5 | 3,6 | 1,4 | - | - |
| 1850 | 44,1 | 21,6 | 20,6 | 10,1 | 24,0 | 11,0 | 11,3 | 6,5 | - | 4,8 |

⁶ Там же.

Движение населения Ильинской волости в 1795 – 1812 гг.⁷

| Наименование населенного пункта | Д.м.п. в 1795 г. | В том числе выбыло | | | В том числе прибыло | | | Д.м.п. в 1812 г. | |
|---------------------------------|------------------|--------------------|-----------|--------------|---------------------|----------|---------|------------------|-------|
| | | умерло | в рекруты | переселились | всего | родилось | прибыли | | всего |
| С. Ильинское | 219 | 50 | 16 | 34 | 100 | 93 | 11 | 104 | 223 |
| Д. Ельцова | 134 | 24 | 8 | 17 | 49 | 67 | 1 | 68 | 153 |
| Д. Комарова | 64 | 19 | 2 | 15 | 36 | 25 | 1 | 26 | 54 |
| Д. Баландина | 192 | 34 | 13 | 21 | 68 | 106 | 6 | 112 | 236 |
| Д. Афонькина | 243 | 52 | 20 | 27 | 99 | 135 | 4 | 139 | 283 |
| Д. Долматова | 190 | 46 | 12 | 44 | 102 | 61 | 7 | 68 | 156 |
| Д. Малые Ярки | 84 | 11 | 5 | 22 | 38 | 30 | 5 | 35 | 81 |
| Д. Боровлянка | 74 | 13 | 9 | 16 | 38 | 20 | 4 | 24 | 60 |
| Д. Копотилова | 102 | 21 | 6 | 10 | 37 | 63 | 3 | 66 | 131 |
| Д. Пешнева | 64 | 14 | 2 | 6 | 22 | 59 | 13 | 72 | 114 |
| Д. Беяева | 50 | 8 | 3 | 27 | 38 | 10 | 1 | 11 | 23 |
| Д. Синицына | 64 | 14 | 4 | 20 | 38 | 22 | 1 | 23 | 49 |

⁷ ГУТОГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 312.

Сведения о метрических книгах⁸

| Год | Названия приходов | | | | | | |
|------|---------------------|----------|--------------|----------------|-------------|--------------|--|
| | Ильинский | Троицкий | Николаевский | Преображенский | Богородский | Дмитриевский | |
| | №№ метрических книг | | | | | | |
| 1769 | 5 | 5 | 4 | 4 | - | - | |
| 1770 | 5 | 5 | 4 | 4 | - | - | |
| 1771 | 5 | 5 | 4 | 4 | - | - | |
| 1772 | 5 | 5 | 4 | 4 | - | - | |
| 1773 | 5 ⁹ | 5 | 4 | 4 | - | - | |
| 1774 | - | - | 4 | 4 | - | - | |
| 1775 | 5 | 5 | 4 | 4 | - | - | |
| 1776 | 5 | 5 | 4 | 4 | - | - | |
| 1777 | 5 | 5 | 4 | 4 | - | - | |
| 1778 | 5 | 5 | 4 | 4 | 6 | 6 | |
| 1779 | 5 | 5 | - | - | 6 | 6 | |
| 1780 | 7 | 7 | - | - | 6 | 6 | |
| 1781 | 7 | 7 | - | - | 6 | 6 | |
| 1782 | 7 | 7 | - | - | - | - | |
| 1783 | 7 | 7 | - | - | - | - | |
| 1784 | 7 | 7 | - | - | - | - | |
| 1785 | 7 | 7 | - | - | - | - | |

⁸ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. Данная таблица содержит информацию о наличии или отсутствии сведений в метрических книгах по 6 приходам - Ильинскому (села Ильинского) и Троицкому (Красноярской слободы) Ишимского уезда, Николаевскому (села Логиновского) и Преображенскому (села Такмык) Тарского уезда, Богородскому (села Баженовского) и Дмитриевскому (села Бегинского) Омского уезда – за 50 лет, с 1769 по 1819 гг.

⁹ Сведения неполные

| | | | | | | | | |
|------|----|------------------|----|----|----|----|----|----|
| 1786 | 7 | 7 | - | - | - | - | - | - |
| 1787 | 10 | 10 | - | - | - | - | - | - |
| 1788 | 12 | 12 | 14 | 14 | 13 | 13 | 13 | 13 |
| 1789 | 16 | 16 | - | - | 17 | 17 | 17 | 17 |
| 1790 | - | - | 19 | 19 | 18 | 18 | 17 | 17 |
| 1791 | 20 | 20 | 19 | 19 | 18 | 18 | 17 | 17 |
| 1792 | 23 | 23 | 22 | 22 | 21 | 21 | 21 | 21 |
| 1793 | 24 | 24 | 22 | 22 | 25 | 25 | 25 | 25 |
| 1794 | - | - | 26 | 26 | 25 | 25 | 25 | 25 |
| 1795 | 27 | 27 ¹⁰ | 28 | 28 | - | - | - | - |
| 1796 | - | - | 28 | 28 | 29 | 29 | 29 | 29 |
| 1797 | 30 | 30 | 32 | 32 | - | - | - | - |
| 1798 | 34 | 34 | 32 | 32 | - | - | - | - |
| 1799 | - | - | 36 | 36 | - | - | - | - |
| 1800 | - | - | 36 | 36 | - | - | - | - |
| 1801 | 39 | 39 | 40 | 40 | 41 | 41 | 41 | 41 |
| 1802 | - | - | 40 | 40 | 41 | 41 | 41 | 41 |
| 1803 | - | - | 40 | 40 | 42 | 42 | 42 | 42 |
| 1804 | 43 | 43 | 40 | 40 | 42 | 42 | 42 | 42 |
| 1805 | 43 | 43 | 40 | 40 | 42 | 42 | 42 | 42 |
| 1806 | - | - | 40 | 40 | - | - | - | - |
| 1807 | - | - | 40 | 40 | - | - | - | - |
| 1808 | - | - | - | - | 44 | 44 | 44 | 44 |
| 1809 | 46 | 46 | - | - | 44 | 44 | 44 | 44 |
| 1810 | 47 | 47 | 45 | 45 | 44 | 44 | 44 | 44 |
| 1811 | 47 | 47 | - | - | - | - | - | - |
| 1812 | - | - | - | - | - | - | - | - |

¹⁰ Сведения неполные

| | | | | | | |
|---|--------|--------|--------|--------|---------|---------|
| 1813 | 49 | 49 | 51 | 51 | - | - |
| 1814 | - | - | 51 | 51 | 52 | 52 |
| 1815 | - | - | 51 | 51 | 52 | 52 |
| 1816 | 54 | 54 | 51 | 51 | 53 | 53 |
| 1817 | 54 | 54 | 51 | 51 | 53 | 53 |
| 1818 | 55 | 55 | 51 | 51 | - | - |
| 1819 | 55 | 55 | 56 | 56 | - | - |
| Из 50 лет в наличии имеется информация за | | | | | | |
| - | 36 лет | 36 лет | 36 лет | 35 лет | 23 года | 23 года |

Ильинский приход Ильинского заказа Пророкоильинская церковь¹¹

| Населенные пункты | 1787 | 1788 | 1791 | 1793 | 1795 | 1797 | 1798 | 1801 |
|--|------|------|------|------|------|------|------|------|
| 1. Ильинская вол. с. Ильинское | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 2. Та же вол. д. Баландина | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 3. Та же вол. д. Ельцова | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 4. Та же вол. д. Комарова | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 5. Афонькина вол. д. Афонькина | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 6. Д. Коптилова | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 7. Д. Пешнева | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 8. Сумская вол. д. Дубынина ¹² | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 9. Уктуская вол. д. Половинная ¹³ | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 10. Казанская вол. д. Сладковская | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 11. Сладковская вол. д. Таволжанская | + | + | - | - | - | - | - | - |
| 12. Д. Пелевина | + | + | - | - | - | - | - | - |
| 13. Ильинская вол. д. Саватина | - | - | - | - | + | + | + | + |
| 14. Сладковская вол. д. Пешаная | - | - | - | - | + | + | + | + |
| 15. Красноярская вол. д. Синявина | - | - | - | - | - | + | - | - |
| 16. Красноярская вол. д. Кугаевская | - | - | - | - | - | - | + | + |
| Итого в приходе: | | | | | | | | |
| Домов | 375 | 394 | 366 | 307 | 306 | 327 | 379 | 342 |
| Жителей (д.о.п.) | 3079 | 3096 | 2815 | 2840 | 3108 | 3253 | 3367 | 3461 |

¹¹ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – ДД. 10, 12, 20, 24, 27, 30, 34, 39.

¹² С 1797 года деревня относилась к Красноярской волости.

¹³ С 1798 года деревня относилась к Казанской волости.

Казанский приход Николаевская церковь¹⁴

| Населенные пункты | 1787 | 1788 | 1791 | 1793 | 1795 | 1797 | 1798 | 1801 |
|--|------|------|------|------|------|------|------|------|
| 1. Казанская вол. с. Казанское | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 2. Та же вол. д. Яровская | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 3. Та же вол. д. Долинина | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 4. Та же вол. д. Зорина | + | - | - | - | + | + | + | + |
| 5. Та же вол. д. Тупиковая | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 6. Афонькинская вол. д. Малые Ярки ¹⁵ | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 7. Та же вол. д. Большие Ярки | - | + | + | + | - | - | - | - |
| 8. Та же вол. д. Пешнева | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 9. Та же вол. д. Боровлянская ¹⁶ | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 10. Гагарская вол. д. Грачева | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 11. Та же вол. д. Тундрова | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 12. Та же вол. д. Окунева | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 13. Та же вол. д. Чиркова | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 14. Уктусская вол. д. Гагарья ¹⁷ | + | | | | | | | |
| 15. Локтинская вол. д. Смирнова | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 16. Гагарская вол. д. Гагарская | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 17. Та же вол. д. Шадринская | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 18. Та же вол. д. Селезнева | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 19. Та же вол. д. Ренева | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 20. Д. Савинская | - | - | + | + | + | + | + | + |

¹⁴ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – ДД. 10, 12, 20, 24, 27, 30, 34, 39.

¹⁵ С 1797 года деревня относилась к Ильинской волости

¹⁶ С 1797 года деревня относилась к Боровлянской волости

¹⁷ С 1797 года деревня относилась к Жиликовской волости

| | | | | | | | | | | | | |
|------------------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|
| 21. Д. Травная | - | - | - | + | + | + | + | + | + | + | + | + |
| 22. Д. Быляева | - | - | - | + | + | + | + | + | + | + | + | + |
| Итого в приходе: | | | | | | | | | | | | |
| Домов | 487 | 565 | 490 | 481 | 474 | 494 | 478 | 497 | 478 | 497 | 497 | 497 |
| Жителей (д.о.п.) | 3804 | 3721 | 3737 | 3961 | 4097 | 4327 | 4335 | 4730 | 4335 | 4730 | 4730 | 4730 |

Фамильный состав жителей села Логиновского с 1782 по 1850 г.¹⁸

| № | Фамилия | Количество семей | | | | | |
|-----|-----------|------------------|---------|---------|---------|---------|--|
| | | 1782 г. | 1794 г. | 1812 г. | 1834 г. | 1850 г. | |
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | |
| 1. | Логинов | 4 | 4 | 5 | 5 | 5 | |
| 2. | Ненилин | 3 | 4 | 4 | 6 | 5 | |
| 3. | Немчинов | 3 | 3 | 8 | 8 | 8 | |
| 4. | Черняев | 1 | 1 | 1 | 1 | 1 | |
| 5. | Неупокоев | 2 | 2 | 3 | 9 | 7 | |
| 6. | Хорошков | 1 | 1 | 1 | 1 | - | |
| 7. | Бархатов | 2 | 2 | 4 | 12 | 9 | |
| 8. | Чухарев | 1 | 1 | 1 | 1 | - | |
| 9. | Шмаков | 2 | 1 | 1 | 5 | 4 | |
| 10. | Ростовцев | 1 | 1 | 1 | 2 | 1 | |
| 11. | Тимофеев | 1 | 2 | - | - | - | |
| 12. | Чистов | 1 | - | - | - | - | |
| 13. | Пельмсков | 1 | 2 | 2 | 2 | 3 | |
| 14. | Ломанов | 1 | 1 | 1 | - | - | |
| 15. | Гольской | 1 | 1 | - | - | - | |
| 16. | Пешков | 1 | 1 | - | - | - | |
| 17. | Потапов | 1 | - | - | - | 1 | |
| 18. | Казанцев | 1 | - | - | - | - | |

¹⁸ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 629 – 655; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 643 – Л. 1 – 35.

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 |
|-----|-------------|---|---|---|---|---|
| 19. | Черкасов | 1 | - | - | - | - |
| 20. | Волокитин | 1 | 1 | 2 | 2 | 2 |
| 21. | Винокуров | 1 | - | - | - | - |
| 22. | Никифоров | - | 1 | 1 | 1 | 1 |
| 23. | Трясоруков | - | 1 | - | - | - |
| 24. | Замызгин | - | 1 | - | - | - |
| 25. | Антонов | - | 1 | - | - | - |
| 26. | Леонтьев | - | 1 | - | - | - |
| 27. | Маслов | - | 1 | - | - | - |
| 28. | Капустин | - | - | 1 | - | - |
| 29. | Молодавсков | - | - | 1 | - | - |
| 30. | Брызгалов | - | - | 1 | 1 | 1 |
| 31. | Иванов | - | - | - | 2 | 3 |
| 32. | Рубец | - | - | - | - | 1 |
| 33. | Андреев | - | - | - | 1 | 1 |
| 34. | Васенин | - | - | - | 1 | 1 |
| 35. | Бачинский | - | - | - | 1 | 1 |
| 36. | Бурматов | - | - | - | 1 | 1 |
| 37. | Бельман | - | - | - | 1 | 1 |
| 38. | Форгуненко | - | - | - | 1 | 1 |
| 39. | Васильев | - | - | - | 1 | 1 |
| 40. | Мостаков | - | - | - | 1 | 1 |
| 41. | Комаров | - | - | - | 1 | 1 |
| 42. | Кисляков | - | - | - | 1 | - |
| 43. | Маргинов | - | - | - | 1 | - |
| 44. | Шевелов | - | - | - | 1 | - |
| 45. | Десятов | - | - | - | - | 1 |
| 46. | Меншенин | - | - | - | - | 1 |

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 |
|---------------|------------|----|----|----|----|----|
| 47. | Должков | - | - | - | - | 1 |
| 48. | Свидерсков | - | - | - | - | 1 |
| 49. | Кондратьев | - | - | - | - | 1 |
| 50. | Чирков | - | - | - | - | 1 |
| 51. | Янгелдин | - | - | - | - | 1 |
| 52. | Конюхов | - | - | - | - | 1 |
| 53. | Матвеев | - | - | - | - | 1 |
| 54. | Чащин | - | - | - | - | 1 |
| 55. | Байланов | - | - | - | - | 1 |
| 56. | Свинаренко | - | - | - | - | 1 |
| 57. | Никитин | - | - | - | 1 | - |
| 58. | Иноземцев | - | - | - | 1 | - |
| Всего фамилий | | 21 | 22 | 17 | 29 | 36 |
| Всего семей | | 34 | 38 | 43 | 76 | 80 |

Приложение 7

Численность и поколенный состав крестьянской семьи в Такмыцкой слободе в 1795 году¹⁹

| Количество членов семьи | Исповедные ведомости | | Ревизские сказки | | | | | | | |
|-------------------------------|----------------------|-----------------|------------------|----|---|-------------|-----------------|----|----|---|
| | Всего семей | Число поколений | | | | Всего семей | Число поколений | | | |
| | | 1 | 2 | 3 | 4 | | 1 | 2 | 3 | 4 |
| 1 | - | - | - | - | - | 5 | 5 | - | - | - |
| 2 | 7 | 6 | 1 | - | - | 6 | 4 | 2 | - | - |
| 3 | 13 | - | 13 | - | - | 6 | - | 6 | - | - |
| 4 | 10 | - | 8 | 2 | - | 11 | - | 10 | 1 | - |
| 5 | 17 | - | 14 | 3 | - | 3 | - | 3 | - | - |
| 6 | 15 | - | 11 | 4 | - | 8 | - | 7 | 1 | - |
| 7 | 13 | - | 9 | 4 | - | 11 | - | 8 | 3 | - |
| 8 | 11 | - | 8 | 3 | - | 3 | - | 2 | 1 | - |
| 9 | 4 | - | 4 | - | - | 6 | - | 3 | 3 | - |
| 10 | 5 | - | 1 | 4 | - | 6 | - | 3 | 3 | - |
| 11 | 1 | - | - | 1 | - | 1 | - | - | 1 | - |
| 12 | 1 | - | - | 1 | - | 3 | - | 1 | 2 | - |
| 13 | 1 | - | - | 1 | - | - | - | - | - | - |
| 14 | - | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 | - |
| 15 | - | - | - | - | - | 2 | - | 2 | - | - |
| 16 | - | - | - | - | - | 1 | - | 1 | - | - |
| 17 | - | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 | - |
| 18 | - | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 | - |
| 19 | - | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 | - |
| Свыше 20 | - | - | - | - | - | 3 | - | 1 | 2 | - |
| Всего | 98 | 6 | 69 | 23 | - | 79 | 9 | 49 | 21 | - |

¹⁹ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 167 – 197; ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 136. – Л. 1 – 32 об.

Приложение 8

Численность и поколенный состав крестьянской семьи в конце XVIII века (по данным исповедных ведомостей)²⁷

| Количество членов семьи | Село Ильинское | | | | Село Бетеинское | | | | Село Логиновское | | | | | | | |
|-------------------------------|----------------|-----------------|----|----|-----------------|-----------------|----|----|------------------|-----------------|----|----|---|----|----|---|
| | Всего семей | Число поколений | | | Всего семей | Число поколений | | | Всего семей | Число поколений | | | | | | |
| | | 1 | 2 | 3 | | 4 | 1 | 2 | | 3 | 4 | 1 | 2 | 3 | 4 | |
| 2 | - | - | - | - | 1 | 1 | - | - | 1 | 1 | - | - | 1 | 1 | - | - |
| 3 | 3 | - | 3 | - | 3 | - | - | 3 | - | - | - | - | 4 | 2 | 2 | - |
| 4 | 3 | - | 3 | - | 1 | - | - | 1 | - | - | - | - | 5 | - | 5 | - |
| 5 | 6 | - | 2 | 4 | 7 | - | 4 | 3 | - | - | - | 10 | - | 9 | 1 | - |
| 6 | 6 | - | 5 | 1 | 2 | - | 1 | 1 | - | - | - | 6 | - | 4 | 2 | - |
| 7 | 11 | - | 1 | 10 | 5 | - | 3 | 1 | - | 1 | 1 | 4 | - | 3 | 1 | - |
| 8 | 6 | - | 4 | 2 | 6 | - | - | 3 | - | 3 | - | 1 | - | 1 | - | - |
| 9 | 2 | - | - | 2 | 3 | - | 1 | 2 | - | 1 | 2 | 3 | - | 2 | 1 | - |
| 10 | 2 | - | 1 | 1 | 4 | - | - | 1 | - | 3 | - | 3 | - | 1 | 2 | - |
| 11 | 3 | - | 1 | 2 | 1 | - | 1 | 1 | - | - | 1 | 1 | - | - | 1 | - |
| 12 | 2 | - | 1 | 1 | 3 | - | - | - | - | 3 | - | 1 | - | 1 | - | - |
| 13 | 1 | - | - | 1 | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - |
| 14 | - | - | - | - | 2 | - | - | 1 | - | - | 1 | - | - | - | - | - |
| 15 | - | - | - | - | 2 | - | - | 2 | - | - | 2 | - | - | - | - | - |
| 16 | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - |
| 17 | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 | - | - | 1 | - | - | - | - | - |
| 18 | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 | - | - | - | - | - | - | - | - |
| 19 | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - |
| 20 | 1 | - | - | 1 | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - |
| Всего | 46 | - | 21 | 25 | 42 | - | 21 | 19 | - | 1 | 21 | 19 | 1 | 39 | 28 | 8 |

²⁷ Подсчитано по: ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 730 – 776; Д. 25. – Л. 483 – 505; Д. 26. – Л. 112 – 139.

Приложение 9

Численность и поколенный состав крестьянских семей в 1834 году по данным VIII ревизии²⁸

| Количество членов семьи | Всего семей | | Село Логиновское | | | | Всего семей | Такмыцкая слобода | | | |
|-------------------------------|-----------------|-----------|------------------|----------|----------|------------|----------------|-------------------|-----------|----------|----------|
| | Число поколений | | Число поколений | | | | | Число поколений | | | |
| | 1 | 2 | 3 | 4 | 1 | 2 | | 3 | 4 | | |
| 1 | 4 | - | - | - | - | 8 | 8 | - | - | - | 4 |
| 2 | 11 | 1 | - | - | - | 10 | 10 | - | - | - | - |
| 3 | 5 | 3 | - | - | - | 11 | - | 11 | - | - | - |
| 4 | 9 | 9 | - | - | - | 19 | - | 15 | 4 | - | - |
| 5 | 10 | 7 | 3 | - | - | 10 | - | 5 | 5 | - | - |
| 6 | 9 | 8 | 1 | - | - | 10 | - | 7 | 3 | - | - |
| 7 | 5 | 3 | 1 | 1 | - | 13 | - | 7 | 6 | - | - |
| 8 | 3 | 2 | 1 | - | - | 13 | - | 6 | 7 | - | - |
| 9 | 2 | - | 2 | - | - | 13 | - | 6 | 7 | - | - |
| 10 | 4 | - | 4 | - | - | 9 | - | 3 | 5 | 1 | - |
| 11 | - | - | - | - | - | 4 | - | 1 | 3 | - | - |
| 12 | 1 | - | 1 | - | - | 10 | - | 1 | 9 | - | - |
| 13 | 1 | - | 1 | - | - | 2 | - | - | 2 | - | - |
| 14 | - | - | - | - | - | 4 | - | - | 4 | - | - |
| 15 | 1 | - | 1 | - | - | 3 | - | - | 3 | - | - |
| 16 | - | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 | - | - |
| 17 | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - | - |
| 18 | - | - | - | - | - | 3 | - | 1 | 2 | - | - |
| 19 | - | - | - | - | - | 2 | - | - | 2 | - | - |
| 20 | - | - | - | - | - | 1 | - | - | 1 | - | - |
| Всего | 65 | 33 | 15 | 1 | 1 | 146 | 18 | 63 | 64 | 1 | 1 |

²⁸ Подсчитано по: ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 458. – Л. 305 – 373.

Состав крестьянской семьи в конце XVIII века²⁹

| Глава семьи | Состав семьи | | Количество семей | | |
|-----------------------------------|---|--|------------------|-----------|-----------|
| | Неразделенная семья | | 1 | 2 | 3 |
| Отец | Супруги с женатыми сыновьями и внуками | | 8 | 4 | 1 |
| Старший брат | Женатые братья с детьми | | 2 | 5 | 1 |
| Вдова | Вдова с женатыми сыновьями и внуками | | 3 | - | - |
| Старший брат | Женатые братья с матерью-вдовой | | 1 | 3 | 1 |
| Вдовец | Вдовец с женатыми сыновьями и внуками и с незамужними дочерьми | | 3 | 3 | 1 |
| Отец | Супруги с женатым сыном и внуками и неженатыми детьми | | 6 | 2 | 6 |
| Отец | Супруги с женатыми сыновьями и неженатыми детьми | | - | 2 | - |
| Старший брат | Женатые братья с теткой-вдовой | | - | 1 | - |
| Вдовец | Вдовец с женатым сыном, неженатыми детьми и матерью-вдовой | | - | 1 | - |
| Отец | Супруги с женатыми сыновьями и внуками и матерью-вдовой | | - | 1 | - |
| Отец | Супруги с женатыми сыновьями, сноха-вдова с детьми и мать-вдова | | - | 1 | - |
| Старший брат | Супруги с неженатыми детьми и неженатым братом мужа | | - | - | 1 |
| Отец | Супруги с неженатыми детьми и матерью-вдовой | | 3 | 1 | 2 |
| Отец | Супруги с неженатыми детьми и внучкой | | 1 | 1 | - |
| Отец | Супруги с принятым зятем и внуками | | 1 | 2 | - |
| Отец | Супруги с женатым сыном и внуками | | 6 | - | - |
| Вдова | Вдова с женатым сыном | | 1 | 1 | - |
| Вдовец | Вдовец с принятым зятем и внуками | | - | 1 | - |
| Вдовец | Вдовец со снохой-вдовой и внуком | | - | 1 | - |
| Вдовец | Вдовец с женатым сыном | | - | - | - |
| Отец | Супруги и сестра мужа | | - | - | 1 |
| Отец | Брат, сестра и тетка-вдова | | - | - | 1 |
| Всего неразделенных семей: | | | 35 | 30 | 15 |

²⁹ ГУОО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 23. – Л. 730 – 776; Д. 25. – Л. 483 – 505; Д. 26. – Л. 112 – 139. Под № 1 – Ильинское, № 2 – Бетеинское, № 3 – Логиново.

| Малая семья | | 1 | 2 | 3 |
|--------------------|-----------------------------|----|----|----|
| Отец | Супруги с неженатыми детьми | 9 | 11 | 21 |
| Вдовец | Вдовец с неженатыми детьми | 1 | - | - |
| Вдова | Вдова с неженатыми детьми | 1 | - | 2 |
| Отец | Супруги | - | 1 | 1 |
| Всего малых семей: | | 11 | 12 | 24 |
| Общее число семей: | | 46 | 42 | 39 |

Состав семьи Неупокоевых в 1795 году (по данным ревизских сказок и исповедных ведомостей)²³

| Ревизские сказки | | Исповедные ведомости | | | |
|---|----------------------------|--|-----------------------|---|----------------------------------|
| № | Ф. и. о. | Возраст или причина отсутствия | № | Ф. и. о. | Возраст |
| 8. | Гаврила Алексеев Неупокоев | умер в 1792 г. | 10. | Егор Гаврилов Неупокоев | 55-56 |
| | Его жена Наталья Алексеева | умерла в 1788 г. | | | |
| | Их дети Егор | 56 | | | |
| | Алексей | 54 | 12. | Алексей Гаврилов Неупокоев | 53-54 |
| | Осип | 52 | 21. | Осип Гаврилов Неупокоев | 51-52 |
| | Иван | умер в 1792 г. | к 10 | Егора жена Евдокия Иванова Их дети Козма Григорий Иван | 57-58 32-26 23-24 19-20 |
| | Борис | умер в 1783 г. | | | |
| | Андрей | переехал в Бергамацкую волость дер. Неупокоеву | | | |
| | Дмитрий | переехал туда же | | | |
| | Никифор | переехал туда же | | | |
| | Федор | переехал туда же | | | |
| | Акулина | умерла в 1790 г. | замуж в дер. Шуеву за | | |
| Егора жена Авдотья Иванова | 58 | | | | |
| из Бергамацкой волости дер. Евгациной, дочь крестьянина | 33 | | | | |
| Их дети Козма | 24 | | | | |
| Григорий | 21 | | | | |
| Иван | | | | | |
| Устинья | | | | | |

²³ ГУТГО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 634 – 636; ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 112 – 119 об.

| | | | | | |
|--|--|---|-----|---|--|
| | Татмышцкой слободы дочь крестьянина Их дети Василий Матвей Степанида Маремьяна Авдотья Андрей жена Прасковья Иванова Их сын Ермил Дмитрия жена Агафья Иванова Их дети Степан Татьяна Татьяна же Козмы Егорова жена Анна Григорьева той же волости дер. Петрешенской дочь крестьянина Их дочь Ирина Григория Егорова жена Василиса Логинова дер. Шуевой той же вол. дочь крестьянина | 48 21 14 22 17 11 переехала в дер. Неупокоеву переехал туда же переехала туда же переехал туда же переехала туда же переехала туда же 32 1 25 | 39. | Вдова Евдокия Данилова Неупокоева Ее дети Василий Матвей Степанида Маремьяна Евдокия Козмы Егорова жена Анна Григорьева Их дети Тимофей Арина (<i>Ирина</i>) Григория Егорова жена <i>Васса</i> <i>Логинова</i> | 49-48 20-21 13-14 21-22 16-17 8-9 29-30 5-6 3-4 -24 |
| | Всего в момент ревизии 26 д.о.п. (9 д.м.п. и 17 д.ж.п.) | Всего в 4 семьях проживает 28 д.о.п. (12 д.м.п. и 16 д.ж.п.) | | | |

Состав семьи Бархатовых в 1795 году (по данным ревизских сказок и исповедных ведомостей)²⁴

| № | Ревизские сказки | | Исповедные ведомости | | Возраст | | |
|----------------------------|--|--------------------------------|-----------------------------|-------------------------------|---------|------------------------------------|-------|
| | Ф. и. о. | Возраст или причина отсутствия | № | Ф. и. о. | | | |
| 10 | Федор Алексеев Бархатов | 88 | 37. | Федор Алексеев Бархатов, вдов | 89-90 | | |
| | Его брат Василий | умер в 1791 году | | | | | |
| | Федора жена Тагьяна Петрова | умерла в 1786 году | | | | | |
| | Их дети Петр | 55 | | | | Петр Федоров Бархатов | 54-55 |
| | Иван | 53 | | | | Иван Федоров Бархатов | 52-53 |
| | Антон | умер в 1792 году | | к 37 | | Федора сын Селуин | 38-38 |
| | Селуин | 39 | | | | | |
| | Ефим | в рекруты в 1785 | | к 34 | | | |
| | Петра Федорова жена Елена | | | | | Петра Федорова жена Елена Федорова | 53-54 |
| | Федорова из Бергамацкой волости дочь крестьянина | 54 | | | | Их дети Ермил | 18-19 |
| Их дети Ефим | 19 | | Матвей (Максим) | 9-10 | | | |
| Ирина | 21 | | Ирина | 26-21 | | | |
| Прасковья | 16 | | Параскева | 15-16 | | | |
| Максим | 10 | | | | | | |
| Ивана Федорова жена | | | Ивана Федорова жена Акулина | 62-63 | | | |
| Акулина Иванова из г. Тары | 63 | к 41 | Иванова | 22-23 | | | |
| дочь крестьянина | 23 | | Их дети Степан | 20-21 | | | |
| Их дети Степан | 21 | | Григорий | | | | |
| Григорий | | | | | | | |

²⁴ ГУТГО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 144. – Л. 634 – 636; ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 26. – Л. 112 – 119 об.

| | | | | | | |
|---|--|---|---|---|--|---|
| | <p>Ивана Васильева жена Аграфена Федорова той же деревни дочь крестьянина Их дети Данила Устинья Ненила Василия Васильева жена Аграфена Яковлева из г. Тары дочь крестьянина Их дети Козма Матвей Афанасия Васильева жена Мавра Афанасьева Его же 2 жена Елена Ильина дер. Ананьиной дочь крестьянина Их дети Гаврила Марья Анна Дарья</p> | <p>53 18 15 5 43 8 2 умерла в 1784 году 35 8 6 3 1 неделя</p> | | <p>к 18 к 14 к 27</p> | <p>Ивана Васильева жена Аграфена Федорова Их дети Гаврило (Данило) Аксинья Ненила Василия жена Агриппина Яковлева Их сын Козма Матвей Афанасия Васильева жена Елена Ильина Их дети Гаврило Марья</p> | <p>52-52 17-18 14-15 5-6 46-47 5-6 -2 31-32 6-7 5-6</p> |
| <p>Всего в момент ревизии 42 д.о.п. (20 д.м.п. и 22 д.ж.п.)</p> | | | <p>Всего в 6 семьях 38 д.о.п. (19 д.м.п. и 19 д.ж.п.)</p> | | | |

Семья Петра Степанова Бабушкина по спискам исповедных ведомостей и ревизских сказок

| Состав семьи по ревизиям ²⁵ | 1782 – 1795 | 1812 | Состав семьи по исповедным ведомостям ²⁶ | | 1787 | 1788 | 1791 | 1793 | 1795 | 1797 | 1798 |
|--|-----------------------------|-------------------|--|---|------------------|------------------|----------|-----------------|------------------------|----------|-----------------------|
| | | | Возраст по ревизии № листа по спискам ревизии | Возраст по ведомостям № по спискам ведомости | | | | | | | |
| Петр Степанов Бабушкин | 45-58 | - ³¹ | 60 | Петр Степанов Бабушкин | 60 | 61 | 65 | 67 | 68 | 70 | 72 |
| Ж. Мавра | 43-56 | - | 50 | Его ж. Марья Артемьева | 50 | 51 | 54 | 56 | 58 | 60 | 62 |
| Дети Алексей Иван | 20 - ²⁹ 16-29 | 45 | 22 16 | Дети Иван Егор | 22 16 | 23 17 | 26 20 | 28 22 | 30 ³⁸ 24 | 32 26 | 39 ⁺ 28 |
| Егор | 10-23 | - ³² | 10 | Арсений | 10 | 11 | 14 | 16 | 18 | 20 | 22 |
| Арсен | 6-19 | ум ³³ | 17 ³⁵ | Ивана ж. Харитинья | 17 ³⁵ | 18 | 21 | - | - | - | - |
| Настасья | 15 - ? | | | Григорьева | | | | | | | |
| Екатерина | 7 - ³⁰ | | | Сын Гаврило (Григорей) | | 6м ³⁶ | 4 | ? ³⁷ | 5 | 10 | + |
| Р.п.р. ²⁸ Гаврило | - 7 | рек ³⁴ | | Ивана 2 ж. Федора Иванова | | | | 20 | - | - | - |
| Параскева | - 3 | - | | Ивана 3 ж. Матрона Семенова | | | | | - | 16 | + |
| Дети Ивана р.п.р. Яков | | 9 | | Дети Параскева | | | | | 3 | 5 | + |
| Гаврило | | 7 | | Барвара | | | | | | | |
| Андрей | | 5 | | Егора ж. Ирина Яковлева | | | | | 18 | 20 | 22 |
| Иван | | 3 м. | | Арсения ж. Матрона Тимофеева | | | | | | 21 | 23 |

²⁵ ГУТО ГА г. Тобольска. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 175. – Л. 659 об.; Д. 312. – Л. 7 об.

²⁶ ГУО ГАОО. – Ф. 16. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 1295 об.; Д. 12. – Л. 279; Д. 20. – Л. 600 об.; Д. 23; Д. 24. – Л. 530 об.; Д. 27. – Л. 482 об.; Д. 30. – Л. 444 об.; Д. 34. – Л. 529 об.; Д. 39. – Л. 558 об. В 1792 и 1801 годах семья Петра Бабушкина не названа.

²⁷ В списках указаны как подворники у Михайлы Ануфриева Важенникова (Важеннова -?).

²⁸ Рожден после ревизии

²⁹ В рекрутах с 1785 г.

³⁰ Умерла в 1791 г.

³¹ Указано, что переселился самовольно в д. Шелегину Красноярской волости в 1796 году.

³² Переселился с отцом

Приложение 12 (продолжение)

| Состав семьи по ревизиям | 1781 – 1795 | 1812 | Состав семьи по исповедным ведомостям | | 1798 | 1801 |
|-----------------------------|----------------|--------|---------------------------------------|---|------------------|------|
| | | | Возраст по ревизии | Возраст по ведомостям | | |
| № по спискам ревизии | | 7а | | № по спискам ведомости | 55 ⁴⁰ | 51 |
| Иван Петров Бабушкин | | 45 | | Иван Петров Бабушкин | 33 | 36 |
| Дети Яков | | 9 | | Его ж. Магрона Семенова | 17 | 14 |
| Гаврило | | 7 | | Дети Гаврило | 11 | 9 |
| Андрей | | 5 | | Параскева | 6 | 2 |
| Иван | | 3 мес. | | Варвара | | |
| | | | | Подворник Матвей Никифоров Рогов | 73 | |
| | | | | Его ж. Анна Степанова (Семенова) | 63 | |
| | | | | Подворник Никита Иванов Барбалин | | 32 |
| | | | | Его ж. Екатерина Григорьева | | 30 |
| | | | | Дочь Ирина | | 14 |

³³ Умер в 1809 г.

³⁴ В рекрутах с 1808 г.

³⁵ венчаны в 1787 году, жена из д. Баландиной

³⁶ крещен 25.03.1788 г.

³⁷ Не упоминается в списках семьи

³⁸ Появилась запись, что Иван вдов

³⁹ С 1798 г. Иван числится как глава отдельной семьи, см. следующую таблицу (вместе с теми, кто отмечен знаком «+»).

⁴⁰ до 1798 г. – в составе семьи отца (см. предыдущую таблицу)

Список источников

I. Опубликованные документы, законодательные акты, издания энциклопедического и справочного характера

- Голошубин И.* Справочная книга Омской епархии. – Омск, 1914. – 872 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1979 - 1980. – Т. 2. – 779 с.; Т. 3. – 555 с.
- Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.
- Кеппен П.* Девятая ревизия: Исследования о числе жителей в России в 1851 году. – СПб., 1857. – 298 с.
- Колесников А.Д.* Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 года. – Омск: Изд-во СибАДИ, 2002. – 220 с.
- Народонаселение. Энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 640 с.
- Население России в XX веке. – М.: Изд-во РосСПЭН, 2000. – Т. 1. – 463 с.
- Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. - Т. VI. – 818 с.; Т. VII. – 926 с.; Т. XV. – 1048 с.; Т. XIX. – 1082 с.; Т. XXV. – 936 с.; Т. XXVI. – 878 с.
- Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Вопросы статистики. – 2003. - № 5. – С. 3 – 13.
- Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч. 1 – 2. – 918 с.
- Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. - Т. VI. – 818 с.; Т. VII. – 926 с.; Т. XV. – 1048 с.; Т. XIX. – 1082 с.; Т. XXV. – 936 с.; Т. XXVI. – 878 с.
- Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868 – 1869 гг. – СПб., 1871. – 468 с.
- Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032 – 1882 гг.). – Сургут: Изд-во «Северный дом», 1993. – 463 с.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/03007/index.php>.

II. Неопубликованные документы

1. Документы государственного учета населения

а) ревизские сказки (ГУТО ГА г. Тобольска)

Фонд 154 Тобольской Казенной Палаты

Оп. 8. – Д. 31. – Л. 189 – 224 об., 251 - 759; Д. 33. – Л. 211 - 303, 304 – 378, 579 – 642, 651 – 892; Д. 34. – Л. 1 – 853; Д. 49. – Л. 501 – 516 об.; Д. 133. – Л. 1 – 899; Д. 136. – Л. 1 – 819; Д. 144. – Л. 629 - 655, 659 – 677; Д. 166. – Л. 1 – 580; Д. 167. – Л. 201 – 319; Д. 176. – Л. 1 – 498; Д. 286. – Л. 1 – 33; Д. 298. – Л. 113 – 128; Д. 301. – Л. 1 – 6; Д. 360. – Л. 1 – 40; Д. 455. – Л. 249 об. – 264; Д. 458. – Л. 305 – 373; Д. 535. – Л. 75 об. – 88; Д. 643. – Л. 1 – 35; Д. 648. – Л. 1 – 62.

б) отчеты губернаторов, административная переписка (РГИА)
Фонд 383 Первого департамента Министерства Государственных Имуществ
Оп. 1. – Д. 2, 11, 12, 13, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28;
Оп. 4. – Д. 3497, 3498.
Фонд 391 Переселенческого управления при МВД
Оп. 1. – Д. 112, 113, 114, 115, 116, 120, 123, 124, 125.
Фонд 558 Дел по ревизиям
Оп. 2. – Д. 273, 274, 276.
Фонд 571 Департамента разных податей и сборов Министерства Финансов
Оп. 9. – Д. 1860, 1886, 1888.
Фонд 796 Канцелярии Синода
Оп. 445. – Д. 423, 437, 438, 439, 674.
Фонд 1263 Комитета министров
Оп. 1. – Д. 669а, 1202.
Фонд 1264 Первого Сибирского Комитета
Оп. 1. – Д. 414, 421, 472, 701, 705, 706, 708, 710.
Фонд 1265 Второго Сибирского Комитета
Оп. 1. – Д. 21, 124;
Оп. 13. – Д. 33а.
Фонд 1281 Совета Министерства Внутренних дел
Оп. 1. – Д. 3628, 3629, 4364;
Оп. 2. – Д. 51;
Оп. 3. – Д. 25, 64, 117, 147, 154;
Оп. 4. – Д. 3, 4, 17, 106, 111, 112, 121, 129, 134, 135, 145, 158, 160, 168, 203;
Оп. 5. – Д. 4, 11, 112, 134, 138;
Оп. 6. – Д. 117, 119, 133, 143, 153, 156, 166;
Оп. 11. – Д. 94, 149, 150, 151, 152.
Фонд 1284 Департамента Общих Дел МВД
Оп. 1. – Д. 32, 33, 34, 35, 40, 42, 44, 46.
Фонд 1341 Первого Департамента Сената
Оп. 1. – Д. 52, 158, 216.
Фонд 1350 Четвертого Департамента Сената
Оп. 312. – Д. 43.
Фонд 1409 Собственной Его Императорского Величества Канцелярии
Оп. 2. – Д. 5863, 5877, 5953, 5956.

ГУОО ГАОО

Фонд 1 Военной походной канцелярии
Оп. 1. – Д. 6, 33, 63, 79, 87, 117, 119, 133, 143, 150, 155, 156, 162, 167, 199, 240.
Фонд 2 Сибирского генерал-губернатора
Оп. 1. – Д. 16, 17, 28, 30, 31, 37а, 39, 40, 44, 46, 47, 52а, 53, 65, 66, 74, 83, 86, 87, 92, 96, 97, 111, 116, 119, 123, 125, 130, 133, 134, 155, 166, 169, 172, 177, 185, 192, 212, 216, 234, 245, 258, 282, 284, 354, 355, 365, 388, 407, 409, 419, 424, 425, 431.
Фонд 3 Главного Управления Западной Сибири

Оп. 1. – Д. 2, 7, 12, 16, 41, 45, 61, 67, 115, 141, 142, 143, 146, 148, 149, 150, 156, 163, 206, 207, 209, 228, 240, 256, 265, 270, 271, 286, 302, 333, 352, 355, 375, 427, 434, 435, 436, 440, 492, 530, 547, 560а, 589, 590, 615, 619, 620, 642, 653, 687, 689, 690, 693, 694, 719, 745, 763, 771, 773, 774, 775, 777, 781, 782, 789, 805, 812, 813, 827, 828, 896, 902, 921, 922, 928, 929, 930, 941, 979, 990, 1108, 1026, 1027, 1035, 1043, 1089, 1091, 1092, 1093, 1096, 1097, 1098, 1138, 1139, 1140, 1161, 1179, 1197, 1201, 1205, 1206, 1207, 1212, 1213, 1215, 1395, 1388, 1396, 1449, 1483, 1510, 1517, 1540, 1556, 1565, 1579, 1596, 1630, 1632, 1633, 1683, 1686, 1688, 1689, 1736а, 1741, 1758;

Оп. 2. – Д. 1805, 1927, 1994, 1995, 2063, 2069, 2073, 2078, 2159, 2257, 2275, 2283, 2392, 2501, 2342, 2543, 2544, 2620, 2628, 2721, 2730, 2731, 2732, 2759, 2764, 2860, 2861, 3096, 3107, 3109, 3116, 3117, 3118, 3119, 3120, 3121, 3126, 3127, 3146а, 3286, 3292, 3297, 3314, 3315;

Оп. 3. – Д. 3964, 4144, 4440, 4953.

2. Документы церковного учета населения

ГАОО

Фонд 16 Тобольской епархии

Оп. 1. – Д. 159;

Оп. 2. - Д. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 10, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 60, 61, 63, 65, 66, 67, 69, 71, 72, 74, 75, 77, 81, 82, 86, 87, 88, 90, 91, 96, 98, 101, 104, 105, 111, 112, 114, 115, 119, 121, 126, 130, 131, 132, 137, 138, 141, 143, 147, 149, 152, 153.

Библиографический список

1. *Авербух С.М.* Законы народонаселения докапиталистических формаций. – М.: Наука, 1967.
2. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). – М.: Наука, 1964.
3. *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. – М.; Л.: Наука, 1965.
4. *Андреевич В.К.* Сибирь в XIX столетии. – СПб., 1889.
5. *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М.: Наука, 1976.
6. *Бахметова Г.Ш.* Методы демографического прогнозирования. – М.: Финансы и статистика, 1982.
7. *Бахрушин С.В.* Задачи исторического изучения Сибири // С.В. Бахрушин Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 3, ч. 2. – С. 257 – 263.
8. *Баикатова З.В.* Народонаселение Тарского уезда Тобольской губернии Сибири в период хозяйственного освоения (1793 – 1854 гг.) // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – С. 170 – 180.
9. *Бережнова М.Л.* Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2007.
10. *Бережнова М.Л., Корусенко С.Н.* О влиянии государственного управления на традиционные институты (на примере системы расселения старожилов Тарского Прииртышья в XX в.) // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 72 – 76.
11. *Бояришинова З.Я.* Заселение Сибири русскими в XVI – первой половине XIX вв. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 40 – 56.
12. *Бояришинова З.Я.* Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Томского университета, 1967. – Вып. 3. – Т. 190. – С. 3 – 19.
13. *Бояришинова З.Я.* Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства феодальной эпохи // Проблемы истории советского общества Сибири. – Новосибирск: Наука, 1970. – Вып. 2. – С. 74 – 84.
14. *Бояришинова З.Я.* О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII – первая четверть XIX вв.) // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Томского университета, 1964. – Вып. 1. – Т. 177. – С. 44 – 55.
15. *Булыгин Ю.С.* Колонизация русским крестьянством бассейнов рек Чарыша и Алея // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Томского университета, 1964. – Вып. 1. – Т. 177. – С. 16 – 32.
16. *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Харьков, 1889.

17. *Бушен А.Б.* Об устройстве источников статистики населения в России // Записки Императорского русского географического общества. – СПб., 1864. – Кн. 3. – С. 1 – 122.
18. *Валлентей Д.И.* Проблемы народонаселения. – М.: Высшая школа, 1961.
19. *Вилков О.Н.* Концепции С.В. Бахрушина и В.Н. Шункова о характере первоначального заселения и освоения Сибири русскими // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 65 – 72.
20. *Вишневский А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. статей; Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Статистика, 1977. – С. 105 – 134.
21. *Власов А.А.* К истории и актуальности изучения русской медицины // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 319 – 333.
22. *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – нач. XX вв.). – М.: Просвещение, 1973.
23. *Водарский Я.Е.* Численность русского населения Сибири в XVII – XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 194 – 213.
24. *Голикова С.В.* Брачные связи государственных крестьян Урала середины XVIII в. (по материалам Егошихинского завода) // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 101 – 108.
25. *Голикова С.В.* О методике изучения семьи по материалам ревизий второй половины XVIII века // Всесоюзная конференция по исторической демографии. – М.: Изд-во АН СССР, 1991. – С. 2 – 4.
26. *Горелов В.А.* Структура и численный состав семьи // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. – Ч. 1. – С. 96 – 105.
27. *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.). – Новосибирск: Наука, 1984.
28. *Громыко М.М.* Динамика земледельческого освоения Западной Сибири в 60 – 80-е гг. XVIII века // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1965. – Вып. 2. – С. 164 – 176.
29. *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение. – Новосибирск: Наука, 1965.
30. *Громыко М.М.* Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства периода феодализма // Проблемы истории советского общества Сибири. – Новосибирск: Наука, 1970. – Вып. 2. – С. 4 – 37.
31. *Громыко М.М.* Некоторые вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1971. – С. 121 – 132.
32. *Громыко М.М.* Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.) // Крестьянская община в Сибири XVII – нач. XX вв. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 33 – 103.

33. *Громыко М.М.* Труд в представлениях сибирских крестьян XVIII – первой половины XIX вв. // Крестьянство Сибири XVIII – нач. XX века (Классовая борьба, общественное сознание и культура). – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 110 – 133.
34. *Дашкевич Л.А.* Семья государственных крестьян на Урале (по материалам подворных описей Поташинской волости 1805 г.) // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма: Сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрО РАН, 1992. – С. 109 – 121.
35. *Дашкевич Л.А.* Типичный жизненный цикл семьи: новые подходы к проблеме // Всесоюзная конференция по исторической демографии. – С. 4 – 6.
36. *Дергачев Ю.А.* Английские историки о роли ссылки в хозяйственном освоении Сибири в XVI – начале XX вв. // Источники по истории освоения Сибири в период капитализма. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 209 – 220.
37. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
38. *Елпатьевский А.В.* К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // Актовое источниковедение. Сб. статей. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – С. 55 – 84.
39. *Жеравина А.Н.* Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII веке // Вопросы истории Сибири. – Томск: Изд-во Томского университета, 1964. – Вып. 1. – Т. 177. – С. 3 – 15.
40. *Жидин О.Н.* Фамильный фонд русских крестьян-старожилов Тарского Прииртышья (XVIII – XIX вв.) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского Симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 204 – 207.
41. *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. – М., 1862.
42. История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Л.: Наука, 1968. – Т. 2. «Сибирь в составе феодальной России».
43. *Зверев В.А.* Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XX вв. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 74 – 85.
44. *Зверев В.А.* Особенности демографического поведения крестьян-новоселов в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 67 – 77.
45. *Зверев В.А.* Особенности движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Город и деревня Сибири в досоветский период: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1984. – С. 103 – 113.
46. *Золотова Т.Н.* Сибирские старожилы и поздние переселенцы (к вопросу об особенностях материальной и духовной культуры) // Музей и общество на пороге XXI века: Материалы Всероссийской научной конференции,

посвященной 120-летию Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 1998. – С. 62 – 63.

47. *Зольникова Н.Д.* Ставленнические дела как исторический источник по социальным проблемам XVIII века // Источниковедение и археография Сибири. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 14 – 41.

48. *Зольникова Н.Д.* Экстракты из ведомостей церковного учета населения в Тарском заказе в XVIII веке // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – нач. XX вв.). – Новосибирск; Наука, 1992. – С. 34 – 39.

49. *Зубов В.Е., Рабцевич В.В.* Крестьянский аспект демографического поведения представителей дореформенной сибирской бюрократии // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 32 – 44.

50. *Ивонин А.Р.* Казаки на сибирском фронтире в XVIII – XIX вв. // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 420-летию Сибирского казачьего войска. – Омск, 2003. – С. 40 – 52.

51. *Ивонин А.Р.* Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII – первой четверти XIX века // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. – Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1991. – С. 115 – 136.

52. Источники по истории Западной Сибири. История и археология: Межведомственный сборник научных трудов. – Омск: ОГУ, 1987.

53. Источниковедение городов Сибири конца XVI – первой половины XIX века: Сборник научных статей. – Новосибирск: АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, 1983.

54. *Кабо Р.М.* Города Западной Сибири. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1949.

55. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1971.

56. *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX века. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

57. *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1990.

58. *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX века. Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1992.

59. *Кабузан В.М.* Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795 – 1917 гг.) // История СССР. – 1979. – № 3. – С. 24 – 38.

60. *Кабузан В.М.* Земледельческие миграции в России в 20-х – 50-х гг. XVIII века // Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы. – Киев: Штиинца, 1991. – С. 62 – 68.

61. *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Движение населения Сибири в XVIII веке // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1962. – Вып. 1. – С. 146 – 154.

62. *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX века // Русское население Поморья и Сибири. – С. 261 – 277.
63. *Кауфман А.А.* Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. – Томск, 1894.
64. *Колесников А.Д.* Географические знания и землепроходческая роль сибирских крестьян XVIII века // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX века. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 50 – 63.
65. *Колесников А.Д.* Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII веке // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – 1964. – Вып. 6 (13). – С. 67 – 85.
66. *Колесников А.Д.* История заселения Омской области // Конференция по географии Западной Сибири / К 100-летию Омского отдела географического общества. – Омск, 1977. – С. 52 – 57.
67. *Колесников А.Д.* Изменение демографической ситуации в Сибири // Проблемы исторической демографии СССР. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980. – С. 144 – 157.
68. *Колесников А.Д.* Миграции русского населения в Западной Сибири в XVIII – начале XIX века // Русское население Поморья и Сибири. – С. 229 – 248.
69. *Колесников А.Д.* Омская пашня. – Омск, 1999.
70. *Колесников А.Д.* О национальном составе населения Омской области // Материалы к III научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. – Омск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1966. – Вып. 1. – С. 88 – 104.
71. *Колесников А.Д.* Основание Омской крепости и ее роль в заселении Прииртышья // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. – 1965. – Вып. 7 (14). – С. 133 – 156.
72. *Колесников А.Д.* Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973.
73. *Колесников А.Д.* Состав переселенцев в Сибири // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 3 – 11.
74. *Колесников А.Д.* Ссылка и заселение Сибири // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX века). – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 35 – 58.
75. *Колесников А.Д.* Ссылка – один из источников формирования сибирского крестьянства // Проблемы истории советского общества Сибири. – Новосибирск: Наука, 1970. – Вып. 2. – С. 106 – 116.
76. *Колесников А.Д.* Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII – XIX вв. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII – XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 1968. – С. 225 – 238.
77. *Коновалова Е.Н.* Описания Тобольского наместничества // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 118 – 121.

78. *Корецкий В.И.* Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII вв.) // Русское население Поморья и Сибири. – С. 37 – 59.
79. *Корусенко С.Н.* Источники генеалогических исследований в России // История. Антропология. Культурология: Программы и избранные лекции. – Омск, 2003. – Ч. 2. Избранные лекции. – С. 147 – 176.
80. *Крих А.А.* К вопросу об этнической неоднородности казачества Западной Сибири (на примере внешних округов Киргизской степи второй половины XIX в.) // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru – Вып. 1. – Красноярск, 2005. – С. 138 – 147.
81. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука, 1982.
82. *Кузнецова Я.Л.* Фоносемантический анализ частотных имен исетских старообрядцев конца XIX в. // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 372 – 374.
83. *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость и семья за три века. – М.: Статистика, 1979. – С. 132 – 157.
84. *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки начала XVIII века. – Новосибирск: Наука, 1992.
85. *Мамсик Т.С.* Крестьянская среда и беглец // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX века. (Классовая борьба, общественное сознание и культура). – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 85 – 109.
86. *Мамсик Т.С.* Расселение крестьян-раскольников в Западной Сибири по материалам официальной статистики первой половины XIX века // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 44 – 57.
87. *Мамсик Т.С.* Сибирская аграрная буржуазия дореформенного периода: опыт социально-демографического анализа // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 105 – 114.
88. Массовые источники по истории Сибири: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГУ, 1989.
89. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. – М. – Л.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1941.
90. *Миненко Н.А.* Историография Сибири (период феодализма). – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1978.
91. *Миненко Н.А.* Источники пополнения и сословный состав населения западно-сибирской деревни в начале XVIII века // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период / Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1987.

92. *Миненко Н.А.* К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII века // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX века. (Классовая борьба, общественное сознание и культура). – С. 75 – 85.
93. *Миненко Н.А.* К характеристике общественного сознания русского населения северо-западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века) // Бахрушинские чтения. – Новосибирск, 1971. – С. 58 – 68.
94. *Миненко Н.А.* Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII – первой половины XIX вв. (по материалам Западной Сибири) // Источниковедение и археография Сибири. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 41 – 59.
95. *Миненко Н.А.* О влиянии ссылки на семейную жизнь русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири XVIII – начале XX вв. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 282 – 293.
96. *Миненко Н.А.* Община и русская крестьянская семья в юго-западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX вв. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 104 – 125.
97. *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX века). – Новосибирск: Наука, 1979.
98. *Миронов Б.Н.* Исповедные ведомости – источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII – первой половины XIX века // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XX. – Л.: «Наука», 1989. – С. 102 – 117.
99. *Миронов Б.Н.* Семья семье рознь // Родина. – 2001. – № 8. – С. 60 – 66.
100. *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей. Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – С. 83 – 104.
101. *Морозов А.* Переселенческие поселки Омского уезда в 1897 году // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. – 1900. – Кн. 27. – С. 1 – 27.
102. Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: Исследовательские подходы и интерпретации. – М., 2003.
103. *Мухамедьяров Ш.Ф.* К проблеме «географического фактора» как препятствия на пути цивилизации России (заселение русскими Сибири) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – С. 86 – 88.
104. *Никитин Н.И.* Проблема соотношения вольнонародной и правительственной колонизации Сибири конца XVI – начала XVIII вв. в дореволюционной и советской историографии // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода: Межвузовский тематический сборник научных трудов. – Омск: ОмГУ, 1990. – С. 6 – 15.
105. *Никонов В.А.* Русское заселение Зауралья по данным ономастики // Проблемы исторической демографии СССР. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980. – С. 170 – 175.

106. *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. – СПб., 1856. – Ч. 2. – Кн. 2.
107. *Патканов С.К.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. – СПб., 1893.
108. *Перковский А.Л.* Кризис демографического воспроизводства крепостного крестьянства России в первой половине XIX века // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей. Под ред. А.Г. Вишневого. – М.: Статистика, 1977. – С. 167 – 190.
109. *Потанин Г.Н.* Сведения о числе жителей в Западной Сибири в половине XVIII столетия // Вестник РГО. – 1860. – № 8. – С. 201 – 220.
110. *Пронин В.И.* Город и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Город и деревня Сибири в досоветский период. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 88 – 102.
111. *Пронин В.И.* Демографические и профессиональные изменения в сельском населении Сибири пореформенного периода // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 90 – 107.
112. *Пундани В.В.* Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX века. – Челябинск: Изд-во Челябинского ГПИ, 1984.
113. *Рабцевич В.В.* Административно-территориальное деление Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX века // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1980. – С. 3 – 26.
114. *Рабцевич В.В.* Крестьянская община в системе местного управления Западной Сибири (1775 – 1825 гг.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX вв. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 126 – 150.
115. *Рабцевич В.В.* Управление государственными крестьянами Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX века // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1981. – С. 3 – 30.
116. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811 – 1913 гг.). – М.: Госстатиздат, 1956.
117. *Резун Д.Я.* Городское население Тобольской губернии на рубеже XIX века // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 154 – 162.
118. *Резун Д.Я.* Откуда пошли Немчиновы в Сибири // Гуманитарные исследования в Сибири. – 2003. – № 2. – С. 76 – 77.
119. *Резун Д.Я.* Словари XVIII – начала XIX вв. как источник по торговле городов Сибири // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. – Новосибирск: АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии, 1990. – С. 149 – 158.
120. *Резун Д.Я.* Ставленнические дела как источник по истории русской колонизации Западной Сибири во второй половине XVIII века // Источники по

истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 154 – 162.

121. Резун Д.Я. Урбанизация и история Сибири конца XVI – XVIII вв. // Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии. – 1989. – Вып. 3. – С. 44 – 48.

122. Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. – Новосибирск, 2007.

123. Русские в Омском Прииртышье (XVIII – XX). – Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002.

124. Русский вопрос: история и современность: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. М.А. Жигуновой, Т.Н. Золотовой. – Омск: «Издательский дом «Наука», 2005.

125. Рутц М.Г. Социальный состав городского населения Западной Сибири в 1-й пол. XIX века // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 91 – 104.

126. Секретов А.А. Переселение государственных крестьян в Тобольскую губернию в 40–50-х гг. XIX века // Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Омск, 2000.

127. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань. – М.: Гос. изд-во географической литературы, 1946.

128. Семья, дом и узы родства в истории // Сборник научных статей. – СПб., Европейский университет в Санкт-Петербурге: Алетейя, 2004.

129. Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы VI Международной научно-практической конференции. В 3-х ч. – Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2006.

130. Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века // Сборник научных статей. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.

131. Словоцков П.А. Историческое обозрение Сибири. – Новосибирск: Изд-во «Вен-Мер», 1995.

132. Ссылка в Сибирь. – СПб., 1900.

133. Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII веке и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. – С. 106 – 124.

134. Степанов П. Путевые записи, веденные во время поездки летом 1885 г. в верховьях Тартаса и Тары // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. – 1886. – Кн. 8. – Вып. 1. – С. 1 – 24.

135. Суворова Н.Г. Крестьянский вопрос в I Сибирском комитете // Емельяновские чтения: Материалы I межрегиональной научно-практической конференции. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2006. – С. 78 – 80.

136. Сысуева Р.П. Ревизские сказки 1816 года города Кургана как лингвистический источник // Емельяновские чтения: Материалы I межрегиональной научно-практической конференции. – С. 210 – 212.

137. *Тарасов-Борисенко М.В.* Ареал генеалогии русских крестьян. Проблемы и опыт микроисследований по материалам Тобольского и Тарского уездов конца XVI – начала XX в. – СПб., 2001.
138. *Тимконова Г.Ф.* Татарские личные имена русского происхождения (на материале татар г. Тюмени в XX в.) // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 294 – 297.
139. *Турчанинов Н.В.* Население Азиатской России: Статистический очерк // Азиатская Россия. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 64 – 92.
140. *Урланис Б.Ц.* Избранное. – М.: Мысль, 1995.
141. *Фальк И.П.* Записки // Полное собрание ученых путешествий по России. – СПб., 1824. – Т. 6. – С. 322 – 426.
142. *Устюгов Н.В.* Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII веке // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1961. – С. 64 – 74.
143. *Шепукова Н.М.* К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Сибири // Сибирь периода феодализма. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние. – 1965. – Вып. 2. – С. 177 – 184.
144. *Шпалтаков В.П.* Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX века. – Омск: Изд-во ООО «Литограф», 1997.
145. *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). – М.: Наука, 1956.
146. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000.
147. *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724 – 1916 гг. // История СССР. – 1957. - № 1. – С. 192 – 224.

Содержание

| | |
|--|-----|
| Введение..... | 3 |
| Историографический обзор..... | 4 |
| Территориальные и хронологические рамки исследования..... | 13 |
| 1. Источники историко-демографического исследования..... | 15 |
| Ревизские сказки..... | 15 |
| Церковный учет населения..... | 23 |
| Сравнительный анализ данных ревизских сказок и исповедных ведомостей..... | 33 |
| Губернаторские отчеты..... | 42 |
| 2. Формирование населения южных уездов Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века..... | 51 |
| Размещение, внешний приток и внутриуездное движение населения..... | 51 |
| Естественный прирост..... | 92 |
| Соотношение естественного прироста и внешнего притока населения в увеличении численности жителей южных уездов Тобольской губернии..... | 118 |
| 3. Брачно-семейные отношения..... | 139 |
| Приложения..... | 172 |
| Список источников..... | 202 |
| Список литературы..... | 205 |

Научное издание

Наталья Васильевна Кабакова

ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНЫХ УЕЗДОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Монография

Редактор И.Г. Кузнецов

Подписано к печати 28. 11. 2008 г.
Формат 60х90 1/16. Бумага писчая
Оперативный способ печати
Гарнитура Times New Roman
Усл. п.л. 13,5, уч.-изд. л. 13,5
Тираж 500 экз. Заказ № 146
Цена договорная

Издательство СибАДИ
644099, г. Омск, ул. П. Некрасова, 10

Отпечатано в ПЦ издательства СибАДИ
644099, г. Омск, ул. П. Некрасова, 10